

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

На правах рукописи

Землянская Ксения Александровна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ ВЕНЕДИКТА МАРТА

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Забияко Анна Анатольевна

Благовещенск 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Владивостокский период становления художественной этнографии Венедикта Марта: между модернизмом и этнографизмом.....	27
<i>1.1 Владивосток (1915–1920-е гг. XX в.): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты формирования художественной этнографии В. Марта.....</i>	<i>27</i>
<i>1.2 Образ восприятия Китая и китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода.....</i>	<i>41</i>
<i>1.3 Образ восприятия Японии и японцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода</i>	<i>54</i>
Глава 2. Эмигрантский период: между натурализмом и этнографизмом.....	63
<i>2.1 Харбин начала 1920-х гг.: социокультурный, этнокультурный, литературный контексты развития художественной этнографии В. Марта.....</i>	<i>63</i>
<i>2.2 Родо-жанровые, идейно-тематические и стилистические аспекты художественно-этнографических публикаций В. Марта.....</i>	<i>74</i>
Глава 3. Советский период развития художественной этнографии В. Марта: от «литературы факта» к неомифологизму.....	93
<i>3.1 Москва – Ленинград – Саратов – Киев (1923–1937): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты трансформации художественной этнографии В. Марта.....</i>	<i>93</i>
<i>3.2 «Революционный Восток» в художественной этнографии В. Марта советского периода.....</i>	<i>107</i>
<i>3.3 Обращение к традициям малых народов СССР в художественной этнографии В. Марта.....</i>	<i>127</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	144

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено исследованию художественно-этнографической части литературного наследия дальневосточного писателя Венедикта Марта.

Венедикт Март (Венедикт Николаевич Матвеев, 1896, Владивосток – 1937, Киев) разделил судьбу многих представителей своего талантливое поколения – детские и юношеские годы на далекой окраине Российской империи, участие в бурных литературных и культурных процессах Владивостока 1920-х гг., постреволюционная недолгая эмиграция в Китай, затем – попытка встроиться в советскую литературу, расстрел.

Казалось бы, найденный собственный путь к советскому читателю обрывается страшным 1937 г., когда «вспомнилось» его увлечение Востоком и столь близкое для его семьи знакомство с Японией. Как итог – обвинение в шпионаже, расстрел и безвестность на долгие годы. Сегодня богатое творческое наследие Венедикта Марта начинает возвращаться уже российскому читателю. В прошлые годы в составе сборников поэзии дальневосточной эмиграции [*Русская поэзия Китая* 2001, с. 297–303]; [*Литература русских эмигрантов...* 2005, с. 476–480], писателей Дальнего Востока [*Антология поэзии...* 1967, с. 66–68]; [*Сто лет поэзии Приморья* 1998, с. 29–31]; [*Поэзия русского футуризма* 1999, с. 558–562] и в составе отдельных статей, как приложение, публиковались избранные стихи Венедикта Марта [Гребенюкова 1998, с. 225–227]; [Евтушенко 2004, с. 38–47]; [Март 2013]. Вышло двухтомное собрание сочинений [Март 2020a]; [Март 2020b], отдельным изданием опубликованы поэтические сборники поэта с приложением расшифровки его уголовного дела [Март 2020c]; [*Уголовное дело...* 2020]; сотрудниками Центра изучения дальневосточной эмиграции публикуются найденные в разных архивах страны художественные и публицистические произведения В. Марта [Литература русского зарубежья... 2013, с. 125–202]; [Забияко, Левченко, 2014, с. 190–192]; [Левченко, Забияко, 2015, с. 339–351]; [Левченко, Дябкин, 2016, с. 287–293]; [Землянская 2021с, с. 164–171]. Анализ писем

писателя своему брату Н.Н. Матвееву-Бодрому [*Переписка Матвеева...*] с указанием объема написанных произведений говорит о том, что огромный корпус очеркового, поэтического и прозаического наследия поэта до сих пор не найден¹, так как оно было опубликовано в мелких региональных советских изданиях и на языках республик, входящих в Советский Союз², или хранится как рукопись в архивах РФ³. Многочисленные архивные экспедиции автора диссертации позволили найти неизвестные ранее публикации⁴, которые только ожидают републикации в составе хрестоматии или отдельным изданием.

В целом творческий путь В. Марта можно разделить на 3 этапа:

1. Владивостокский (1915–20 гг.). Это период становления В. Марта как художника слова: его общение с приморскими краеведами и востоковедами (в первую очередь, с отцом и его кругом), увлечение модернизмом в комплексе его постсимволистских художественных установок, поездка в Японию, первые опыты переводов восточной литературы и собственных стилизаций.

2. Эмигрантский (Харбин, конец 1920–23 гг.). В. Март оказывается в среде русского Харбина и одновременно – в гуще народной китайской жизни. С одной

¹ Так, пока не найдены очерки о гражданской борьбе в Африке, краеведческие очерки о культурных и научных организациях г. Саратова, о которых он упоминает в письме к брату, повести «Сосновые бараки», «Охотники за ушами» и др.

² «Работаю в 1000 и 1 журнале» (Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.01.1927 г.) [*Переписка Матвеева...*, с. 30]; «Я работаю чрезвычайно много и меня ждет куча срочной работы» (Письмо Венедикта Марта Зангвильду Матвееву от 01.03.1929 г. № 15(150) [*Переписка Матвеева...*, с. 16]; «По договору с ТАССом посылаю в Москву очерки по странам Дальнего Востока и на местные темы индустриального и сельскохозяйственного строительства. Пресс-бюро ТАССа размножает мои очерки и рассылает со своими бюллетенями во все газеты (провинциальные) СССР и таким образом мои очерки появляются во всех концах Союза» (Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 16.05.1931 г. [*Переписка Матвеева...*, с. 44]). Часть писем Венедикта Марта своим адресатам содержит авторскую нумерацию. О своей системе организации труда писатель писал брату: «В жизни – быту и, особенно, в труде, в частности – в корреспонденции – у меня строжайшая система, от которой я не отступаю ни при каких обстоятельствах» (Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 16.05.1931 г. [*Переписка Матвеева...*, с. 44]). Если письма пронумерованы, эта нумерация указывается в данном исследовании.

³ Так, в Российском государственном архиве литературы и искусств был найден неопубликованный сборник «Рассказы о Востоке». Подробнее о нем см.: [Забияко, Землянская, 2021].

⁴ Например: *Март В.* Месть китайки: очерк [*Матвеев (Март)*, с. 27–28]; *Март В.* Последняя мечта Чон-Чун Чина: очерк [*Матвеев (Март)*, с. 25–26]; [*Синяя Маска 1921a*]; [*Синяя Маска 1921b*]; [*Синяя Маска 1921c*]; [*Синяя Маска 1921d*]; [*Россов 1921*]; [*Март 1920b*]; [*Март 1920g*]; [*Март 1919f*].

стороны – растерянность от постреволюционных событий, стремление выжить, поденная работа в «желтой» прессе. С другой стороны – бесценный опыт самостоятельных этнографических наблюдений за жизнью китайцев и простых русских харбинцев.

3. Советский (Москва – Ленинград – Саратов – Киев, 1923–37 гг.). Оказавшись в Советской России, Март пытается встроиться в новые социально-политические обстоятельства и одновременно использовать богатый художественный и этнографический материал. Общается с «Серапионовыми братьями», пробует себя в востребованном жанре этнографического рассказа.

Для каждого из этих этапов характерно преобладание определенного художественно-эстетического начала и тяготение к определенному способу выражения (в раннем периоде – к лирическому стихотворению; в период Харбина – к «физиологическому очерку» и публицистической заметке, в советский период – к рассказу и новелле). Однако неизменным на протяжении всего творчества дальневосточного писателя остается интерес к художественному познанию народов Дальнего Востока, их традициям и обычаям, религиозным практикам. Литература такого рода давно привлекает внимание исследователей, которые в разные годы давали направлению разные определения: «этнографические рассказы» [Шкуркин 1924, с. 4], «популярный обзор путешествий» [Арсеньев 2007, с. 50], «краеведческое направление в литературе» [Советский энциклопедический словарь 1987, с. 78], «поэтический этнографизм» [Эртнер 2005]⁵, «этнографическая проза»/«этнографическое повествование» [Фокеев 2004a]; [Фокеев 2004b], «географическая проза» [Яроцкая 2005]», «литературный этнографизм» («этнографизм русского литературного процесса») [Тангаева 2021], «этнокультурология» [Личкова 2015], «изображение инонациональных явлений жизни и нерусского этнопсихологического образа» [Сарбаши 2013] и др. Ни одно из этих понятий не претендует на универсальность.

⁵ Подробнее об этом на материале литературы дальневосточной эмиграции см.: [Цмыкал 2021]; [Забияко, Цмыкал, 2021]; [Забияко, Цмыкал, 2022].

В фокусе произведений В. Марта, которые стали объектом нашего исследования – народы Дальнего Востока, их традиции и обычаи, религиозные взгляды, ритуалы и практики. Поэтому в нашей работе для определения этой части художественного творчества В. Марта мы используем понятие «художественная этнография» – «художественное освоение автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определенные географические пространства» [Забияко 2012, с. 181]. Это понятие «определяет личный опыт писателя, вступившего в общение с инокультурой и пытающегося осознать плоды этого взаимодействия сквозь призму своего исследовательского и художественного мировидения» [Забияко 2011b, с. 87]. Истоки художественной этнографии лежат в сфере научной этнографии. В данном случае, как подчеркивает А.А. Забияко, литература в своей познавательной функции и наука вступают в равноправный диалог, работая на одну цель – постижение и запечатление жизни народов. В художественной этнографии тесно переплетены этнографические наблюдения и закономерности организации художественного текста. «Художественное освоение предполагает “олитературирование” фактического материала вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой, особыми повествовательными стратегиями. Соотношение двух начал (научного и художественного) может балансировать в ту или иную сторону – в зависимости от установки и предпочтений автора, рождая разнообразные жанрово-стилевые формы» [Забияко 2020, с. 307].

Уникальное географическое расположение, особенности природы и ландшафта, многообразие народов и культур Дальнего Востока вдохновили отважных путешественников не только на подвиги во славу Отечества, но и на художественное творчество. Во второй половине XIX в. на Дальний Восток отправляются путешественники и многочисленные научные экспедиции, которые сначала с научной, а потом и с художественной стороны фиксируют особенности быта, повседневной жизни пришлого и аборигенного населения Дальнего Востока [Мичи 1868]; [Маак 1859]; [Маак 1861]; [Шренк 1883–1903]; [Максимович

1862]; [Кропоткин 1896]; [Грум-Гржимайло 1894]; [Ельницкий 1895]; [Граве 1912]; [Забияко 2014]. В поступательном развитии художественно-этнографического начала в литературе В. Март выступает верным последователем тех авторов, что стояли у истоков дальневосточной литературы и пришли в нее, как правило, из науки – речь идет о С.В. Максимове, А.Я. Максимове, Н.М. Пржевальском, А.В. Елисееве, В.К. Арсеньеве, П.В. Шкуркине, Н.А. Байкове.

Литература Дальнего Востока неразрывно связана с понятием дальневосточного фронта – «контактной зоны в тихоокеанском регионе, где встречаются разнообразные народы и их культуры, формируется особый тип ментальности» [Забияко 2009а, с. 10]. Ментальность дальневосточного фронта – «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья» [Забияко 2009а, с. 10]. В начале XX в. произведения художественно-этнографической направленности становятся востребованными среди читателей, особенный интерес вызывают произведения, обращенные к Дальнему Востоку, условиям дальневосточного фронта, народам, населяющим порубежные территории, их обычаям, традициям и ментальным особенностям [Забияко 2010]; [Забияко 2015а].

В художественной этнографии Дальнего Востока, к началу творчества В. Марта создаваемой уже на протяжении более полстолетия в творчестве В.К. Арсеньева, Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина, и в том числе, отца писателя, Н.П. Матвеева (Амурского), воплотились самые разные художественные ориентиры авторов и жанровые предпочтения. Венедикт Март продолжил это направление в уникальных, присущих его художественному сознанию тематико-образных и жанрово-стилистических формах.

В русской литературоведческой науке до сих пор нет одной устоявшейся концепции в отношении понятия «жанр» [Головко 2009, с. 10–41]. В диссертации вслед за В.В. Кожинным мы будем понимать под жанром «целостную систему особенностей сюжета, композиции, художественной речи, ритма повествования, самый способ материального существования» [Кожин 1963, с. 121] произведения.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной филологической науки к явлению художественного этнографизма в литературе, его воплощению в дальневосточном эмигрантском и советском текстах; определена вниманием современного литературоведения к методологическим аспектам изучения текстов художественно-этнографической направленности в тематико-сюжетном, жанрово-стилистическом и рецептивном аспектах.

С конца 1990-х гг. начинается исследование литературы восточной ветви русской эмиграции. Венедикта Марта, который недолгое время (в начале 1920-х гг.) проживал в Харбине, но потом продолжил свой творческий путь в Советской России, нельзя в буквальном смысле назвать писателем-эмигрантом, но важно понимать, что его харбинский этап внес определенный вклад в развитие литературы дальневосточного зарубежья в ее начальном развитии, а судьба, творческие поиски формировались в контексте политического и культурного слома эпох, революционных изменений в России, смены эстетических парадигм.

В советской литературе 1920–1930-х гг. Венедикт Март имел репутацию знатока Востока. Проза и поэзия писателя дает яркие образцы произведений, в которых писатель художественно осмысляет дальневосточную фронтирную реальность первых десятилетий XX в., культуру и быт самых разных народов Дальнего Востока, при этом стремится экспериментировать в жанровом и языковом ключе. В отношении творческого пути писателя до сих пор существует множество «темных мест», многие его произведения не известны исследователям либо вовсе потеряны. Анализ поэтических и прозаических произведений Венедикта Марта этнографической направленности позволит определить своеобразие художественного освоения автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта китайцев, японцев, корейцев и гольдов; определить место Венедикта Марта в отечественной литературе, осмыслить пути влияния социально-политических, этнокультурных и этнорелигиозных трансформаций первых десятилетий XX в. на выбор тем, образов, мотивов, жанровых форм художественно-этнографических произведений писателя.

Степень научной разработанности проблемы исследования

Историко-литературный контекст советской эпохи, дискуссии в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта» изучались с опорой на работы М.О. Чудаковой [Чудакова 2001], Н.В. Корниенко [Корниенко 2010] и результаты коллективных монографий сотрудников ИМЛИ РАН [В поисках новой идеологии... 2010].

Изучение рецепции восточной культуры в художественном творчестве писателей дальневосточной эмиграции отражено в монографиях и статьях исследователей Института филологии СО РАН (Е.В. Капинос, Е.Ю. Куликовой и др.) [Куликова 2018]; [Капинос 2020]; [Куликова 2021]; [Проскурина 2021]; [Проскурина 2023].

В работе используются исследования китаеведов, индологов, востоковедов. Этнография Китая, китайская ментальность изучались с опорой на работы С.Г. Георгиевского [Георгиевский 1888]; [Георгиевский 1892], И.Г. Баранова [Баранов 1999], В.В. Малявина [Малявин 2000], В.Я. Сидихменова [Сидихменов 1987], В.П. Васильева [Васильев 1873], Н.А. Спешнева [Спешнев 2012], В.Г. Бурова [Буров 2000], Ли Иннань [Ли Иннань 2013], Тань Аошуан [Тань Аошуан 2012], Э. Эриксона [Эриксон 1905], Ван Цзишэна [Смерть как жизнь 2002], Ци Ляньсю, Сяо Ли [Ци Ляньсю, Сяо Ли, 1992], Юань Кэ [Юань Кэ 2019] и др. Традиции и обычаи японцев изучались с опорой на труды Э. фон Гессе-Вартега [Гессе-Вартег 1902], М. Федорова [Федоров 1905], А.Ф. Прасола [Прасол 2008], В.А. Пронникова, И.Д. Ладанова [Пронников, Ладанов, 1996], В.Н. Горегляда [Горегляд 1975]; [Горегляд 2006], Н.И. Конрада [Конрад 1973], Т.П. Григорьевой [Григорьева 1979]; [Григорьева 1998], В.И. Дунаева [Дунаев 1977], А.В. Власкина [Власкин 2021], Ч. Данна [Данн 2006], А.Н. Мещерякова [Мещеряков 2008], Е.С. Штейнера [Штейнер 2011]. Культура и этнография Кореи изучалась с опорой на работы Пан Хван Дю [Пан Хван Дю 1990], Ю.В. Ионовой [Ионова 1982]; [Ионова 2011] и др. Этнография Индии и ментальность индусов изучалась с опорой на труды Н.Р. Гусевой [Гусева 2002], С.Ф. Ольденбурга [Ольденбург 1991], А.Е. Снесарева [Снесарев 1981] и др.

Обряды перехода, религиозные и повседневные традиции гольдов/нанайцев изучались с опорой на труды П.П. Шимкевича [*Шимкевич 1896*]; [*Шимкевич 1897a*]; [*Шимкевич 1897b*], И.А. Лопатина [*Лопатин 1922*], Л.Я. Штернберга [*Штернберг 1933*]; [*Штернберг 1936*], С.В. Березницкого, С.Ф. Карабановой, Е.А. Гаер [*Гаер 1991*]; [*История 2003*], А.В. Смоляк [*Смоляк 1980*]; [*Смоляк 1999*], Е.В. Фадеевой [*Фадеева 2015*] и др.

Биография В. Марта в контексте жизнеописания семьи Матвеевых рассмотрена Б. Дьяченко [*Дьяченко 2003*], В.П. Евтушенко [*Евтушенко 2004, с. 32–47*], А.А. Хисамутдиновым [*Хисамутдинов 2019*], К.Н. Зиловой [*Зилова 2000a*]; [*Зилова 2000b*]; [*Зилова 2020*], Е.О. Кирилловой [*Кириллова 2016a*]; [*Кириллова 2016c*], В. Авченко [*Авченко 2021*], Т. Ёкото Мураками [*Ёкото Мураками 2007*]; [*Yokota-Murakami 2009*]. Биографический контекст творчества В. Марта реконструирован А.А. Забияко [*Забияко 2015b*]; [*Забияко 2016b*], А. Устиновым [*Дневниковые записи... 1992*]; [*Устинов 2020*], К. Львовым [*Львов, Устинов, 2020*]; [*Львов 2020*], М. Тесли [*Тесли 2020*], Н.П. Гребенюковой [*Гребенюкова 1996*]; [*Гребенюкова 1998*]; [*Гребенюкова 2019a*]; [*Гребенюкова 2019b*]. Творчество Марта в контексте развития футуризма на Дальнем Востоке рассмотрено А. Крусановым [*Крусанов 2003*], Е.О. Кирилловой [*Кириллова 2007*]; [*Кириллова 2011*]; [*Кириллова 2016b*]; [*Кириллова 2016d*]; [*Кириллова 2017*]; [*Кириллова 2018*], В. Катеринич [*Катеринич 2002*]; [*Катеринич 2014*], Н.В. Давитадзе [*Давитадзе 2009*], Е.А. Макаровой [*Макарова 2019*], Л. Иващенко [*Ивашенко 1976*], В.Г. Пузыревым [*Пузырев 1968*]; [*Пузырев 1972*]. Творчество В.М. Марта в контексте развития литературы дальневосточного зарубежья затронуто в работах В.В. Агеносова [*Агеносов 2006*], А.А. Забияко [*Забияко, Эфендиева, 2008*]; [*Забияко, Эфендиева, 2009*]; [*Забияко 2015b*]; [*Забияко 2016b*], А.В. Колесова, Дяо Шаохуа [*Дяо Шаохуа 1996*]; [*Колесов, Дяо Шаохуа, 2002*], О.А. Бузуева [*Бузуев 2013*]; [*Бузуев 2019*], О.В. Богдановой, Юньмэй Цзан [*Богданова, Юньмэй Цзан, 2022*]; [*Богданова, Юньмэй Цзан, 2023, с. 132–137, 172–179*], Е.Е. Жариковой [*Жарикова 2008a*]; [*Жарикова 2008b*]. Творчество В. Марта советского периода затро-

нуто в работах А.А. Забияко, К.А. Землянской [Забияко, Землянская, 2021]; [Землянская 2021с], А.А. Левченко [Левченко 2014]; [Левченко 2015а], И.А. Дябкина [Левченко, Дябкин, 2016] и Е.А. Денисовой [Денисова 2020а]; [Денисова 2020б]; [Денисова 2021]. Отдельные аспекты художественной этнографии В. Марта затронуты в статьях А.А. Забияко и А.А. Левченко [Левченко, Забияко, 2013]; [Забияко, Левченко, 2014а]; [Забияко, Левченко, 2014б]; [Левченко, Забияко, 2015]; [Левченко 2017]; [Левченко 2013]; [Левченко 2015б]. Образ Японии в прозе и поэзии Марта затронут в статьях А.М. Сулейменовой [Сулейменова 2007]; [Сулейменова 2010]; [Сулейменова 2013]; [Сулейменова 2017].

Теоретико-методологическая база исследования.

Художественно-этнографическое направление в русской литературе XIX – первой половине XX в. сквозь призму регионального и общероссийского контекстов, жанровой манеры и способов организации повествования исследуется Е.Н. Эртнер, А.Л. Фокеевым и др. Понятие художественная этнография разработано в статьях и монографиях А.А. Забияко [Забияко 2012]; [Забияко 2020]; [Забияко, Цмыкал, 2024]. Лирический способ создания художественной этнографии – *поэтический этнографизм* – определен в публикациях О.Е. Цмыкал и А.А. Забияко [Забияко, Цмыкал, 2021]; [Цмыкал 2021]. Концептуально важным для исследования является разработка понятий *фронтир*, *порубежье* А.П. Забияко [Забияко 2015с]. Имагологические аспекты изучения образов восприятия опираются на исследования образов взаимовосприятия русских и китайцев, специфики их этнического сознания А.П. Забияко [Забияко 2009б]; [Забияко 2010]; [Забияко 2016с], Ли Иннань [Ли Иннань 2010], Д.А. Владимировой [Владимирова 2005], В.И. Исаченко [Исаченко 2005]. Специфика образа восприятия инокультуры в литературе («образа художественного восприятия») исследуется с опорой на работы А.А. Забияко, Е.В. Сениной [Сенина 2018б]; [Забияко, Сенина, 2018]; [Забияко, Сенина, 2019]; [Забияко, Сенина, 2021а]; [Забияко, Сенина, 2021б], корреспондирующие с разработкой понятия «культурный образ» Д.–А. Пажо [Pageaux 1981].

Проблема литературных жанров рассмотрена с опорой на работы В.М. Головки [Головки 2019], В.И. Тюпы [Тюпа 2008], И.Н. Сухих [Сухих 2023], В.В. Кожина [Кожин 1963] и др.

Методология литературоведческого анализа базируется на работах О.И. Федотова [Федотов 2003], М.Л. Гаспарова [Гаспаров 1997], Ю.М. Лотмана [Лотман 1970], Е.Г. Эткинда [Эткинд 2001], В.Я. Задорновой [Задорнова 1984], В.И. Тюпы [Тюпа 2008] и др.

Объектом диссертационного исследования выступает художественная этнография Венедикта Марта.

Предмет исследования – тематико-сюжетные и жанрово-стилистические основы формирования художественной этнографии Венедикта Марта.

Эмпирическим материалом исследования послужили художественные, очерковые, публицистические тексты Венедикта Марта 1910–1930-е гг. художественно-этнографической направленности, многочисленные архивные публикации о писателе во владивостокской и харбинской периодике.

Цель диссертационного исследования: выявить и исследовать тематико-сюжетные и жанрово-стилистические источники формирования и способы воплощения художественной этнографии Венедикта Марта в диахроническом аспекте.

Задачи диссертационного исследования:

1. Определить роль социокультурного, этнокультурного и литературного контекста в формировании художественной этнографии В. Марта 1910–1930-х гг. (Владивосток, Харбин, Советский Союз).

2. Исследовать художественные способы воплощения образов восприятия инокультуры (Китая и китайцев, Японии и японцев, малых народов Дальнего Востока и др.) в творчестве В. Марта в диахроническом аспекте.

3. Исследовать родо-жанровое, идейно-тематическое и стилистическое своеобразие художественной этнографии В. Марта в диахроническом аспекте его творчества.

В ходе решения этих задач осуществлялась проверка исходной **гипотезы исследования**. Её основу составляет тезис о том, что на развитие художественной этнографии Венедикта Марта влияли социокультурный, этнокультурный и литературный контексты его творчества, его этнические установки и опыт общения с народами Дальнего Востока, генезис его художественных ориентиров. Эти факторы формировали художественные образы восприятия инокультуры, которые воплощались в соответствующих родо-жанровых, сюжетно-тематических и стилистических формах.

Научная новизна исследования определяется:

1. Введением в научный оборот корпуса новых художественных, очерковых, публицистических текстов Венедикта Марта, многочисленных архивных публикаций о писателе во владивостокской и харбинской периодике, собранных в результате научных командировок в архивы г. Хабаровска, г. Владивостока, г. Москвы.
2. Детальной реконструкцией историко-культурного, историко-литературного и биографического контекста формирования художественной этнографии В. Марта во владивостокский, эмигрантский и советский периоды.
3. Выявлением установок и художественных средств, формирующих художественный образ восприятия Китая и китайцев, Японии и японцев, малых народов Дальнего Востока в творчестве В. Марта в диахроническом аспекте.
4. Целостным исследованием художественной этнографии Венедикта Марта в родо-жанровом, сюжетно-тематическом и стилистическом аспектах, выявлением художественных приемов воплощения этнографических интенций В. Марта в соответствии с его литературной эволюцией и существующим социальным заказом.

Личный вклад автора при подготовке диссертации.

В результате многочисленных научных командировок в архивы г. Москвы, г. Владивостока, г. Хабаровска, работы с личным архивом брата Венедикта Марта Н.Н. Матвеева-Бодрого, хранящимся в фондах Хабаровского краевого му-

зея имени Н.И. Гродекова, были найдены неизвестные ранее публикации писателя и рецензии на его произведения во владивостокской и харбинской прессе. Автор самостоятельно провел подбор и анализ научной литературы по теме диссертации. Совместно с научным руководителем сформулировал цель и задачи исследования. Самостоятельно провел отбор и анализ публикаций Венедикта Марта художественно-этнографической направленности, подготовку и написание публикаций по теме исследования. Автором проведено целостное исследование художественно-этнографического корпуса произведений Венедикта Марта в родо-жанровом, сюжетно-тематическом и стилистическом аспектах, выявлены художественные приемы воплощения этнографических интенций В. Марта в соответствии с его литературной эволюцией и существующим социальным заказом. Совместно с научным руководителем обобщены результаты исследований, сформулированы научные выводы.

Теоретическая значимость работы заключается:

- в расширении эмпирической базы обоснования понятий *художественная этнография, образ восприятия, поэтический этнографизм*;
- в выявлении и исследовании приемов создания художественной этнографии;
- в определении обусловленности жанровых и стилистических модификаций произведений художественной этнографии социально-политическими, этнокультурными и историко-литературными обстоятельствами развития литературного процесса.

Практическая значимость диссертации заключается:

- во введении в научный оборот неизвестных произведений Венедикта Марта художественно-этнографической направленности, писем писателя, которые раскрывают художественный замысел его произведений, рецензий на его произведения во владивостокской и харбинской прессе;
- в использовании результатов исследования при чтении курсов о литературе Дальнего Востока, дальневосточной эмиграции и литературе советского периода;

- в возможности публикации ранее неизвестных произведений Венедикта Марта в составе коллективных хрестоматий и собрания сочинений писателя и популяризации творчества ранее малоизвестного советской литературе писателя, в пополнении архива «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета;

- во внедрении научных результатов в виде научных статей, докладов на конференциях, в публикации монографии по теме исследования.

Методы исследования. Исследование опирается на биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, структурно-семантический методы, метод источниковедческого анализа, метод мифологических реконструкций.

Обоснованность и достоверность научных результатов исследования.

Обоснованность и достоверность результатов исследования базируется на анализе максимально полного корпуса источников по теме исследования, строгом следовании методологическим основам исследования при анализе эмпирического материала, опирается на апробированные в российском литературоведении теории и концепции, которые соответствуют объекту, предмету, цели и задачам исследования. Результаты исследования были апробированы на многочисленных научных и научно-практических конференциях различного уровня, получили положительную оценку участников конференций. Научные результаты исследования опубликованы в рецензируемых журналах, прошли оценку экспертов-литературоведов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В корпусе прозы и поэзии Венедикта Марта произведения художественно-этнографической направленности занимают доминирующее место, их хронология охватывает период от самых ранних произведений писателя до самого финала его жизненного и творческого пути. Многие из них до сих пор не опубликованы, хранятся в архивах и частных коллекциях. Целостный анализ всего доступного корпуса художественно-этнографических произведений В. Марта отражает внешний историко-литературный контекст развития русской

литературы, этнографического направления в ней в 10–30-х гг. XX в. и индивидуальное становление В. Марта как мастера художественной этнографии.

2. Истоки формирования художественной этнографии Венедикта Марта связаны с особенностями развития Владивостока как многонационального города, с личным опытом этнокультурного общения писателя в среде китайских кварталов Владивостока, культурной домашней средой семьи Матвеевых, их этнографически ориентированного и революционно-настроенного окружения, творческими поэтическими поисками друзей и соратников писателя в атмосфере литературного Владивостока второй половины 1910-х гг. Этнокультурный опыт Марта, формируемый под влиянием отца и на основе собственной эмпирики, обогащает писателя тематически, он изнутри постигает китайскую культуру сквозь призму повседневной религиозности. Творчество футуристов стимулирует искания писателя владивостокского периода в области формы, жанра и языка.

3. Образ восприятия Китая и китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта раннего периода находит отражение как в прозе, так и лирике. Оказиональный опыт жанра *песенцев* позволил Марту передать мировоззрение китайца сквозь призму его повседневного быта в формах русской классической поэзии. В прозе образ восприятия китайской культуры складывается с помощью металитературной рецепции – Март создает рассказы в стиле китайской «новеллы о необычайном» и китайской были, сочетая этнографическое содержание с модернистскими опытами в области языка.

4. Металитературная рецепция становится ведущей в формировании образа восприятия Японии и японцев в ранний период творчества Марта. В пору модернистских поисков для писателя в осмыслении японской темы становятся органичными отдельные жанры классической японской литературы – танка, хокку, дзуйхицу, кайдан. Март чутко реагирует на изменения в современной ему японской литературе, в которой происходит модернизация классических жанров, сопрягая интерес к Востоку с пристальным вниманием к художественным от-

крытиям русской литературы начала XX в. Освоение японской жанровой системы, осознание эстетики японского взгляда на мир и его постижение средствами художественной литературы становятся для писателя способом вживания в мир чужой культуры и формирования собственного стиля.

5. Харбин начала 1920-х гг. был благоприятным местом для познания и художественной рецепции чужой культуры. Окружающая русскоязычная среда, зарождающееся творческое литературное окружение, повседневное общение с китайским населением, собственное знание разговорного китайского языка и культурных традиций китайского народа, маргинальный образ жизни писателя, работа журналистом в харбинских газетах определили вектор творческих поисков Венедикта Марта в сторону «низовой культуры», спровоцировали соответствующие изменения в художественном языке.

6. В харбинский период интерес к жизни и быту «маленького» человека становится доминантой художественно-этнографического начала в творчестве В. Марта. В эти годы он нарабатывает опыт в жанре физиологического очерка с этнографической основой, которая является результатом его собственного эмпирического исследования. Циклизация, рамочная композиция, игра повествовательными стратегиями, сугубый натурализм описаний, сравнение китайских традиций с русскими аналогами призваны стимулировать интерес харбинского обывателя к тексту.

7. Возвращение в Советский Союз с семьей совпало с поисками писателя нового слова, новой стилистики, новых форм дискурсивного выражения, а также с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта». Марту удается занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе. Писатель пытается встроиться в «восточный» идеологический вектор возрастающей литературы СССР в середине 1920-х гг., который направлен, в первую очередь, в сторону политической жизни Китая. В 1930-е гг. в связи с охлаждением отношений СССР с Китаем и увеличением интереса к коренным народам Дальнего Востока Март в своем творчестве переориентируется на художественное постижение традиций и обычаев гольдов.

8. Художественная этнография революционного Востока в советский период выстраивается Мартом в жанре очерка, рассказа, были. Писатель ясно осознает политическую заданность собственных текстов, их фактографизм, ориентированность на злобу дня. Март использует про-революционную трансформацию мифологических сюжетов: усечение исконного сюжета, его политически-ангажированную интерпретацию; контаминацию разных мифологических сюжетов, упрощенные лингво-, этнокультурные, мифологические комментарии. Наряду с мифологическими и литературными аллюзиями писатель обытовляет свое былевое повествование, усиливая тем самым эффект этнографической достоверности.

9. Ослабление интереса к восточной тематике в связи с изменением исторического курса официальной власти по отношению к Востоку и ее внимание к коренным народам Сибири и Дальнего Востока, законодательные попытки встроить их в построение коммунистического будущего стимулировали интерес Венедикта Марта к художественному постижению культуры, быта и обычаев малых народов. В рассказе «Дэрэ – водяная свадьба» он художественно переосмысляет обрядовые практики перехода, показывает, что новый человек туземного происхождения, необходимый молодому советскому государству, утрачивает или видоизменяет собственные традиции в соответствии с требованиями времени. Рассказ о малознакомом ему народе Март выстраивает по моделям построения русской народной волшебной сказки в социально-политическом ключе.

10. Развитие художественной этнографии Венедикта Марта шло от модернистской тяги к экзотизму, в том числе в «самовитом» слове, затем – к натурализму в цикле очерков «махрово-желтого сенсационного характера». В советский период «литература факта» и социально-политический заказ повлияли на тематико-образную и мотивную природу его художественной этнографии, но жанровая форма и язык былей не утратили художественности. В последний период творчества художественная этнография писателя тяготеет к неомифологизму, писатель пытается транспонировать темы, сюжеты и образы китайской

мифологии в современную ему социально-историческую реальность и художественную литературу.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах:

1) Международный молодежный межкафедральный научно-практический семинар «Дальневосточный фронт: язык, религии, культура, литература» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.).

2) XIV международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и культуры Северо-Восточного Китая» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 17–18 сентября 2020 г.).

3) Международный научный конгресс «Современная наука, человек и цивилизация» (г. Грозный, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 24–25 октября 2020 г.).

4) VII Международная научная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, 5–6 ноября 2020 г.).

5) Международная научная конференция «Россия и Китай: мысли о прошлом, взгляд в будущее» (г. Комсомольск-на-Амуре, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 16 декабря 2020 г.).

6) Всероссийская конференция «Наука о религии в России: от прошлого к будущему» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 20–21 ноября 2020 г.).

7) Всероссийская научная конференция «X Крушановские чтения: итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке» (г. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1–3 июня 2021 г.).

8) VIII Международная научная конференция «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 11–12 ноября 2021 г.).

9) Научная конференция «Север как призвание: к 100-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк» (г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 7–8 декабря 2021 г.).

10) Международная научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 30 июня – 2 июля 2022 г., 27–29 июня 2024 г.).

11) Международная научная конференция «Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 21–25 сентября 2022 г.).

12) Международная научно-практическая конференция «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» (г. Харбин (КНР), г. Владивосток, г. Москва (РФ), 28–30 октября 2022 г., 16–18 сентября 2024 г.).

13) Всероссийская научная конференция «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера» (г. Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Сектор литературоведения, 22–23 ноября 2021 г., 21–22 ноября 2022 г., 27–28 ноября 2023 г.).

14) VI Международная научно-практическая конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (г. Москва, Московский государственный областной университет (МГОУ), Кафедра восточных языков, 17 февраля 2023 г.).

15) Региональная научно-практическая конференция «Лосевские чтения – 2023» (г. Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет, Кафедра русского языка и литературы, 21 февраля 2023 г.).

16) Научно-практическая конференция (с международным участием), посвященная 20-летию образования Центра по сохранению историко-культур-

ного наследия Амурской области «Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона» (г. Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенский государственный педагогический университет, 16–20 апреля 2023 г.).

17) Международная научная конференция «На сопках Маньчжурии: Дороги и судьбы русской эмиграции в Китае. К 125-летию начала строительства Китайско-Восточной железной дороги» (г. Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 15–16 мая 2023 г.).

18) Международная научная конференция, посвященная юбилею академика А.П. Деревянко «Археология и этнография дальневосточного фронта» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 6–12 июля 2023 г.).

19) Международная научная конференция «Город Харбин и его роль в истории отношений Китая и России: к 125-летию Харбина» (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, Благовещенский государственный педагогический университет, 23–28 сентября 2023 г.).

20) Международная научная конференция «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 11–13 октября 2023 г.).

21) Международная научно-практическая конференция «Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция», посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 23–25 ноября 2023 г.).

22) Международная научная конференция «Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья» (VI Смирновские чтения) (г. Москва, Государственный университет просвещения, 8–9 февраля 2024 г.).

23) XIV Всероссийского съезда востоковедов «Поворот на Восток и российское востоковедение» (г. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 23–26 сентября 2024 г.).

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации (общий объем 16,635 п.л., из них авторских – 15,235 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК и список Web of Science и Scopus:

1. Землянская К.А., Забияко А.А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 8–17. – DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17 (1,1 п.л., часть К.А. Землянской – 0,5 п.л.) **(ВАК)**.

2. Землянская, К.А. Тигриная мифология в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 1442–1448. – DOI: 10.30853/phil20250205 (1,085 п.л.) **(ВАК)**.

3. Землянская, К.А. Образ китайского учителя в рассказе Венедикта Марта «Человек с шариком». – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2025. – № 2(61). – С. 193–209. – DOI: 10.37386/2305-4077-2025-2-193-209 (0,95 п.л.) **(ВАК)**.

4. Землянская К.А. Легенды и мифы Дальнего Востока в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 46–57. – DOI: 10.47639/0868-9539_2023_4_46 (1,2 п.л.) **(ВАК)**.

5. Землянская К.А., Дэн Голун. Образы восприятия эвенков в прозе дальневосточных писателей (Павел Васильев). – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 71–80. – DOI: 10.47639/0868-9539_2023_4_71 (1 п.л., часть К.А. Землянской – 0,6 п.л.) **(ВАК)**.

6. Землянская К.А. Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в

художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2020. – № 4. – С. 137–147. – DOI: 10.22250/2072-8662.2020.4.137-147 (1,8 п.л.) **(Scopus)**.

Публикации в других научных изданиях:

7. Землянская К.А. Похоронная обрядность гольдов в художественной этнографии В. Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба»). – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования: материалы VII Международной научной конференции «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (г. Москва, ИМЛИ РАН, 5–6 ноября 2020 г.). – 2020. – Т. 20. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/2116/>. – 01.12.2020 (0,1 п.л.) **(РИНЦ)**.

8. Землянская К.А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба»). – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 304–313 (0,5 п.л.) **(РИНЦ)**.

9. Землянская К.А. Образ Хай-шин-вея (Владивосток) в художественном пространстве ранней прозы Венедикта Марта (на материале рассказа «Лапа Миндзы»). – Текст : непосредственный // Амурский научный вестник. – Комсомольск-на-Амуре, 2021. – № 1. – С. 40–46 (0,5 п.л.) **(РИНЦ)**.

10. Землянская К.А. Традиционная жизнь коренных народов Дальнего Востока в 1930-е гг. в художественной этнографии В. Марта и П.Н. Васильева. – Текст : непосредственный // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2021. – С. 341–349 (0,7 п.л.) **(РИНЦ)**.

11. Землянская К.А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этно-

графия Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. – С. 161–171 (0,6 п.л.) **(РИНЦ)**.

12. Zemlyanskaya K.A., Guo Long Deng. Tungus percept image in the far east literary ethnography. – Текст : непосредственный // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1759–1765. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.233 (1,1 п.л., часть К.А. Землянской – 0,7 п.л.) **(РИНЦ)**.

13. Землянская К.А. «Тигриная мифология» китайцев в художественной и научной этнографии Венедикта Марта. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования: Материалы VIII международной научной конференции «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, ИМЛИ РАН. 11–12 ноября 2021 г.). – 2021. – Т. 16. – С. 152. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/2166/>. – 19.01.2022 (0,1 п.л.) **(РИНЦ)**.

14. Zemlyanskaya K.A. Life and Traditions of "River People" in the Artistic Ethnography of Venedikt Mart. – Текст : непосредственный // Проблемы литератур Дальнего Востока: материалы X Международ. научной конф. (СПб., СПбГУ, 30 июня – 2 июля 2022 г.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – С. 66. (0,1 п.л.).

15. Землянская К.А. Образы представителей бродячих профессий в «китайских» произведениях Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9: 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В.В. Агеносова: сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 231–240 (0,5 п.л.) **(РИНЦ)**.

16. Землянская К.А. «Дно» Харбина в очерках «Синей Маски»: «Харбинские трущобы» В. Марта. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14: сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. –

Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 323–334. – DOI: 10.22250/9785934933990_323 (0,6 п.л.) **(РИНЦ)**.

17. Землянская К.А. Похоронная обрядность китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 17 февраля 2023 г.) / Отв. ред. М.П. Баева. – М.: Знание-М, 2023. – Вып. 4. – С. 85–91 (0,4 п.л.) **(РИНЦ)**.

18. Землянская К.А. Праздничная культура Китая в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области / Отв. ред. Д.П. Волков. – Благовещенск, 2023. – С. 28–32. – DOI: 10.34757/nasledieamur.2023.58.15.004 (0,5 п.л.) **(РИНЦ)**.

19. Землянская К.А. Жанровая система «японских» произведений Венедикта Марта раннего периода. – Текст : непосредственный // Сюжетология и сюжетология. – 2024. – № 2. – С. 71–84. – DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-71-84 (2,4 п.л.) **(РИНЦ)**.

20. Землянская К.А. По злачным местам Харбина (очерки Синей Маски (Венедикта Марта) «Харбинские трущобы»). – Текст : непосредственный // НОМО ITER: Путешествие как феномен культуры: коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / Под науч. ред. Е.М. Болдыревой, Чжоу Се, Фанъюня Го. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С. 34–44 (0,6 п.л.) **(РИНЦ)**.

21. Землянская К.А. Образ восприятия Японии и японцев в раннем творчестве В. Марта. – Текст : непосредственный // Русская классическая и неклассическая литература: Текст, контекст, рецепция: сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (г. Ярославль, 23–25 ноября 2023 г.): в 2 ч.

Ч. 2 / Под науч. ред. д-ра филол. наук Т.Г. Кучиной, д-ра филол. наук А.С. Бокарева, канд. филол. наук М.Ю. Егорова, канд. филол. наук Н.Ю. Букаревой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С. 59–66 (0,8 п.л.) (РИНЦ).

Соответствие паспорту специальности. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки): п. 4 – «История русской литературы XX века (1890–1920-е годы)»; п. 5 – «История русской советской литературы»; п. 7 – «История литературы русского зарубежья»; п. 10 – «Биография и творческий путь писателя»; п. 11 – «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве»; п. 12 – «Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии».

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

Глава 1. Владивостокский период становления художественной этнографии Венедикта Марта: между модернизмом и этнографизмом

Владивосток в судьбе Венедикта Марта стал тем пространством, которое сформировало его творческие поиски на протяжении всего жизненного пути. К образам и мотивам, сформированным именно в этот период творчества, он обращался на протяжении всей жизни. Именно во Владивостоке была сформирована художественная этнография Венедикта Марта. То инокультурное окружение, которое изо дня в день видел вокруг себя Март, та культурная, общественная и литературная среда, в которой сформировался писатель, домашнее народолюбческое окружение и другие факторы становятся ведущими в формировании творческого метода писателя, подступами к его художественной этнографии.

1.1 Владивосток (1915–1920-е гг. XX в.): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты формирования художественной этнографии В. Марта

Переселенческая политика правительства Российской империи в отношении отдельных территорий Дальнего Востока была особенно активна с 1860-х гг. Причиной этому послужило строительство городов и стремительное развитие различных производств. Региону нужны были рабочие, потому в Приморье прибывали русские и украинские переселенцы. Помимо них в регион стали приезжать в большом количестве китайцы, японцы и корейцы. В 1860 г. был основан главный порт на Дальнем Востоке – Владивосток, а в 1880 г. он был объявлен городом. К этому времени во Владивостоке проживает 9 000 человек, а к концу XIX в. численность населения увеличится уже до 40 000 человек. Заселение региона проходило активно, сюда устремилось крестьянское население, которое искало больших свободных площадей пахотных земель. Власти усиливали меры по миграционному притоку на приморские земли крестьян, рабочих, казаков и предприимчивых людей всех сословий. В Приморье устремились переселенцы

из Астраханской, Воронежской и Вятской губерний. В конце века в Приморье в связи со строительством железной дороги во Владивосток будут по контракту переселены квалифицированные рабочие из европейской части Российской Империи.

В 1870-е гг., когда во Владивосток будет переведена Сибирская военная флотилия, и город будет активно застраиваться, возникнет необходимость в рабочей силе. Потому во Владивосток устремляются китайские рабочие из северных провинций Китая. Помимо работы по найму, они занимались торговлей китайскими товарами и овощами. К началу XX в. на территории Владивостока и Приморья китайцев было три категории: 1) купцы, торговцы, промышленники, долгосрочные арендаторы, земледельцы; 2) китайские сезонные рабочие; 3) «бродячие китайцы, прибывающие без определенного заранее плана и без желания определенной работы, к ним принадлежат хищники на приисках, охотники, искатели женьшеня, спиртоносы, хунхузы» [Граве 1912, с. 27]. Уже к 1897 г. азиатское население Владивостока превышало в 1,5 раза белое население (не включая военных) [Граве 1912, с. 25].

Уже в начале XX в. во Владивостоке в центре города расположится своеобразный китайский «район» – Миллионка, «китайский квартал, стихийно образовавшийся почти в самом центре Владивостока. Он представлял собой комплекс тесно стоящих строений, в большинстве принадлежавших китайцам, с множеством входов и выходов, лабиринтом запутанных и тайных проходов, тупиковыми дворами. Там находились жилые помещения, ночлежки, парикмахерские, харчевни, лавки и так далее. Квартал просуществовал до середины 1930-х гг., благополучно пережив имперскую власть, различные “белые” и “красные” правительства 1917–1922 гг., Дальневосточную республику, и был ликвидирован только в результате поголовного выселения китайцев из Владивостока» [Анча, Мизь, 2015, с. 135–170].

В Миллионке проживали преступники, контрабандисты, фальшивомонетчики, наркоманы и проститутки, также здесь находили укрытие и шайки китайских бандитов – хунхузов, орудовавших во Владивостоке и его окрестностях.

Были многочисленны в этом квартале опиумокуильни и кабаки. На улицах, в домах, лавках, банях, публичных домах Миллионки царила антисанитария. Не раз Владивосток стоял на грани чумной эпидемии, эпидемии холеры [*Петрук 2011, с. 119*]. Именно лабиринты Миллионки станут местом действия рассказа Венедикта Марта «Лапа Мин-дзы» и дадут материал для художественной этнографии других ранних произведений писателя.

В городе действовали два китайских театра – Южный и Северный. Китайское население Владивостока пышно отмечало свои народные праздники: китайский Новый год, праздник Пайве, праздник Дуань-у. На улицах города китайцы часто давали представления под открытым небом. Во Владивостоке было не так много развлечений для небогатых горожан. Фокусники, бродячие музыканты, акробаты собирали вокруг себя толпы зрителей. «...Китайцы необыкновенные любители всяких процессий, фокусов, музыки, уличных плясунов, акробатов. Чрезвычайно трудолюбивый, работающий, не знающий праздности, китаец не устоит пред искушением и всегда готов остановиться и по целым часам смотреть на подобные зрелища...» [*Анча, Мизь, 2015, с. 171*].

Среди иностранного населения Владивостока помимо китайцев проживали японцы, по численности уступая китайскому населению. Японцы проживали в крупных приморских городах. В городской среде они заняли сферу обслуживания: «японцы старались захватить в свои руки те отрасли труда, которые более подходят их характеру, т.е. те, которые не требуют грубой силы, а напротив, аккуратности, чистоты и некоторой смекалки и в этом они достигли выдающихся результатов» [*Граве 1912, с. 204*]. Их можно было встретить в качестве руководителей и работников фотостудий, парикмахерских, прачечных, ювелирных лавок и даже в публичных домов. В отдельных сферах городской жизни они становились монополистами. Японцы понимали, что в регион они пришли не на один день, потому свою повседневную жизнь обустроивали с максимальным комфортом: в городе функционировала японская школа, молельня, многочисленные общественные организации защищали интересы японского населения. Японцы

проживали «впережку с местным населением» [Моргун 1996, с. 93], отдельного городского района для их концентрированного жилья у них не было.

Помимо японцев и китайцев во Владивостоке проживала многочисленная диаспора корейцев. Они устремились на приморские земли еще в 1860-е гг. в поисках плодородных земель, бежали от голода, от притеснения богатых чиновников. Немаловажную роль сыграло предупредительное отношение к ним со стороны первых русских руководителей края. Русское население видело в корейцах удобную и дешевую рабочую силу и выгодных арендаторов [Граве 1912, с. 128–200].

В конце XIX в. со стороны российских властей в столице увеличивается интерес к Дальнему Востоку в связи с наступательной политикой в Азии. Строительство Транссибирской магистрали, с точки зрения С.Ю. Витте, «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст твердую точку опоры в наших восточных портах, <...> создаст поворот в направлении сообщений между Европой и азиатским Востоком» [Яковлева 2011, с. 106]. Уже в 1884 г. во Владивостоке было организовано первое научное сообщество – Общество по изучению Амурского края (ОИАК) – Приморское краевое отделение Русского географического общества. Оно занималось краеведением, изучало историю, географию, экологию края, вело просветительскую деятельность. Пробуждается сугубо дальневосточный интерес к этнографии народов Дальнего Востока и жизни китайцев во Владивостоке [Забияко, Чжоу Синьей, 2019]; [Забияко, Чжоу Синьей, 2021]. В периодической печати Владивостока еженедельно часть газетных полос была посвящена жизни восточных народов [Орнберг 1916]; [Амурский, 1917a]; [Амурский, 1917b]; [Амурский, 1917c]; [Рацул, 1918].

В конце 1899 г. был основан Восточный институт – первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке, готовившее специалистов по китайскому, японскому, корейскому, монгольскому языкам, для административных и торгово-промышленных учреждений. Близкое сосуществование разных этносов, их культурное взаимодействие требовало квалифицированных специалистов-востоковедов. Именно на начало века пришлось становление школы востоковедения на

Дальнем Востоке. Первым директором института стал профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев, который перетянул на Дальний Восток лучших своих студентов – Е.Г. Спальвина, А.В. Рудакова, П.П. Шмидта, которые и образовали школу практического востоковедения [*Хисамутдинов 2009*].

Венедикт Николаевич Матвеев родился в 1896 г. в семье писателя, поэта, журналиста, издателя и популяризатора дальневосточной культуры – Николая Петровича Матвеева (Амурского), он с детства впитал в себя ту народолюбческую атмосферу, которая сложилась в их семье. В начале XX в. дом Матвеевых на Абрекской улице являлся местом сосредоточения культурных и общественных сил Приморья: его посещали многие прогрессивно настроенные представители русской интеллигенции, которые были сосланы на Дальний Восток за выступления против царизма. «Здесь постоянно собиралась революционно настроенная творческая интеллигенция. Обитатели этого дома хорошо знали отбывших сахалинскую каторгу и ссылку Г.В. Госткевича – революционера-народовольца, И.П. Попова, И.П. Ювачева, Н.А. Морозова – шлиссельбуржца и многих других. В доме Н. Матвеева нашел приют после каторги известный народоволец Б.О. Пилсудский⁶. Искренним уважением и сердечностью были пронизаны отношения Н.П. Матвеева и революционера-народовольца, будущего известного русского ученого Льва Яковлевича Штернберга⁷. В доме на Абрекской улице стал формироваться как писатель В.К. Арсеньев» [*Иващенко 1976, с. 199*]. Много раз бывали в доме Матвеева «только что вернувшаяся из сахалинской ссылки Людмила Волкенштейн со своим мужем-толстовцем и первым санитарным врачом города, последовавшим за женой в ссылку... <...> Частенько коротали вечера сосланные во Владивосток на неблагонадежность врач Николай Кириллов, этнограф Лев Штернберг, публицист Николай Ремизов» [*Дьяченко 2003, с. 268*].

⁶ Брат будущего польского диктатора, участник Общества изучения Амурского края, активный этнограф-исследователь Японии и народов Сахалина, соратник Н. Матвеева в журнале «Природа и люди Дальнего Востока». Подробнее о нем см.: [*Кадзухико Савада, Латышев, Прокофьев, 2011*].

⁷ Лев Яковлевич Штернберг – известный ученый-этнограф, исследователь коренных народов Сахалина и Приамурья.

Иван Павлович Ювачев, отец Даниила Хармса, станет крестным отцом Венедикта Матвеева, много расскажет о своем сахалинском периоде жизни и опыте общения с малыми народами, будет работать совместно с Н. Матвеевым над журналом «Природа и люди Дальнего Востока».

Под влиянием отца в сознании Венедикта Марта будет формироваться интерес к традициям и обычаям восточных народов. Еще в начале 1906 г. Н. Матвеев издает еженедельный познавательный журнал «Природа и люди Дальнего Востока», который провозглашал «цивилизованное и мирное развитие, снижение напряженности в этом [Тихоокеанском. – К.З.] регионе путем углубления знаний друг о друге между всеми его национальностями и жителями» [Цит. по: *Ёкота Мураками* 2007, с. 101]. В рекламе первого журнала Матвеев укажет его цель: «Всестороннее ознакомление русского общества с природой, людьми и жизнью их на Дальнем Востоке. Руководящая идея сближения всех живущих здесь, как равных друг другу народов, устранение всего того, что порождает взаимное недоверие, вражду и угрожает в будущем новыми потоками крови» [Цит. по: *Кадзухико Савада, Латышев, Прокофьев, 2011, с. 335*]. «Карта Тихоокеанского региона, на которой Россия, Япония, Китай и Корея были отмечены национальными флагами» служила яркой обложкой журнала» [*Ёкота Мураками* 2007, с. 101]. С точки зрения Тосиюки Ёкота-Мураками, в журнале «прослеживается уважение к японской, китайской и корейской культурам, а в отношении русских переселенцев говорится лишь об их неразвитости и необходимости приобщения к цивилизации, что даст возможность установить мир на дальневосточной земле и превратить ее в цветущий сад» [*Ёкота Мураками* 2007, с. 103]. В общем, «интерес отца Марта к краеведению протекал в общем русле развития дальневосточной этнографии, поощряемого российским государством в переломное для истории страны и общества время» [*Забияко* 2016b, с. 284].

Николай Матвеев был не только редактором, но и издателем. Он открыл издательство «Хай-шин-вей», которое помимо литературы о Владивостоке, первых поэтических сборников Венедикта Марта, издавало многочисленную этнографическую литературу о восточных странах, литературу о путешествиях по

странам Азии (например, Попов А.Д. «Краткий путеводитель по Японии» (1912)), с которой Венедикт Март, возможно, знакомился, так как помогал отцу в издательстве.

Помимо этого, революционный народолюбческий дух отца, его внимание к нуждам простого человека скажется и на отношении Марта к нуждам и интересам уже представителей чужого народа, с которыми писатель будет очень тесно общаться в повседневной жизни (сначала на улицах Владивостока, а потом и в Харбине) и впоследствии воплотит в многочисленных рассказах о революционной борьбе народов Востока с иностранными захватчиками и враждебными генералами.

Дома в семье Матвеевых было принято вести рукописный журнал, куда записывали свои мысли и произведения все члены семьи Матвеевых. Вначале это был журнал учащихся «Восход», где авторами были старшие дети – Зотик и Николай; после возвращения из тюрьмы Н.П. Матвеева завели журнал «Мысль», где помимо Матвеевых свои мысли в разной форме выражали Костя Суханов, Володя Сибирцев, Костя Рослый, Давид Бурлюк и сам отец Матвеев. Именно здесь исследователи находят первые поэтические опыты будущего писателя Венедикта Марта.

В 1910-е – начале 1920-х гг. Владивосток представлял из себя многонациональное пространство. Это был конечный пункт Транссибирской магистрали, центр широчайшей миграции российского населения, репатриации, а также дислокации сил интервентского корпуса разных стран [Кириллова 2012, с. 120]. Исследователи фиксируют пятикратный прирост населения Владивостока к 1922 г. Уже к началу октября 1919 г. оно составило, «не считая иностранных и русских солдат, 340 722 человека» [Приамурье 1919]. 1918 год отмечен началом японской интервенции, которая завершилась только лишь в 1922 г. [Кондратенко 2018, с. 124–130]; [Гельман 2023, с. 12–19].

Один из героев романа В. Марта и Н.К. Костарева «Желтый дьявол» (1924) с иронией отмечал: «Владивосток ведь гостеприимный город. Всем места хватит» [Никэд Мат 2018, с. 75]. Поэт Арсений Несмелов в своих воспоминаниях

о жизни во Владивостоке тех лет вспоминал: «в городе же было оживленно, военные корабли в бухте, звон шпор на улицах, плащи итальянских офицеров, оливковые шинели французов, в белой шапочке моряков филиппинцев, и тут же рядом с черноглазыми миниатюрными японцами наша родная военная рвань в шинелях и френчеках из солдатского сукна» [Несмелов 2006, с. 642]; «<Владивосток> до отказа был набит японцами, чехами, французами и еще невесть кем» [Несмелов 2006, с. 466].

Писатель-эмигрант М. Щербаков уже через полтора десятка лет в одном из шанхайских рассказов напишет: «И в этот городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопки, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишками какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из ошестившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, жженные Монгольские степи и даже окружным путем – по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей! Лилось, оставалось, бродило на старых опарах, пучилось, пухло – и вдруг, ух! – и сразу осело» [Щербаков 2011, с. 243].

«В эти годы китайская, корейская, японская речь доносилась из каждого квартала. Несмотря на довольно пренебрежительное отношение к китайцам и корейцам (“манзам”, “ходям”, “китаезам”), бытовавшее в русской среде, они, как и “иностранцы” – эвенки, гольды, орочи, удэгейцы – были неразрывной частью жизни русских дальневосточников» [Забияко 2011а, с. 159]. О жизни народов Дальнего Востока в эти годы публикуются произведения В.К. Арсеньева («Китайцы в Уссурийском крае» (1914), «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» (1921)), Н.А. Байкова «В горах и лесах Маньчжурии» (1915) и др. «Это был самый продуктивный период интуитивного накопления материала и его рефлексии учеными, осваивавшими жизнь, быт и традиции коренных народов Дальнего Востока (В.К. Арсеньев, Н.А. Байков, С.М. Широкогоров и др.)» [Забияко 2016а, с. 25].

На Дальнем Востоке к 1910-м гг. Владивосток становится культурной столицей, она привлекает многочисленных культурных деятелей, которые «прибыли на Дальний Восток по заданию большевистской партии помогать устанавливать здесь советскую власть, других случайно занесла сюда волна революции и гражданской войны, третьи бежали с остатками разбитых колчаковских войск, некоторые только что возвратились на родину из политической эмиграции, куда вынуждены были отправиться из-за преследования царских властей, а другие, наоборот, в эмиграцию уходили. Все это обуславливало довольно бурную и разноречивую поэтическую жизнь края в 1917–1922 гг., а в совокупности со сложной политической обстановкой выразилось в противоречивости творчества многих писателей-дальневосточников, поисках определенной идейно-художественной позиции и новых форм выражения себя и времени в искусстве, непримиримости к инакомыслию своих коллег. Картина литературного процесса нашла свое отражение и в острых литературно-критических дискуссиях, полемиках дальневосточников, которые, в свою очередь, перекликались с общероссийскими дискуссиями по вопросам искусства нового мира» [Кириллова 2012, с. 124].

Культурная атмосфера конца 1910-х гг. во Владивостоке не менее насыщена, чем в столице. На Дальнем Востоке появилась «качественно новая культура. Она испытала влияние столичного модерна и авангарда, соединив его, во-первых, с трагическим опытом гражданской войны и эмиграции, а во-вторых – с новым для русских европейцев восточным сибирским колоритом, которым они жадно интересовались» [Русский Китай 2020, с. 5]. В столь кровавое для всей страны время во Владивостоке было относительно спокойно. Многочисленные политические перевороты, конечно, влияли на повседневную жизнь горожан, но, по сравнению с остальной страной, здесь было мирно. Возможно, минимизировать междоусобные конфликты в самом их начале помогало нахождение во Владивостоке и Приморье иностранных войск. Относительная свобода существовала и в периодической печати, которая публиковала на страницах одних и тех

же изданий произведения писателей и поэтов разных политических взглядов [*Русский Китай 2020*, с. 6].

Футуризм главенствовал в литературной жизни Владивостока. Первые писатели и поэты начали прибывать в город в конце 1917 г. и сразу же культурная жизнь в приморском городе «забурлила». Была проведена «первая футуристическая конференция» [такое название встрече поэтов дал ей впоследствии Венедикт Март. – К.З.], когда по объявлению Н. Асеева в газете о поиске в городе литераторов («Если есть в городе литератор, пусть откликнется» [*Цит. по: Крусанов 2003*, с. 404]), откликнулся Венедикт Март. С этого времени поэты и писатели Приморья, объединенные общими духовными поисками создадут литературную группу «Творчество», печатаются в авторитетных владивостокских газетах «Эхо» и «Дальневосточное обозрение», начинают издавать собственные журналы («Творчество», «Бирюч»), создают Литературно-художественное общество (ЛХО), заседают в подвале театра «Золотой рог», устраивают «литературные пятницы», вечера поэтических импровизаций и декламаций, поэтические конкурсы и художественные выставки и конкурсы карикатур и шаржей. При Литературно-художественном обществе была организована студия интимного театра «Балаганчик», руководимая Н. Асеевым. Студия, по мнению организаторов, должна была распространять поэзию посредством постановок⁸. Деятельность владивостокских футуристов продолжалась вплоть до мая 1921 г., когда случился переворот, отделивший Владивосток от Дальневосточной Республики. Поэты и писатели еще раньше начали покидать Владивосток, отправившись в Читу или Харбин.

Венедикт Март после окончания гимназии в 1914 г.⁹ едет в Москву, где будет призван в царскую армию в качестве рядового, вольноопределяющимся.

⁸ Подробнее о деятельности ЛХО и владивостокских футуристов см.: [*Крусанов 2003*].

⁹ В этом же году он публикует в издательстве отца первый свой сборник «Порывы» [*Марьин 1914*].

Служит он 2,5 года. Из-за конфликта с сослуживцами будет помещен в психиатрическую больницу¹⁰, после будет «освобожден совершенно от отбывания воинской повинности по нервно-психической болезни» [*Уголовное дело... 2020, с. 14*]. Именно в психиатрической больнице он познакомится со своей первой женой – Симой Лесохиной, которая станет матерью его сына, будущего поэта второй волны эмиграции Ивана Елагина. С середины 1917 г. Март находится во Владивостоке, активно издает сборники своих стихотворений [*Март 1917d*]; [*Март 1918a*]; [*Март 1918d*]; [*Март-Матвеев 1919*]; [*Март 1919a*]; [*Март 1919d*]; [*Март, Эльф, 1919*]; [*Март 1920f*]¹¹, публикуется в центральной («Петроград», «Рабочий») и приморской прессе («Эхо», «Далекая окраина», «Приамурский кооператор», «Великий Океан», «Лель», «Бирюч» и др.), участвует в бурной жизни дальневосточных футуристов¹², редактирует многочисленные журналы, помогает отцу в издании вновь открытого журнала «Природа и люди Дальнего Востока».

Наличие псевдонимов было семейной традицией Матвеевых, заведенной еще отцом Венедикта Марта. С точки зрения Тосиюки Ёкота-Мураками, это было индивидуальной литературной стратегией Н.П. Матвеева-Амурского, «показывающей принадлежность и связь с местом жизни и работы. Матвеев использовал не только географические названия, но и, делая еще один шаг, использует другие реалии, подчеркивающие многосторонние связи с родными местами – краб, медуза, трепанг» [*Ёкота Мураками 2007, с. 101*]. Помимо упомянутых Н.П. Матвеев использовал такие псевдонимы, как «Уссурийцев», «Гейне из Глуховки», «Странник», «Путник» и др. Наиболее востребованным¹³ для Венедикта Матвеева станет псевдоним Венедикт Март, который писатель и поэт будет

¹⁰ Подробнее об этом конфликте см.: [*Гребенюкова 1998, с. 219*]; [*Евтушенко 2004, с. 32–33*].

¹¹ [*Март 1918b*] (Март сам переплел рукопись. Ныне она хранится в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова. [*Матвеев (Март)... Стихотворения... с. 34–53*].

¹² Подробнее об этом см.: [*Катеринич 2002*]; [*Крусанов 2003*]; [*Кириллова 2007*]; [*Кириллова 2011*]; [*Давитадзе 2009*].

¹³ Псевдонимы В.Н. Матвеева: Венедикт Март, А.В. Глаз, В. Мартин, Венедикт Марьин, Венедикт Мард, Венедикт Борщев-Март, В.Н. Март-Матвеев, Алексей Россов, В. Трам, Танго, В. Борцев (Борщев), В. Марьин, С.К., Никэд Мат (последний совместно с Н.К. Костарёвым), Синяя Маска.

обыгрывать в многочисленных стихотворениях. Рожденный в месяце марте, этот месяц он воспринимал как период обновления, возрождения природы и всего нового, хоть и со специфичной для него декадентской окраской:

*«Жуткие нити
В темной промерзшей земле
Март паутинит.
Тихо крадутся ростки.
Вспыхнуть зеленым вверху» [Март 1917d, с. 21].*

Этот месяц он постоянно выделял в своей ранней поэзии и прозе:

*«– Мария, – Март!
– Весна, Мария!
– Смотри Мария:
Все изнедрила,
Любовью опалила,
– / Творящая весна!» [Март 1919с]*

*«Март. Март. Март. На исходе твоём так робко зацветает весна и нет
уже будничных снов» [Трам 1919b].*

Во владивостокский период Венедикт Март испытывает влияние футуристов [Иващенко, 1976, с. 209]; [Давитадзе 2009, с. 82] и имажинистов [Кириллова 2011, с. 102–139]; [Кириллова 2017], вступает в члены дальневосточной футуристической организации «Творчество». Футуристом Март не был, его привлекала богатая культурная атмосфера, сложившаяся вокруг дальневосточных футуристов [Землянская 2023a, с. 47], которая давала «новые стимулы и художественные импульсы» [Забияко 2016b, с. 290]. Сегодня литературоведы определяют его «по сути, первым профессиональным поэтом и литератором в <...> многонациональном, азиатском городе – столице дальневосточной тихоокеанской России» [Кириллова 2016b, с. 131–132]. «Пространство художественных увлечений Марта юных лет – модернизм в его декадентском изводе: мрачные предсмертные и даже “загробные” настроения (сборник “Мартели” и др.), преобладание черного цвета (стихи “Черная тщета”, “Черная грозная ночь” и т.д.), декадентская символика, и при этом – эстетизация восточной тематики; бьющий через край эротизм» [Забияко 2016b, с. 285].

В творческой литературной среде Владивостока тех лет Март своим так и не стал. Начиная с первых критических замечаний на одной из «литературных пятниц» на выпущенный им с братом Гавриилом сборник «Фаин» и заканчивая полновесными критическими разборами его стихотворений в приморской прессе, все отмечали его индивидуальность, отказ от следования какому-либо литературному направлению. После первого чтения сборника «Фаин» (1919) сложилось три мнения о поэте: стихи поэта слабы, в них мало удачных образов, тематика мрачна; другой критик отмечал, что писатель не опирается на устоявшуюся традицию и современные тенденции, а творит их сам («Март не смотрит на стоящего рядом, а углубляется в бездны своей души. В его стихах нет мысли или темы, он весь в словах. Они говорят многое. Это творчество только для избранных» [Цит. по: Крусанов 2003, с. 409]); третье мнение было об отсутствии влияния его поэзии на читателя, так как поэт весь ушел от действительности в область кошмара [Вечер критики 1919].

В полновесных критических анализах поэзии Марта также отмечается отход его от современной литературной среды и следование собственному пути:

«Вообще Венедикт Март, поэт обещающий много, совершенно забывает о “поэтической ответственности” хотя бы перед самим собой, культивируя в своем творчестве явное утверждение “самобытности” и “оригинальности” в кругу своих добрых знакомых и поклонников, в ущерб собственной вневременной поэтической весомости» [Нав 1920].

«Собственное творчество В. Марта довольно сумбурно и неоригинально. И мы пока воздержимся сказать о нем что-либо определенное. Автор находится еще в периоде исканий, и его дарование, а таковое, безусловно, имеется, еще не нашло определенного русла» [Венедикт Март 1920]. Но уже в этой рецензии отмечается, что произведения на восточную тематику у Марта выходят хорошо: «А вот эти переводы и переделки восточной поэзии, содержащиеся в “Песенцах”, очень милы и трогательны своей примитивностью и простотой. В. Март хорошо передает и детски наивный тон их и чуждый нам быт до сих пор еще не понятого нами далекого Востока» [Венедикт Март 1920]. В финале этой рецензии критик

дальновидно советует писателю «обратить особое внимание на поэзию Востока, которая, очевидно, близка ему и понятна, и именно работать в этой области, знакомя русского читателя с мало известным России искусством Китая и Японии» [*Венедикт Март 1920*].

Март не связывал себя «ни с одной из существующих школ, примыкая, однако, к крайне левым поэтическим направлениям и настроениям» [*Николаев 1920*]. Когда критики в открытую начали осуждать его поэзию, Март уже не таясь отделяет себя от футуризма, он пишет серию статей под общим заглавием «Искусство и жизнь», в которых предрекает гибель футуризма от своей неодолимой творческой ограниченности, внутренней ограниченности и пустоты [*Март 1919b*]. После этого писатель встречается с Н. Асеевым, но встреча завершается ругательствами по отношению к Марту¹⁴. Март покидает Литературно-художественное общество, прекращает сотрудничество в журнале «Творчество», хотя и продолжает участвовать в богатой культурной жизни литературного Владивостока. В начале ноября 1920 г. писатель перебирается в Харбин.

Первый этап творчества Венедикта Марта, хронологически очерченный началом и концом 1910-х гг., еще ученический, несомненно, формировался под влиянием той среды, которая окружала писателя. Многоязычная этнокультурная атмосфера Владивостока 1910-х гг., интерес отца писателя к культуре и быту стран Востока, сформировали творческие поиски молодого писателя. Та богатая культурная и литературная атмосфера Владивостока, которая окружала писателя, ориентированная в сторону футуристических поисков, привлекала писателя своей культурной наполненностью, но не сформировала соответствующий творческий импульс в собственных футуристических поисках. Это был этап поиска себя. Несмотря на полное неприятие позиций футуризма, это направление дало толчок молодому писателю в жанровых и стилистических поисках, экспериментах в области языка.

¹⁴ В очерке Николая Асеева «Октябрь на Дальнем» (1927), где писатель изображает литературную жизнь Владивостока тех лет, имя Марта вообще не встретится [*Асеев 1927*]. Здесь, конечно, сказались и агрессивная позиция Марта в отношении футуристов, и личные разногласия Марта с Николаем Асеевым.

1.2 Образ восприятия Китая и китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода

Погружение в атмосферу китайской повседневности для писателя началось с китайских кварталов владивостокской Миллионки, где писатель в многочисленных опиумокурильнях и морфинолавках предавался наркотическому опьянению. *«То я [Венедикт Март. – К.З.] гремел на весь свой край, как поэт выпускающая книжку за книжкой. А то срывался – дальше некуда! Убегал от “жизни-пытки” – в китайские морфийные притоны, в таянчваны – курильни опиума... Чуть было вовсе не искурился»* [Цит. по: Витковский 1998, с. 10]. Для Венедикта Марта богеменность литературной жизни во Владивостоке, с точки зрения А.М. Лобычева, «выражалась чаще всего в бездомности, ужасающей нищете и наркотических пристрастиях» [Лобычев 2007, с. 236]. Эта пагубная привычка стирала социальную и этническую грань между ним и теми китайцами, которые окружали его в опиумокурильнях, позволяла наблюдать за повседневной жизнью владивостокских китайцев изнутри. Его погружение в повседневную жизнь китайцев было столь глубоко, что позволило узнать об их верованиях сквозь призму их повседневной религиозности.

В этот период наравне с декадентскими поисками Венедикт Март уделяет внимание осмыслению традиций и обычаев восточных народов. Еще в 1915–1916 гг. он пишет стихотворения, которые позднее войдут в сборник «Песенцы» (1917) [Март 1917d], в которых размышляет об особенностях ментальности китайцев и их взгляде на окружающую действительность. Это стихотворения «Песенцы» [Март 1917c], «На Амурском заливе» [Март 1917b], «В курильне», «У Фудзядяна» [Март 1916b]¹⁵.

В свой первый период творчества Март, находясь под влиянием футуризма и имажинизма, занимается словотворчеством, как и большинство его коллег по писательскому цеху. Своим названием стихотворению, а позднее всему сборнику, он поэтично дает ему жанровое этнографическое определение. Выбирая в

¹⁵ В этом источнике название стихотворение опубликовано без предлога.

качестве заголовка для стихотворения и самого поэтического сборника слово *песенцы* Март вовлекает читателя уже на уровне поэтики заглавия в собственные жанрово-этнографические поиски. С точки зрения А.А. Забияко, песенцы – это «пиджинизированное именование жанра песни одним китайским приятелем Марта» [Забияко 2016b, с. 288]. Словообразовательная модель слова *песенцы* на уровне морфемных сближений напоминает стилизованное китайское слово с русским корнем: песен-цы. Возможно, здесь Март соединяет русское определение жанра *песня* и транскрибированное китайское слово 词 (cí), в одном из значений переводимое как «художественное слово, слова, сочинение, произведение изящной словесности» [Новый китайский словарь 1993, с. 195]. Оказиональная форма *песенцев* позволила Марту в форме лирического повествования передать мировоззрение китайца сквозь призму его повседневного быта. Март создает лирическое повествование о ситуациях, передающих картину мира китайца, или лирические зарисовки на китайскую тему, или лирические картинки с китайской натуры.

«Чай-чин-юн – желтолицый китаец

“Песенцы” мне свои напевал,

“Песенцами” он песенки звал» [Март 1917d, с. 5].

Каждое из «китайских» стихотворений сборника имеет разную строфику (трехстишия или пятистишия), писатель выбирает пятистопный ямб или пятистопный хорей; превалирует инверсированная стихотворная строка из 11 слогов с женской рифмой.

В стихотворениях «Песенцы», «На Амурском заливе», «В курильне», «У Фудзядяна» Март обращается к традициям китайцев, рисует детали повседневного быта простого китайского населения, проживающего во Владивостоке/Фудзядяне. В стихотворении «Песенцы», давшем название всему сборнику, лирический герой размышляет о думах простого китайца на чужбине. В основном приехавшие из Чифу¹⁶ в конце XIX в. китайские рабочие на долгие годы остаются

¹⁶ Китайский город Чифу на рубеже XIX–XX столетий был главным центром вербовки трудовых мигрантов для работы в Российской империи.

во Владивостоке, теряясь в лабиринтах Миллионки. Герой стихотворения «Чайчин-юн – желтолицый китаец» поет песни о родине, именно в песнях находя выход щемящей тоске по родному Китаю. Лирический герой с печалью констатирует мрачный итог многочисленных китайских судеб – *«на чужбине в тоске он зачах»* [Март 1917d, с. 5].

В стихотворении «На Амурском заливе» лирический герой наблюдает за китайцем-лодочником, тот неспешно плывет на шаланде по заливу и смотрит на горделивый Владивосток. «Лирический герой в этом стихотворении действительно плоть от плоти – носитель ментальности дальневосточного фронта, сам переживший описываемые ситуации» [Забияко 2016b, с. 286]. Уже первым стихотворным словом Март обозначает свое знание китайской бытовой культуры: *«“Юлит” веслом китаец желтолицый»* [Март 1917d, с. 8]. Глагол «юлить» слабо связан с русским общеизвестным глаголом «юлить» – вертеться, крутиться, суетиться. Наоборот, этим словом писатель замедляет, делает плавным ход весельной шаланды¹⁷ и всего ритма стихотворения. Обозначенные кавычки прямо отсылают читателя к «китайскому» значению этого слова – управлять лодкой юли-юли¹⁸. Пятистопный ямб замедляет чтение, передавая на уровне метрики философичность и созерцательность содержания стихотворения.

В стихотворении «У Фудзядяна» бытовая уличная картинка, зарисовка с натуры вблизи китайского района Фудзядян приводит лирического героя к размышлениям о социальном неравенстве в китайском обществе, повседневных занятиях простых китайцев, похоронных традициях. Март обратился к обычаю китайцев носить траур по умершему родственнику: *«В его косе вплетен шнурочек белый, – / Знак траура по близком человеке. / Покинул близкий кто-то мир*

¹⁷ Китайская лодка юли-юли не подразумевала наличия весел, а движение лодки происходило от ритмических действий деревянного приспособления в виде лопаты. Юли-юли плавно и ровно плыла по воде. В 1932 г. А. Несмелов напишет одноименное стихотворение, где обратится к образу ходи, но осмыслит уже его иначе, нежели Март.

¹⁸ Юли-юли (пидж.), очевидно, от кит. 游 you «плыть» и побудительной словоформы «游啦, 游啦» «yóulā, yóulā» «плывем!», вежливого призыва к путешествию на лодке. Именование и лодки, и самого китайца-лодочника, управляющего кормовым веслом во Владивостоке и в Харбине [Забияко, Цмыкал, 2022, с. 17].

навек» [Март 1916b]. Март очень тонко подметит повседневный обычай, существовавший в среде простых китайцев: чтобы вспомнить или почувствовать себя ближе с умершим родственником, китайцы использовали опиумный дурман: *«Спешат седок, погонщик и ослица: / <...> погонщик – накуриться»* [Март 1916b]. Писателю интересны обычаи простых китайцев, рабочего люда. Март здесь еще не задумывается о глубинных основах похоронной традиции, например, о множественности душевных перевоплощений после смерти человека.

В стихотворении «В курильне» писатель, возможно, впервые обращается к наркотической опиумной тематике в своем творчестве. Лирический герой, курильщик в опиумном притоне самого низкого пошиба, находится под воздействием маковых паров и стеклянным взглядом наблюдает на происходящим вокруг. Окружающая действительность опиумного притона, где под шкурой тигрицы происходит любовное свидание, не важно лирическому герою, оно лишь фон для более важного занятия – познавать «опия сладость». Неспешное движение четырехстопного дактиля с ярко выраженной аллитерацией, разной в каждой строфе, уже на уровне поэтики создает ощущение застывшей/еле движущейся окружающей действительности для лирического героя, движение/звуки вокруг – это только звуки разной степени горения мака в трубке. В конце стихотворения наркотический дурман своими «чадными грезами» полностью абстрагирует лирического героя от окружающей действительности:

*«Мак, точно маг-чаротворец багровый,
Явь затемняет обманом дурмана,
Чадные грезы тревожит и будит»* [Март 1917d, с. 6].

Погружение в чарующую атмосферу опиумного притона Март опредмечивает этнографическими деталями: шипением лампы при вспышке, желтыми циновками. Его замысел – погрузить читателя в экзотический и таинственный мир опиумного притона, в мир физических ощущений его клиентов. Этнографические подробности пока не занимают большого места в пространстве художественного текста.

Рассказы с восточным колоритом у Марта впервые появляются как раз в ранний период. В сборнике «Тигровьи чары» (1920) писатель под одной обложкой соединит рассказы «Лапа Мин-дзы» и «Долг покойного» [*Март 1920a*]; [*Март 1920d*]), а также стихотворение «Гадальщик». Общей темой сборника станет религиозность китайцев и ее присутствие в их повседневной жизни. А.А. Забияко, считает, что «давая своему сборнику название “Тигровьи чары”, в отличие от более привычного русскому слуху “Тигровые чары”, Март перекликается с романом Ф. Сологуба “Навьи чары”» [*Забияко, Левченко 2014b, с. 158*]. «Переклички с Сологубом вызваны не просто более предпочтительной мелодикой словосочетания (хотя и в этом есть смысл, учитывая мартовское увлечение словесной вязью), а именно религиозными коннотациями. Март перекликается с Сологубом – тот изобретает, “творит” легенду о России и русской жизни, а Март погружается в мир живых и действенных преданий, определяющих быт китайского народа» [*Забияко 2016b, с. 292*].

В рассказе «Долг покойного» центром сюжетного действия становится мотив о перерождении души человека после смерти. Китайцы верят в существование трех душ, которые после смерти имеют разный вектор движения. Одна душа обретает покой в могиле усопшего («душа другая остается в могиле с мертвецом» [*Март 1920f, с. 11*]), другая попадает в потусторонний/загробный мир, в котором «повторяет земную жизнь усопшего» [*Март 1920f, с. 11*], а третья душа не покидает свой дом, а живет рядом с близкими в виде родовой дощечки («вселяется в родную фанзу, ютится в дощечке родовой с именем начертанным покойного» [*Март 1920f, с. 11*])). В эмигрантский период Март повторит этот сюжет уже в стихотворной форме (сб. «Песенцы», 1922) и в виде очерка [*Три души 1921*].

Знание о китайской вере в существование трех душ читатель того времени мог почерпнуть из учебной литературы по синологии [*Георгиевский 1888*]. Почти в каждом исследовании авторы касались этой традиции, в той или иной мере повторяя своих предшественников. И современные монографии по этой тема-

тике повторяют их знания [Сидихменов 1987]; [Малявин 2000]. Но вера в существование трех душ уже к началу XX в. не была живой традицией в повседневной практике отправления религиозного культа, Март не мог ее видеть среди владивостокских китайцев. Это был скорее книжный факт о вековой похоронной традиции жителей Китая, нежели живая практика [Интервью... 2022]. Подобная практика художественного преломления этнографического знания, почерпнутого из авторитетных книжных источников, Мартом будет применена и в советский период, когда он заинтересуется традициями аборигенных народов Дальнего Востока и в качестве основы знаний о жизни гольдов возьмет обширное этнографическое исследование И.А. Лопатина.

В начале рассказа «Долг покойного» Март говорит о многочисленных возможностях для умершей души найти себе пристанище в следующем перерождении. Языковое оформление этого пути приближает книжный текст к сфере бытового повседневного общения; текст пестрит диалектизмами, просторечиями, связан определенной ритмичностью: *«Жива его душа и бродит в мире... Бродит, ходит, переходит – бродит душа, пока не приткнется куда, в брюхо какое, разбухающее от плода: в коровье ли нутро, в лошадиное ли чрево, в собачий живот што ли...»* [Март 1920f, с. 11–12]. Душа дяди главного героя вселяется в тело прекрасного жеребца, чтобы вернуть долг своему любимому племяннику: *«Умер человек, не выплативши долг, – все равно. И после смерти не выкрутится, как раз до копейки отдаст, не деньгами, так работой отработает...»* [Март 1920f, с. 11]. В рассказе «Долг покойного» писатель не указывает никаких исторических или топографических отсылок, потому сюжет воспринимается как вневременной, как и сама описываемая традиция. Эту повторяемость традиции подчеркивает также и кольцевая композиция рассказа.

Неуспокоенность души, ее движущийся характер писатель подчеркивает цепочкой глаголов движения с повторяющимися корнями слов (*бродит, ходит, переходит, бродит*) и ярко выраженной аллитерацией на *р*. Март подбирает глаголы, фиксирующие китайское понимание земного блуждания души: *«После смерти расходятся они. / Одна душа уходит в иной, загробный мир и повторяет*

земную жизнь усопшего. / Душа другая *остается* в могиле с мертвецом. / А третья душа *покидает* прах, *вселяется* в родную фанзу, *ютится* в дощечке родовой с именем начертанным покойного» [курсив мой. – К.З.] [Март 1920f, с. 11]. Хореический ритм соблюдается во время описания блуждания души, а когда душа находит свое успокоение, ритм перебивается. Процесс блуждания души подчеркнут ярко выраженной замедленностью действия, а момент окончательного выбора душой наполнен стремительным ритмом: «*Бродит, ходит, переходит, – бродит душа, пока не приткнется куда – в брюхо какое разбухающее от плода: в коровье ли нутро, в лошадиное ли чрево, в собачий живот – што-ли...*» [Март 1920f, с. 11–12]. Март подбирает разные по стилистической окраске синонимы: *брюхо – нутро – чрево – живот*; линейно выстраивая их от устаревших, книжных к нейтральным. С помощью архаизации лексем Март подчеркивает древность китайских представлений о существовании трех душ и веру в них в современной действительности.

Продолженность действия Март вновь актуализирует повтором глаголов с явной сказочной «старой» семантикой – «жить-поживать». Долгота этого действия помимо самого семантического значения задана замедленностью ритма («*сызнава канителиться да плодиться – на той же земле, под тутошним солнышком*» [Март 1920f, с. 12]). Образ вечного существования души Март создает сложным путем дублирования единиц семантического ряда – от бытового («*шиворот-навыворот*») до возвышенного и бесконечного («*никогда неутратную и вовсе безысходную*»). Март вновь актуализирует этот смысл, когда вводит в форме стихотворения повторение уже сказанного. Уже употребленные слова освобождаются от привычной формы, добавляется семантика пути (*брод*) и множественности объектов (*брод душий*). Спондеическая стопа указывает на заполненность, несвободу пространства. Пространственные координаты нарушены, здесь смысл складывается из нарушения/перехода пространственных границ («*куда свернет, туда и вынырнет*», «*куда свернет, туда и выпрыгнет*»). Это иная реальность существования души, которая не связана с законами земного существования.

Далее Март выстраивает текст как подробную характеристику разных направлений пути души – как выбор между разными царствами животных: птицы – звери – рыбы – насекомые. Каждому объекту в царствах писатель дает образную характеристику, и это не шаблонные эпитеты из наследия русской словесности. Писатель использует субстантивацию, чтобы добиться сгущенности образа (*«испугу – огляда фазана, на курей домоседок заботниц, на ласточку ко-солеточку-стремглавку, на серяка воробья перескоку, на воронье – гниль-лакомье, на коршуна быстроглаза, на синицу-хрупицу»*; *«трепанг-сочница, спрут-многолан»* [Март 1920a]). Когда слова в русском языке нет, чтобы создать необходимый писателю словесный образ, Март создает новое слово по моделям русского языка (*краб задомладный, рыба-слепоморда*). Ритмически каждый образ объединен рифмой. В двух существительных сконцентрированы самые яркие признаки объекта. Для усиления смысла Март обрезает окончания, «обнажая» смысл слова: *водь, живь, чудь, перепуть, леть, перекрыль, мельк, меть, скидь, снос, слодь*. Актуализация значения отдельных слов достигается писателем путем как использования архаизированных моделей известных слов (*боговий наказ*), так и смягчением конечного согласного звука, что изменяет привычный русскому уху род слова, и слово начинает обретать новые изначально не заложенные в нем смыслы – *в плодь попутную, подкаменную водь*. Слова, созданные писателем, встраиваются в семантическую систему русского языка и создают для читателя множество контекстуальных трактовок, словно в поэтическом тексте: *сновий* – прилагательное, созданное от существительного *сон* как одного из состояний жизни души.

Завершает каждое царство его обобщающая характеристика: *«на всю леть-перелеть-крыль небоходную – высью путь душе прокрылен, расстилается»*; *«след-копыт душе значится, дебрится, выложена»*; *«волна душе приоткрыта»*; *«душе перепуть-леть-перекрыль попутчится»* [Март 1920a]. Она уже звучит возвышенно, корни слов обнажаются для передачи идейного смысла.

Март очень тщательно выбирает каждую словоформу, чаще это просторечная или диалектная форма, которая подчеркнет обиходный народный характер

описываемых представлений (например, *слен* – твердая слизь, которой рыба покрывается на зиму). *Зверий* путь души писатель наполняет той фауной, которая окружала китайцев возле фанзы или в маньчжурской тайге. Из русских корней Март создает новые слова в русле тогдашних художественных поисков футуристов: *обезьянка-глазехлопка*, *конь зоркоух*. Путь души по *сновиему* (сновидческому) пути обозначен одними корнями слов, которые из-за ярко выраженной аллитерации на *л*, *р*, длинного периода фразы создают у читателя ощущение труднопроходимости и тяжелой участи души, избравшей этот путь: *плавь пользь скользь взлазь*.

Опора на книжное знание об отправлении религиозных культов среди китайцев становится ведущей в выстраивании сюжета рассказа «Долг покойного». Живая речевая стихия китайцев воссоздана с помощью словесной вязи с включением в ее основу многочисленных просторечий, диалектизмов, стилизованных под архаизмы неологизмов. Металитературная рецепция становится ведущей в постижении писателем таинственного мира религиозных обрядов и веры в них среди простых китайцев. Мателитературная рецепция – «восприятие писателем литературной традиции китайской литературы, создание образа восприятия литературы Китая, усвоение тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм <...> литературы в целях обогащения своего писательской арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей» [Сенина 2018а, с. 146]. Март за образец своих прозаических рассказов берет классические китайские новеллы о необычайном (чуаньци) с их очевидной литературностью в широком смысле слова, осознанностью авторского вымысла, линейным повествованием, ориентированностью на разговорную речь, весьма частыми стихотворными вставками, элементами бессюжетной «высокой» прозы¹⁹.

Книжная основа рассказа наполняется повседневной жизнью. Следуя за символистами в их приверженности к ритмизованной прозе и словесной вязи,

¹⁹ Подробнее об этом жанре см.: [Алимов 2017, с. 18–73].

Март содержательно не наполняет свой текст «сверхсмысловой нагруженностью символистов» [Забияко 2016b, с. 292]. Те фрагменты текста, которые наполнены этнографическими фактами, писатель строит по законам создания поэтического текста, наполняет свое произведение ритмичностью, метром, рифмой, многозначностью смыслов слов, отдает дань тем экспериментам футуристов с художественным словом, которые Март наблюдал вокруг себя во Владивостоке и активно использовал в своем поэтическом творчестве. Столь ярко выраженная словесная вязь будет присутствовать только в рассказе «Долг покойного», в рассказе «Лапа Мин-дзы» ее будет совсем немного. Такие рассказы рассчитаны на читателя, восприимчивого к эстетическому новаторству. Они создаются в русле экспериментальных опытов «большой» литературы тех лет (ср., опыты Белого, Ремизова и др.).

Рассказ «Лапа Мин-дзы» [Март 1920d]; [Март 1920f, с. 3–10] воспроизводит «мифологические представления китайцев о магических свойствах тигриной лапы, с помощью которой можно вытаскивать рыбы кости из горл» [Забияко 2016b, с. 292]. В этом сборнике «Март погружается в мир живых и действенных преданий, определяющих быт китайского народа. <...> Писатель обращается к религиозным верованиям китайцев сквозь призму их повседневной жизни. И, самое главное, – с точки зрения самих китайцев» [Забияко 2016b, с. 292].

Живая вера в древние магические практики среди простых китайцев художественно обрамлена в форму рассказа. Сам Март не определяет жанр своего произведения. Он сходен с популярными китайскими былями, которые для русской аудитории ранее открыл И. Баранов [Баранов 1915]. Также как и в этих былях, Март дробит художественное повествование на мелкие абзацы по одному-два предложения; отсылает к небольшой предыстории героя, но сосредоточен на рассказе о необычайном. На достоверный характер описываемых событий в произведении указывают разные маркеры, которыми писатель наполняет художественный текст. Март активно, в отличие от рассказа «Долг покойного», связывает сюжет рассказа с определенным контекстом – историческим, преступным, культурным, торговым, социальным, бытовым. Мы можем предположить, что

точкой отсчета в художественном изображении служит период до 1890-х гг., когда китайцы присутствовали в Приморье и Владивостоке, но не составляли столь большую категорию населения, как после 1895 г. На это указывает и тайный род деятельности проходимца Ван-со-хина, который *«развозил по китайским незатейливым селениям побережья, ближайшего к Чифу <...> всякую неожиданную чужестранную невидаль»* [Март 1920f, с. 3], явно купленную им или в «спокойной Корее» или во Владивостоке. Уже через несколько лет Чифу станет главным центром вербовки трудовых мигрантов для работы в Российской империи [Землянская 2021b, с. 42].

Главная героиня рассказа Мин-дзы оказалась по воле любовного чувства в чужом для нее Владивостоке, или Хай-шин-вее, как тогда называли Владивосток китайцы. Перетерпев много невзгод по вине своего любовника Ван-со-хина, она оказалась *«в черных, сумрачных провалах среди бесконечных грязных пристроек, надстроек и построек одного из затхлых, потускневших домов китайского Владивостока... <...> слепнущая, еле движущаяся крохотная старушонка Мин-дзы – “знаменитая и единственная специалистка по вытаскиванию рыбных костей из горл”»* [Март 1920f, с. 10].

Из дома в китайской глубинке, устремившись за возлюбленным в неприветливый для нее Владивосток, *«особенно бережно Мин-дзы увернула в старую материную материю наследную, почерневшую, уже ссохшуюся тигровую лапу. С необычайным вниманием и осторожностью, пуще всего берегла Мин-дзы эту вещь. Еще дед завещал отцу, а отец ей передал тигровую лапу. С детства дедчайшего запомнила Мин-дзы множество родовых рассказов о целительных, чудных свойствах тигровой лапы...»* [Март 1920f, с. 4]. На старости лет, оказавшись в бедственном положении в чужом, не ставшем для нее родным Владивостоке, Мин-дзы вспомнила о тигровой лапе. *«И теперь-то настари и пригодилась Мин-дзы наследная ссохшаяся лапа тигровья»* [Март 1920f, с. 8]. Здесь Март выступает как художник-неомифолог, он художественно оживляет устные *«родовые рассказы, перечеты и наказы нараспевные на тигровую лапу»* [Март

1920f, с. 8], тем самым показывая, что в экстренных случаях или в сложной жизненной ситуации простой китаец в большей мере полагается на народную веру, нежели на рассудок.

О чудодейственных свойствах тигровой лапы сам Март позднее напишет: *«Любопытно применение тигровой лапы, но уже не в качестве медикамента, а в качестве “хирургического инструмента”. Старая тигровая вылежавшаяся лапа, с хорошо сохранившимися когтями, считается радикальным целебным “инструментом”, незаменимым при излечении застрявшей в горле человека кости. Лапой проводят снаружи по горлу больного, и кость, по поверию китайцев, проскакивает в желудок»* [Март 1927b]; [Землянская, 2025a].

Многokrатно по тексту рассказа «Лапа Мин-дзы» Март повторяет мысль о передачи сакрального знания о чудесных свойствах тигровой лапы от отца к сыну, а потом уже и к самой Мин-дзы. Писатель отдельно указывает, что только *«старые люди – мудрые китайцы – белобородые, почтенные»* [Март 1920f, с. 7] являются хранителем этого знания. И старушка Мин-дзы практикует лечение тигровой лапой уже в конце жизненного пути, пройдя его почти полностью, увидев в своей жизни много зла и много добра. Наделение китайцами отдельных частей тигра волшебными свойствами, вера, подкреплённая удачным опытом использования лапы тигра – все это спасает несчастную Мин-дзы на чужбине [Землянская 2023a, с. 51].

В этом рассказе Март вновь обращается к мотиву перерождения души. Китайцы верили, что в зависимости от того, как ты жил на земле, в следующей жизни ты можешь оказаться перерожденным в теле одного из шести существ [Сидихменов 1987, с. 86–87]. Когда Ван-со-хин пропал, на Мин-дзы однажды напала злобная собака и начала терзать ее новую обувь. В этот момент героиня вспоминает про своего ненавистного любовника, который всегда вменял ей в укор и раздражался, когда ей что-то удавалось или она приобретала себе обновку: *«Наверное, душа Ван-со-хина перенеслась в этого злого щенка»*, – подумала с ужасом Мин-дзы, убегая от назойливого лая [Март 1920f, с. 6]». С точки

зрения китаянки, душа обманщика Ван-со-Хина, плохо поступившего с ней, за просто могла воплотиться в злобную собаку [Землянская 2023b, с. 88].

В стихотворении «Гадальщик», завершающем сборник «Тигровьи чары», тема стихотворения вынесена в его заглавие. Образ гадалщика – ведущий в стихотворении. Это небольшая зарисовка из повседневных будней бродячего гадалщика, который «*“завтра” каждого таит*» или «*находит, что судьба [покупателю. – К.З.] готова дать*» [Март 1920f, с. 19]. Неторопливое повествование о гадалщике, который является лишь «голосом» судьбы для редкого покупателя, лирический герой сопровождает многочисленными этнографическими зарисовками его быта: описывает необходимые атрибуты профессии («*У дверей харчевни стол гадалщика стоит*»; «*три монетки медных*²⁰, / *Тушь и кисть а тростнике. / Книжки строгие отметок / Ожидают в уголке*» [Март 1920f, с. 19]), почтенный возраст гадалщика – «*старец*» «*длинными ногтями придавил морщинки лба*» [Март 1920f, с. 19]. Лирический герой, представитель иной этнической культуры, не пытается приоткрыть тайну собственной судьбы, он лишь сторонний наблюдатель деятельности старца²¹. Кольцевая композиция стихотворения создает эффект повторяемости неторопливой «сонной» деятельности гадалщика. На уровне строфики и метрики Март архаизирует хореический метр, не уходя, однако, в эксперименты модернистов по ослаблению второй стопы. У писателя чаще ослаблена первая и третья стопы. Здесь Март, возможно, на уровне метра «состаривает» описываемую традицию, осознавая, что для данного содержания подойдут классические метры поэзии XIX в., а не поэтические опыты современности.

²⁰ Три монеты использовались при гадании по «И Цзин» («Книге Перемен»).

²¹ Мотив обращения к услугам гадалщика самого лирического героя можно найти в хронологически близком сборнике В. Марта «Строки» (Хабаровск, 1919), где лирический герой с ужасом смотрит на возможность приоткрыть тайну собственной судьбы, заглянуть за грань бытия: «*Гадай! Гадай – судьбу предай, / Мне тайну жуткую продай. / – Письмо. Дорога. Слезы...*» // [Март 2020с, с. 144].

Китайскую тему в лирике Март воплощает в лирических зарисовках с натуры или песенцах, как он сам определяет этот жанр. Именно он позволил писателю передать мировоззрение, мироощущение китайца сквозь призму его повседневного быта. Его китайские стихи сюжетны, обладают песенным потенциалом, созданы с оглядкой на традиции русской классической поэзии. Он четко отграничивает жанровое и поэтическое воплощение китайской темы в своей лирике, не пробует адаптировать китайскую тему к жанрам китайской поэзии, что будет у него встречаться в поэзии харбинского периода. Для лирических зарисовок на китайские темы Март выбирает классические метры, ритмы и строфику. Здесь не место декадентским поискам. Он всецело обращен в прошлое китайских традиций, продолжающих жить и в современности. Тонкости лирического содержания поэт пытается передать на уровне формы, что он продолжит делать и в «китайской» прозе этого периода. Писатель выбирает в качестве образца классическую форму китайской новеллы о необычайном, строго следуя ее формальным критериям; или выстраивает повествование в форме, сходной с китайской былью. Внесюжетные элементы он выстраивает по законам поэтического текста в русле собственных декадентских поисков в области слова.

1.3 Образ восприятия Японии и японцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода

Март формируется как художник слова в лоне молодой приморской литературы Дальнего Востока, которая, в свою очередь, возрастает в уникальных координатах и условиях тесного переплетения этнических культур и этнических традиций. Япония и японцы занимают в этом процессе особую роль. С одной стороны, дальневосточные авторы не могут не знать о серебряновековском увлечении Японией, ее эстетизации в петербургских поэтических гостиных, сложном комплексе художественных идей после поражения русских в недавней Русско-японской войне [Азадовский, Дьяконова 1991]; [Коньшина 2006]; [Бреславец 2017]; [Сулейменова 2017]; [Лакоба 2022]. С другой стороны – живые японцы

ходят по Владивостоку, организуют разнообразный бизнес, японские девушки в кимоно (иногда с сомнительной репутацией) также являются реальностью, доступны к общению.

Культурная и литературная жизнь Владивостока первых десятилетий XX в. активно востребовала образ Японии и японцев. Публикации о Стране восходящего солнца регулярно появлялись на страницах периодических изданий – речь идет о газетах «Далекая окраина», «Эхо» и т.д. [К.Д. Бальмонт... 1916]; [Бальмонт 1916a]; [Бальмонт 1916b]; [Бальмонт 1916c]; [Король... 1916].

Японофилией была заражена и семья Матвеевых. Мало того, что отец большого семейства Н.П. Матвеев прекрасно владел японским языком – его собственные «Стихотворения, пародии, подражания» были переведены на японский язык и известны читателю в Японии. Поэтому интерес к Японии, японскому языку, классической литературе был привит всем членам клана Матвеевых.

Венедикт Март с юности был увлечен традиционными жанрами японской лирики и самими эстетическими основаниями японской литературы: *«Маленькие, пятистрочные, сочно набросанные штрихами, чисто-импрессионистские стихотворения у японцев называются – “Танка”; сотканное из <...> оттенков, причудливейших настроений, из звуковых тончайших эффектов, постижимых только при глубоком знании и понимании языка, жизни и природы народа, душа которого “подобна восходящему к солнцу аромату вишни”»* [Март 1919d, с. 33].

В основу художественного осмысления образа восприятия Японии и японцев юный В. Март кладет принцип металитературной рецепции.

Он начнет с самого простого – с переводов, опубликовав в сборнике «Песенцы» (1917) танка Микадо Мацухито²², Очайай Наобеми²³ и Ёсано Акико²⁴. Но уже тут представит читателю и собственные жанровые опыты лирики в японском

²² Микадо Мацухито (1852–1912) – 122-й император Японии. Писал стихи в жанре танка, а позднее и поэмы.

²³ Очайай Наобеми (1861–1903) – японский поэт и ученый.

²⁴ Ёсано Акико (1878–1942) – японская поэтесса.

духе. Н.Н. Матвеев-Бодрый, брат поэта, сохранил в своем архиве заметку: «лучший знаток японского языка проф. Статвин отмечает дух языка, восточный колорит танка и хокку “Песенцев”» [Матвеев (Март)... с. 51].

В 1918 г. Венедикту Марту посчастливилось побывать в Японии, познакомиться с известными деятелями литературы Ёсано Тэкан (настоящее имя – Хироси) и Ёсано Акико. Он не предполагал, что почти двадцать лет спустя это путешествие, подарившее много литературных впечатлений и художественных открытий, будет неоспоримым доказательством его враждебных действий по отношению к родной стране.

«– Чем вы занимались в Токио?

– Формально, литературой, а так, кутил и увлекался японками.

– В Токио вы жили полтора месяца. О какой литературе идет речь?

– Написал книгу “Лепестки сакуры”, которая вышла во Владивостоке отдельным изданием. <...>

– На какие средства вы кутили и увлекались японками?

– Я был тогда молод, и мне для этого особенно не требовалось средств»

[Уголовное дело... 2020, с. 16–17].

После возвращения из поездки вдохновленный Японией Март укрепляется в своих метапоэтических штудиях в области традиционных жанров (танка и хокку в лирике, дзуйхицу и кайдан в прозе). Но самое главное – не формальные эксперименты. Марту в его жанровых стилизациях оказывается соприродным основной принцип классической японской литературы – моно-но аварэ [Демкина 2023].

Уже в этих литературных рефлексиях Март старается примирить русскую и инокультурную традицию, при этом следуя одновременно тем новациям, что присущи в тот период новой японской поэзии (к примеру, он не избегает ритмизации и рифмизации в танка и хокку: «Черные миги / Проносятся в памяти, / Точно вериги») [Март 1917d, с. 22].

Органика мироощущения самого Марта заставляет его подпустить в «японские» стихи своей русской мрачности: «Черные миги / <...> // Кровавыми

четками» [Март 1917d, с. 22]; «Давит, душит сплин! / Ленты кружатся в венках. / Вереница спин. // Безысходная тоска! / Боль щемящая в висках!» [Март 1917d, с. 24].

В том же 1918 г. выйдут в свет мартовские «Токийские наброски. И – он!.. (под шум дождя)» [Март 1918с]. Герой, он же рассказчик, едет в коляске, управляемой курумой (рикшей): «Я думал о красоте, о дождливых вечерах, о вчерашнем дне, о моем галстухе, о какой-то девушке, которая с зонтиком переходила улицу, о зонтиках, о Ницше, об английском языке, о тротуарах, о пиве и еще, и еще...» [Март 1918с, с. 21].

Не зная еще о теории монтажа С. Эйзенштейна, Март кладет его в основу композиции лирического сюжета. При этом он остается верен своему глубинному сочувствию к простому человеку – мысли лирического субъекта пытаются соединиться с направлением мыслей рикши: «Я взглянул на его профессионально-привычную улыбку... И вдруг понял, что и он тоже всю дорогу думал, думал, думал под дождем!.. И – он!!! – Боже! о чем он думал?! О своей, – вчера умершей жене, о 70 заработанных иенах?!.. Или, быть может, как я, небрежно тосковал и думал наугад, зря... а икры мокли и ныли!» [Март 1918с, с. 21].

Восхищение, смешанное с удивлением как эмоциональный стержень принципа моно-но аварэ в случае данного этнокультурного сообщения дает неожиданный эффект. Не простое сопереживание, а именно способность русского лирического героя проникнуть в думы японца – именно так, согласно Марту, должен работать этот принцип в междокультурном диалоге.

В «Лепестках Сакуры (Танка и Хокку)», появившихся год спустя [Трам 1919b], Март попытается синтезировать прозаический текст с элементами танка и хокку: «Еще снег вчерашний не растаял на наших улицах [Владивостока. – К.З.], а возле – за морем вся страна Восходящего Солнца зацвела вишневым садом. <...> Сакура – символ японского древнего Духа. Старый поэт Ямато²⁵ душу Японии осветил танкой: “Если спросят какова душа твоя? скажу: она

²⁵ Ямато (яп. 大和, «великая гармония, мир») – древнее государственное образование III–VIII вв. В 670 г. переименовано в Ниппон (яп. 日本) – «Японию» [Землянская 2024a, с. 77].

подобна легчайшему аромату горной вершины, и восходящему навстречу солнцу”. Вся Япония ныне дышит сакурой. Из провинций в центральные города совершаются целые паломничества любоваться столицами, утопающими в бледных цветках. Никогда Япония не живет так восторженно и лихорадочно, как в этот кратчайший период цветения вишни. Цветковый праздник – ликование весны» [Трам 1919b]. Традиция дзуйхицу предполагает, что сама ситуация выражается в прозе, а вот переживания героя уместнее выразить стихотворной манерой [Горегляд 1975, с. 263]: «Вот юноша желтоликий вечно переглядывается через сад с плутовской Синобе. Сад вишневый и до исхода марта редкие кусты не закрывают от его горящий взоров окна возлюбленной, которая живет через сад... Но вишня расцвела...

Вишня вся в цветах

Мне в окно соседки так

Вовсе не видать...

Но когда цветы спадут

Мы увидимся опять» [Трам 1919b].

Практически одновременно он опубликует все танка и хокку как отдельные стихотворения в сборнике «Лепестки Сакуры» (1919). Эти танка и хокку объединены только лишь временем и местом написания: «Апрель. 1918 год. Япония. Токио. Тигровый ворота» [Март 1919d, с. 30]. Один из анонимных критиков напишет: «знакомство [с танка и хокку Марта. – К.З.] действует на нас крайне освежающе» [Венедикт Март 1920].

Помимо сугубо лирического высказывания, в одной из этих танка Март выразит и свое восприятие Японии через эту жанровую форму: «Хрупкий тонкий сон / Чужестранки танка звон – / Пять звенящих струй / Танка звонкая струна / В танка рдяная страна» [Март 1919e].

Далее Март продолжит синтезировать русские традиционные жанровые формы и японские канонические жанры – так произойдет с очерком «Каппа», где он соединит русскую быличку с японским жанром кайдана. «Фольклорно-мифологический тип кайдана основан на древних народных верованиях и суевериях и

тяготеет к фольклорной быличке. Основные его сверхъестественные герои – духи и оборотни, в основном зооморфной природы» [Дуткина 1992, с. 12]. Любопытно, что в этом произведении Март воплотит одновременно японские и русские поиски самобытности в литературе, источником которой сочинители столь далеких стран считали сказочную прозу [Забияко, Левченко, 2014а, с. 190].

«Корявый, треннажисто-бородавчатый, слизистый, отвратительный Каппа уродливый и гадней всех гадов, кошмарней самой отвислой гнилотной фантазии безумца. Настороженно скорченные трехпалые лапы-весла-плавники, с острющими когтями, – куце неравные, прижатые к жабьеголому слякотному брюху. Дряхлые чешуйчатые складки-грибки под мордой на шее. Широкая морда – лик человеческий, получертов. Выпуклые скулы, торчащие под самыми жирными ушами. Сплюснутый нос с вывороченными ноздрями. Пасть зверя. Жадно и зло выпученные желтые глазища в рамках окрестных складок и безбровых век. Над ушами на лбу и у темя торчит кой-где иглисто-редкая черная и сизая щетина волос. Гладкая и острая, как у бонз древних, плешь. И вдруг – чудова неожидань вокруг плещи, как ручка, – не то хрящ дуговидный прикрепленный по бокам к черепным костям, не то кость перегнутая» [Трам 1919а].

Образ восприятия Японии и японцев не ограничился в художественной рефлексии Марта только эстетическими поисками и лирическими размышлениями о традиционном японском сознании. Интерес к японской повседневности будет воплощен им в «рассказе из современной японской жизни» «Почтовая марка» [Трам 1919d]. В фокусе интереса писателя – обыденная жизнь одного богатого японского семейства. Героиня рассказа «стройная прекрасница» Егучи-сан, любимица отца, интересуется всем западным. В тот период интерес к западной культуре был веянием времени. Слишком долго Япония была закрытой страной. В рассказе эта тяга к Западу, в первую очередь, выразилась в ее непреодолимом желании иметь рояль. Свои национальные музыкальные инструменты – кото и сямисэн [в рассказе он назван шамисен по традиции его произношения. – К.З.] – она забрасывает [Землянская 2024а, с. 80].

Рассказ наполнен детализованными подробностями столь притягательными для русского эстетствующего сознания японского быта словно из туристического буклета: *«почти игрушечный домик»* вблизи города, *«разнообразные яркие цветы, апельсиновые деревья и карликовые сосенки, которые судорожно и цепко лепились на причудливых камнях-островках пруда»* – в саду; пруд с золотыми рыбками (*«Их было много – золотых и черных рыб, и они всегда резвились под ее окном в широком искусственном пруду»*) [Трам 1919d, с. 1]).

Наряды Егучи-сан полностью соответствуют детализованному традиционному перечню японского женского гардероба той поры (за исключением карманов, которых не было) [Швейгер-Лерхенфельд 1888, с. 255–302]; [Гессе-Вартег 1902]; [Федоров 1905]; [Попов 1912]: *«Наряжалась Егучи в изящные цветные кимоно, разрисованные ее любимыми цветами: стройными, легчайшими ирисами; пышными, мохнатыми хризантемами, или нежными цветущими ветками Сакуры. В просторных складках широких подрукавников ее всегда лежали: душистый шелковый платок, узорчато-резной складной веер и легкие краски для губ и щек»* [Трам 1919d, с. 1].

Утонченная, духовно богатая Егучи-сан влюблена в филистера мистера Тичера. Когда встает дилемма – что выбрать: любовь или драгоценную марку, коллекционер Тичер без сожалений выбирает марку.

Впоследствии Март несколько раз переиздаст этот рассказ – и в Харбине, и уже в Советском Союзе, наполняя новые редакции более детализованными этнографическими подробностями [Март-Матвеев 1922с, с. 3–11; Март 1924].

Образ восприятия Японии и японцев не случайно будет раскрыт в этом рассказе сквозь призму образа японской женщины – именно женщина является воплощением традиционного сознания, его хранительницей в глубинных основаниях. Но также именно женщина способна на более решительные поступки, ей свойственны глубокие психологические переживания. Кроме того – японская литература тех лет также была обращена к проблеме женского сознания в традиционной культуре и пыталась решить их при помощи психологического анализа [Садокова 2017].

Таким образом, начав с металитературной рецепции в области переводов традиционной японской лирики, Март постепенно переходит к стилизациям и переосмыслению японских лирических и прозаических жанров на «русский лад». Его образ восприятия Японии и японцев не ограничивается только эстетическими опытами лирических зарисовок в духе моно-но авере. Скорее, этот принцип становится действенным способом поиска родства душ простых японцев и русских людей. Однако, несмотря на детальное погружение в основы жанровой системы традиционной японской литературы, Март все же не сумел создать жизненно достоверный образ японцев – как ему это удалось с образом восприятия китайцев.

Выводы по главе 1

Рожденный в многонациональном Владивостоке, в культурно ориентированной семье, близко знакомой с традициями и обычаями стран Востока, сам имеющий непосредственный опыт этнокультурных контактов в лабиринтах китайских кварталов Владивостока, Венедикт Март уже в раннем творчестве художественно отражает культурные, религиозные, психологические установки, нравственно-этические нормы, особенности обустройства быта китайцев и японцев.

Художественный образ восприятия китайцев в ранний период Март воплощает в лирических зарисовках с натуры или песенцах. Именно этот жанр позволил писателю передать мировоззрение, мироощущение китайца сквозь призму его повседневного быта. Его китайские стихи сюжетны, обладают песенным потенциалом, созданы с оглядкой на традиции русской классической поэзии. Писатель четко отграничивает жанровое и поэтическое воплощение китайской темы в своей лирике, не пробует адаптировать китайскую тему к жанрам китайской поэзии, что будет у него встречаться в поэзии харбинского периода. Для лирических зарисовок на китайские темы Март выбирает классические метры, ритмы и строфику. Он всецело обращен в прошлое китайских традиций, продол-

жающих жить и в современности. Тонкости лирического содержания поэт пытается передать на уровне формы, что он продолжит делать и в «китайской» прозе этого периода. В прозе для создания образа восприятия китайцев писатель следует металитературной рецепции. Писатель выбирает в качестве образца классическую форму китайской новеллы о необычайном, строго следуя ее формальным критериям; или выстраивает повествование в форме, сходной с китайской былью. Внесюжетные элементы он выстраивает по законам поэтического текста в русле собственных декадентских поисков в области слова.

В пору модернистских поисков для писателя в осмыслении японской темы становятся органичными отдельные жанры классической японской литературы – танка, хокку, дзуйхицу, кайдан. Март чутко реагирует на изменения в современной ему японской литературе, в которой происходит модернизация классических жанров, сопрягая интерес к Востоку с пристальным вниманием к художественным открытиям русской литературы начала XX в. Помимо следования стилевым принципам того или иного жанра, писатель соблюдает ведущий эстетический принцип японской литературы – моно-но аварэ. Освоение японской жанровой системы, осознание эстетики японского взгляда на мир и его постижение средствами художественной литературы становятся для писателя способом вживания в мир чужой культуры и формирования собственного стиля. Так формируется его уникальный образ восприятия Японии – через металитературную рецепцию.

Глава 2. Эмигрантский период: между натурализмом и этнографизмом

Напряженная опасная ситуация с японскими интервентами, смена официальной власти едва ли не каждые полгода, аресты, грабежи и убийства среди белая, бедственное материальное положение заставляли многих жителей Приморья искать приют в соседнем государстве, в городе, построенном русскими – в Харбине.

2.1 Харбин начала 1920-х гг.: социокультурный, этнокультурный, литературный контексты развития художественной этнографии В. Марта

Осенью 1920 г. Венедикт Март эмигрирует с семьей в Харбин²⁶. «Харбин, скучный и спекулятивный обогатился и вскоре еще обогатится новыми культурными силами, – приехал поэт В. Март, ожидается поэт Н. Асеев. Надо полагать, что давняя мечта харбинских тружеников пера о создании литературного общества воплотится, наконец, в жизнь» [*Хроника... 1920a*], – писала одна из харбинских газет в разделе «Хроника культуры». Уже в ноябре 1920 г. первые публикации писателя начинают появляться в харбинских газетах [*Март 1920c*], а сам поэт выступает на субботниках новой поэзии в помещении Коммерческого собрания [*Хроника... 1920b*]; [*Землянская 2022a, с. 324*].

²⁶ О времени пребывания Венедикта Марта в Харбине среди исследователей нет единого мнения. В. Катеринич и Е.О. Кириллова считают, что В. Март прибывает в Харбин в 1919 г. [*Катеринич 2014, с. 39*]; [*Кириллова 2016b, с. 132*]. А.В. Колесов, Дяо Шаохуа, Е.Е. Жарикова считают, что Март прибывает в Харбин в 1921 г. [*Колесов, Дяо Шаохуа, 2002, с. 97*]; [*Жарикова 2008, с. 176*]. Исследователи Е.О. Кириллова, К. Зилова, В.П. Евтушенко в своих работах говорят о пяти годах пребывания В. Марта в Харбине [*Евтушенко 2004, с. 35*]; [*Кириллова 2011, с. 116*]; [*Зилова 2000a, с. 34*], О.А. Бузуев всего о двух – с 1921 по 1922 гг. [*Бузуев 2013, с. 115*]. А.В. Колесов и Дяо Шаохуа считают, что Март покинул Харбин вообще в конце 1920-х гг. Столь большие разночтения связаны с отсутствием точных сведений о жизни В. Марта. Когда было найдено на Украине его уголовное дело с подробной анкетой, где он сам обозначил точные даты своей жизни, период нахождения в Харбине, многие вопросы датировок были закрыты. До недавнего времени также исследователями ошибочно указывался неверный год рождения [*Колесов, Дяо Шаохуа, 2002, с. 97*]; [*Денисова 2020a, с. 36*]; [*Бузуев 2019, с. 62*] и смерти Венедикта Марта [*Зилова 2000a, с. 34*].

Что представлял из себя Харбин в самом начале 1920-х гг.? Будучи проездом из России в Пекин, Вс. Н. Иванов об этом периоде развития Харбина скажет: *«Харбин – это скороспелый международный город, где сравнительно недавно общие труды народов Китая и России создали оригинальный и сильный гибрид... Расположенный на реке Сунгари, на пересечении речной и железнодорожной магистралей, Харбин рос быстро и мощно, как растет в Маньчжурии кедр. Со времени падения маньчжурской династии Цин прошло всего девять лет, но было уже заметно, что развитие этой провинции сильно отличается от склада собственно Китая»* [Иванов 1995, с. 31]. Обязанный своим возникновением строительству КВЖД, Харбин был с самого начала говорящим по-русски городом, его даже называли восточным Петербургом – улицы с русскими «петербургскими» названиями, русские театры, учебные заведения, газеты и издательства.

В самом начале 1920-х гг. Харбин только начинает принимать тех, кто не принял большевиков и советскую власть [Землянская 2024с, с. 35]. «Число его [Харбина. – К.З.] жителей возрастало с невероятной быстротой как за счет бегства людей из России от советского режима, так и за счет появления массы участников разбитых белых армий» [Слободчиков 2005, с. 49].

Почему многие беженцы выбирали Харбин для своей дальнейшей жизни? Для сибиряков, забайкальцев и дальневосточников именно Харбин территориально был более удобным местом для вынужденной эмиграции в отличие от других центров рассеяния. В отчете о деятельности Харбинского комитета помощи русским беженцам за 1923–1938 гг. отмечалось, что «Харбин как крупный промышленный центр с многочисленным русским населением для многих казался заманчивым пристанищем. В нем скорее, чем в другом месте, многие надеялись найти себе и работу, и сочувствие» [Цит. по: Аблова 2005, с. 127]. Русская эмиграция в Маньчжурии имела ряд особенностей: именно в Харбине и вдоль линии КВДЖ русские эмигранты «надеялись найти не только работу, дом, но и привычный русский уклад жизни» [Аблова 2005, с. 121]; существование русской диас-

поры, возникшей еще со времени начала строительства КВДЖ облегчало процесс «вживания наших соотечественников в иное для них общество восточной цивилизации» [Аблова 2005, с. 129].

В отличие от европейских эмигрантских центров, в Харбин ехали не аристократы и богачи, а казаки-белопоходники и сибирское офицерство, представители дальневосточной интеллигенции [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 41]; [Землянская 2024с, с. 35], «городские обыватели и мелкие торговцы, чиновники и учителя, врачи и инженеры, крестьяне из приграничных районов и рабочие, политические деятели и члены различных “временных” правительств, университетские профессора, журналисты и литераторы» [Аблова 2005, с. 130]. Если говорить о численности русских беженцев в Китае в начале 1920-х гг., то эта цифра составляла около 200 тыс. человек [Аблова 2005, с. 135], хотя данные разнятся и во многих источниках эта цифра варьируется от 100 до 200 тыс. В начале 1920-х гг. финансовое положение российской эмиграции в Харбине было очень высоко, в среднем каждый русский был богаче рядового китайца в 10 раз [Аблова 2005, с. 145]. Но с каждым годом из-за китайской политики денежное состояние российской диаспоры сокращалось.

До 1917 г. национальный состав Харбина определялся общим понятием «русские подданные». В Харбине, по оценке Г. Мелихова, проживали представители 35 различных национальностей [Мелихов 1997, с. 114], которые не подвергались дискриминации, в отличие от эмигрантских центров в Европе – «благодаря разумной политике администрации КВЖД в полосе отчуждения была создана атмосфера национальной и конфессиональной терпимости» [Аблова 2005, с. 138]. Русские, китайцы и маньчжуры в северной Маньчжурии тесно взаимодействовали в повседневной жизни. «Русские приобщаются к китайской кухне и праздникам, китайцы проникаются праздничной обрядностью русских. < > Пребывание русских в Харбине складывалось таким образом, что они не только стали постигать (в первую очередь, конечно, художники слова) культуру Китая, но ведь они же и первыми стали исследовать эту культуру, до того неисследо-

ванную. Именно они первыми создали различные этнографические, культурологические труды, касающиеся природы и быта Маньчжурии, ее истории, обычаев ее народа и т.д.» [Забияко 2008, с. 363–364].

Уже в 1908 г. в Харбине при финансовой поддержке КВЖД было основано Общество русских ориенталистов (ОРО), которое одной из ведущих целей ставило изучение и сближение России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними, накопление знаний о Северо-Востоке Китая [Хисамутдинов 2015]. Через год будет основан печатный орган общества – журнал «Вестник Азии», где будут печататься наравне с серьезными работами по китаеведению переводы произведений разных жанров китайского фольклора, этнографические зарисовки, результаты полевых этнографических исследований. В 1922 г. откроется Общество изучения Маньчжурского края, которое будет вести яркую просветительскую деятельность по популяризации этнографии Китая среди русских эмигрантов, сбору и хранению этнографического материала о Северной Маньчжурии, изучению культурного наследия региона.

Эмиграция в Харбин стала своеобразным способом вернуться в былые времена, когда все было хорошо и революционные потрясения не были страшной реальностью повседневности. «Испытав поистине эсхатологическое потрясение, утратив семью, дом, Отчизну, пережив ужасы Ледяного похода, новоявленные харбинцы словно вернулись в прошлое и практически оказались в ситуации первотворения, когда могли не только заново “восстановить” былое, но и имели для этого еще лучшие возможности: отсутствие фактической бедности, лояльность со стороны китайских властей, большой приток интеллигентных сил, полных креативной энергии, отсутствие жестких границ с Россией» [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 18–19].

Вс. Н. Иванов об этом времени скажет: *«Все то, что мы когда-то называли так неопределенно единым словом “Родина”, рассыпалось в пыль, ушло в воспоминания, в водку, щемящую тоску по Родине... Все, несомненно думали о покинутой Родине, но шел ведь еще только страшный 1920-й»* [Иванов 1995, с. 5].

Культурной и литературной среды в самом начале 1920-х гг. в Харбине еще не было. Но желание культурно развиваться даже вдалеке от родины у русских эмигрантов было очень сильно [*Забияко 2016b*, с. 297–298]. В этот период уже выходит много периодических изданий («Заря», «Вперед», «Русский голос», «Дальневосточное время», «Понедельник», «Новости жизни», «Свет», «Харбинское время», «Окно», «Копейка» и др.), в которых публикуются как литературные произведения харбинских писателей, так и писателей, которые остались пока на Родине. Так, в газете «Заря» в 1920 г. издаются многочисленные фельетоны Николая Рахманова (под этим псевдонимом скрывался Арсений Митропольский, больше известный как Арсений Несмелов); он прибудет в Харбин позже, когда сам Март уже покинет Китай. Но писателям хотелось своего печатного органа. Уже в начале 1921 г. в Харбине проходят собрания драматического кружка «Арс» об издании журнала «Искусство». «По мысли инициаторов идеи — членов литературной секции, журнал должен иметь своим содержанием помимо литературно-художественного материала, освещение основных вопросов философии искусства, его современных форм, последних достижений, а также его ближайших заданий и стремлений» [*Журнал «Искусство» 1921*]. Литераторы Харбина того времени мечтали о создании литературного сообщества по примеру тех, которые ранее были созданы на родине (например, владивостокского «Творчество»). Это осуществилось в 1920 г., когда было создано Харбинское литературно-художественное общество. В конце 1920 г. при нём создан клуб — литературно-художественный театр (так именовал себя шантан «Кабачок Богемы» Сергея Алымова). В начале 1921 г. в Харбин приезжает Третьяков и открывается студия поэзии. Когда Март прибывает в Харбин, здесь уже проходят субботники новой поэзии, где харбинские поэты читают свои стихи, декламируют стихи Вл. Маяковского, слушают публичные общеобразовательные лекции. Чуть позднее в Харбине образуется Союз писателей и журналистов (1921–1923).

Начало 1920-х гг. было первым этапом развития культурного Харбина. До 1917 г. здесь оказываются А.П. Паркау, С.Я. Алымов, Ф.Л. Камышнюк, Н.А. Байков, П.В. Шкуркин. После революционных событий в России в Харбин устремятся А.И. Несмелов, Л.Е. Ещин, А.А. Ачаир и др.

А.А. Забияко подчеркивает, что в Харбине писатели оказались в особенной ситуации «постановки и решения определенных литературных задач, <которая> совпала по времени с задачей выработки определенного социального поведения» [Цит. по: Забияко, Эфендиева, 2009, с. 33]. Немало тому способствовало существование на чужой территории, но в русской среде. Всем живущим в Харбине русским приходилось адаптироваться к новой для них среде, сохранять свою идентичность, принимать или не принимать чужое. При этом Харбин говорил на русском языке, на русском языке издавались многочисленные периодические издания, велось образование на русском языке по тем образовательным моделям, которые сложились еще в имперской России [Легенды старого Харбина... 2022, с. 115–120, 121–128]. В любом случае, ситуация существования двух народов бок о бок заставляла русских эмигрантов меняться, постигать китайское, тем самым осознавать свою собственную этничность.

«“Ласковая мачеха” – Китай – поощряла русских харбинцев к активному поиску новых художественных решений через осознание территориальной специфики, использование богатейшего потенциала восточной культуры и литературы» [Забияко 2006, с. 299]. Приобщение к китайской культуре, металитературная рецепция китайской литературы в творчестве русских эмигрантских писателей начнется позже, к концу 1920-х гг. [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 111–112]; [Ли Иннань 2002]. В конце 1920-х гг. в харбинской печати начнут появляться произведения русских эмигрантов, в той или иной мере отражающие интерес русских к китайской культуре – этнографические рассказы П.В. Шкуркина, Н.А. Байкова, мифопоэтические рассказы А. Хейдока, Вс. Иванова, переводы китайской поэзии Я. Аракина и др.

С точки зрения А.А. Забияко, «в освоении *чужого* как *своего* <...> немаловажное значение играл их [эмигрантов. – К.З.] предшествующий этнокультурный опыт. Среди тех, кто стоял у истоков харбинской литературы, было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю. <...> Вместе с особым “чувством ландшафта” дальневосточные изгнанники принесли с собой в эмиграцию и опыт межкультурной интеграции, характерный для народов, населяющих эти территории Российской империи. На сибирских и дальневосточных просторах в течение столетий скрещивались пути самых разных народов, обычаев, языков и религий, и именно это определяло <...> особую духовно-эмоциональную расположенность бывших русских “зауральцев” и членов их семей к восприятию восточной культуры» [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 114]. По мнению В.В. Агеносова, тяга к Китаю среди русских писателей-эмигрантов связана помимо соединения русского уклада Харбина с восточной экзотикой, также с «общностью философских и мистических позиций и представлений, характерных для России как евроазиатской страны» [Агеносов 2006, с. 284].

Венедикту Марту было легко адаптироваться к китайской среде, он знал язык, знал обычаи и традиции китайского этноса. В Харбине он продолжает то дело, которое знал и любил: он продолжает писать, публиковать уже ранее написанные произведения, работает журналистом во всех газетах Харбина. В этот период он меньше пишет художественную прозу, а все более пишет стихи и публицистические статьи на злободневные для Харбина темы [Левченко, Забияко, 2015]; [Землянская 2022a]. В его газетных публикациях большое внимание уделено культуре приютившего русских эмигрантов народа, повторяются и углубляются те темы о традициях Китая, которые он разрабатывал в предыдущий период творчества.

Первое время в Харбине писатель проживает у Сергея Алымова – поэта, его друга по футуристической группе «Творчество», публикуется в газете «Вперед» [Уголовное дело... 2020, с. 21]. Потом он устраивается работать в газету «Заря», его приход резко увеличил читаемость газеты [Уголовное дело... 2020,

с. 21]. За весь период нахождения писателя в Харбине он успел поработать «во всех без исключения белогвардейских газетах Харбина» [Уголовное дело... 2020, с. 21].

Приезд в Харбин писатель не воспринимал как временный. Об этом говорит список вещей, которые он взял с собой и, по воле случая, не получил. Крик души – публикация в редакцию газеты «Заря» – «Дайте мне мои рукописи».

Еще в феврале с.г. было задержано 7 пудов [почти 115 кг. – К.З.] на ст. Пограничная. Весь мой литературный багаж.

В багаже находятся:

1) Все мои рукописи – плод 10-тилетнего титанического труда (копий нет).

2) Излюбленные мои книги, преимущественно с надписями от авторов.

3) Библиографические редкости и уникалы.

4) Неизданные стихотворения Ольги Худяковой, посмертное наследие.

5) Музей автографов замечательных моих современников.

6) Старинные лубки, оттиски пряничных досок (старин. ярославских и костромских), изданных И.А. Рязановским в 30–40 экземплярах для продажи, альбомы картин и др.

7) До 30 портретов, сделанных с меня различными русскими и иностранными художниками и т.д. Всего не перечислишь.

На моих пальцах-кормильцах кровавые мозоли: я не могу работать. Полмесяца оторван от чернил.

Кто почувствует мое горе и сможет пойти навстречу – тому я передам квитанцию на получение моего багажа для выписки его в Харбин в надежное место.

Поправлюсь, заработаю как-нибудь и верну затраченные деньги и тогда только возьму свои 7 пудов» [Март 1921а].

Образ жизни писателя в эмигрантском Харбине печален. Его старший брат Николай Матвеев-Бодрый в одной из будущих публикаций отмечал, что «у него

[Венедикта Марта. – К.З.] все, что было – пропивалось, прокуривалось и расходовалось на <зачеркн.>, в ущерб семье»²⁷. Художественно повседневная жизнь писателя Венедикта Марта в Харбине предстает в очерке его друга Сергея Алымова «Правнук Виллона (о Венедикте Марте)», опубликованном в харбинском журнале современной жизни «Гонг» в 1923 г.:

«Есть странное и непобедимое очарование в беспутных поэтах, зигзагами идущих по жизни, но находящихся на безукоризненно прямой линии мечты. <...> Черная глубина для них всегда предпочтительнее светлой плоскостопии... Стремительное падение, даже на дно, имеет всю прелесть полета... <...>

Нелепая, совершенно не похожая на уличных прохожих, фигура взлохмаченного человека в длинном пальто, цепляющегося за ноги пальто. <...>

Странный человек в пальто отрывается от витрины. Косо режет мостовую. Подбегает к прохожим:

– Я – Венедикт Март. Купите мою последнюю книгу... – И протягивает тоненькую тетрадку, заполненную сумасшедшей, каллиграфической вязью.

– Ода к чернильнице. Писал в морфилке при свечке. Это – автографика...

Прохожие проходят.

Иногда берут, посиневшую от чернил и тоски, крошечную тетрадку – кусочек творческого неба – и, равнодушно сунув ее в карман, проходят. Прохожие всегда проходят. А Венедикт Март смотрит на крашенные лоскутки бумаги – деньги. Зажимает их в кулак. Проваливается в темном боковом переулке.

Венедикт Март падающий, уличный ангел, делящий свои досуги между наркотным супом и любованием облаками» [Алымов 1923].

В одной из сибирских публикаций того времени отмечалось, что «... в гнилой и засасывающей обстановке Харбина их творчество [Сергея Алымова и Венедикта Марта. – К.З.] получило специфический уклон, и они сами так погрязли в болоте, что вряд ли им удастся выбраться из него. <...> Венедикт Март, давший

²⁷ Письмо Н.Н. Матвеева-Бодрого Рае (?) от 22.05.1971 г., машинопись [Переписка Матвеева..., с. 48].

в первые годы своей литературной деятельности ряд ярких и красочных произведений, <...> теперь [в бытность его существования в Харбине. – К.З.] совершенно погиб для литературы. Его харбинская атмосфера и обстановка жизни совершенно погубили. Катясь вниз со ступеньки на ступеньку, он, наконец, очутился на самом дне Харбина, потеряв человеческий облик. Венедикт Март – обреченный наркотик, дни которого сочтены. Он до того опустился, что уже совершенно не стесняясь подходит на улице к первому встречному (а также к знакомым) просить на обед, т.е. на укол морфия» [*Киржниц 1923, с. 142*]. Конечно, такой взгляд на культурную жизнь Харбина был взглядом издалека, из Советской России, но с такой характеристикой по поводу Венедикта Марта был согласен и его брат Н.Н. Матвеев-Бодрый²⁸, в то время как раз покинувший Харбин. Через несколько лет в одном из писем брату Н.Н. Матвееву-Бодрому можно встретить такие признания писателя [*Землянская 2024с, с. 38*]: *«Бывало и хуже и куда хуже! Я ведь, брат, кой-что насмотрелся за жизнь свою непутевую. <...> У меня, странно, всегда, даже когда я жил с китайскими люмпенпролетариями, в подzemке, в морфинистских притонах, была своя система между уколами иприца, понюшкой и стаканом водки или опиума»*²⁹.

Нужда заставляет Марта опубликовать такое объявление о работе: *«Русский поэт, журналист ищет работы (все равно какой). Могу заниматься с детьми, работать при библиотеке, секретарствовать, знаю газетное дело (10-летний стаж) (корректурa – экспедиции – выпуск газеты и пр.). Могу продать авторское право на свои произведения, могу составлять доклады, руководить литературными начинаниями, опытами начинающих. Согласен быть чернорабочим, дворником, сторожем и пр. Работы никакой не боюсь»* [*Русский поэт 1921*].

Несмотря на бедственное положение, харбинский период творчества Венедикта Марта – плодотворное время для него как писателя. Он выпускает новые

²⁸ Письмо Н.Н. Матвеева-Бодрого Рае (?) от 22.05.1971 г. [*Переписка Матвеева..., с. 48–49*].

²⁹ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 06.03.1929 г. № 1(170) [*Переписка Матвеева..., с. 40*].

поэтические сборники (сб. «Синий благовест. Россия без “Ъ”» (1921) [*Март 1921d*], «Истории моей смерти. Три солнца» (1921) [*Март 1921e*], «Благословенный город» (1922) [*Март-Матвеев 1922a*], переиздает старые (например, «Песенцы» (1922) [*Март 1922*], публикует сборник переводов китайской поэзии (сб. «Луна» (1922) [*Март-Матвеев 1922b*]), объединяет под одной обложкой прозаические опыты прошлых лет (сб. «На любовных перекрестках причуды»³⁰ (1922) [*Март-Матвеев 1922c*]) [*Землянская 2024c, с. 37–38*].

В Харбине издал 7 книг небольшого объема, тираж книг печатался по предварительной подписке. О легкости выпуска в Харбине собственных книг очень точно подметил Вс.Н. Ив́анов: *«Цензура чисто условная, главное – не задевать больших персон, которые могут пожаловаться начальству. Книги выходят так легко... <...> Каждый автор бессмертных стихов или блестящей прозы идет в китайскую типографию, представляет текст на русском языке, переписанный печатными буквами, а то и на машинке (это уже роскошь). Хозяин типографии, почти всегда именуемый, как правило, Васей либо Василием Васильевичем, быстро набирает и печатает требуемое количество экземпляров. Автор расплачивается по мере возможности и везет свои труды домой на рикше. Дешевле грибов! <...> ...затруднения связаны с реализацией тиража на рынке. В Харбине читатели предпочитали подписанные или дарственные экземпляры»* [*Иванов 1995, с. 46–47*].

Н.Н. Матвеев-Бодрый вспоминал: *«к предварительной подписке на свои книжки Венедикт пришел <...> в пору его пребывания в Харбине (1921–1922 гг.). Подготовив сборник к печати, Венедикт не обладавший средствами <...> обходил не только состоятельных людей, но и друзей, знакомых. У него с собой был подписной лист, в который он вносил фамилии подписчиков, с указанием суммы, полученной от них. Далее, путь Венедикта <лежал> в одну из типографий, где исполнялся его авторско-издательский заказ. ... Книжка вышла. От ее страниц*

³⁰ В этот сборник вошли две новеллы «Глаз» (1915) и «Почтовая марка» (1919).

пахнет еще свежей типографской краской, а он уже разносит сборник подписчикам, снабжая каждый экз. [экземпляр. – К.З.] автографом»³¹. Например, в газетах «Вперед» и «Заря» было опубликовано объявление о том, что Венедикт Март запускает подписку на свое новое произведение – «Пустынины песчинки» (7 поэм интимет ЕГИПЕТСКОЙ ПУСТЫНИ) [*Хроника культуры 1921*]; [*Интимное издание Садаико 1921*].

Стихи поэта, опубликованные в Харбине, еще несут на себе отпечаток футуристического влияния. Возможно, некоторые из них были написаны еще во Владивостоке, а опубликованы в Харбине.

Венедикт Март органично влился в харбинскую культурную среду, со многими писателями он был знаком еще по Владивостоку. Именно Март, наряду с Сергеем Алымовым, Федором Камышнюком и Таисией Баженовой, стоял у истоков «харбинской ноты» [*Забияко, Эфендиева, 2008, с. 14*]. Вернулся Март в СССР в 1923 г. вслед за семьей, которая уже в 1922 г. вместе с первой партией студентов выехала в Советскую Россию.

Харбин начала 1920-х гг. был благоприятным местом для познания и художественной рецепции чужой культуры. Окружающая русскоязычная среда, зарождающееся творческое литературное окружение, повседневное общение с китайским населением, собственное знание разговорного китайского языка и культурных традиций китайского народа, маргинальный образ жизни писателя, предшествующий этнокультурный опыт, работа журналистом в харбинских газетах определили вектор творческих поисков Венедикта Марта, содержание и форму его публикаций в харбинской прессе, изменения в художественном языке.

2.2 Родо-жанровые, идейно-тематические и стилистические аспекты художественно-этнографических публикаций В. Марта

В 1921–1923 гг. в газете «Заря» В. Март публиковал материалы, по его словам, «махрово-желтого» характера, которые печатались на «дорогих» полосах и

³¹ Письмо Н.Н. Матвеева-Бодрого Рае (?) от 22.05.1971 г. [*Переписка Матвеева..., с. 48*].

привлекали внимание читающего харбинца. Материалом для этих публикаций служили личные впечатления Марта от посещения китайских районов Харбина, где редко можно было встретить русского эмигранта, а также его путешествий по Китаю. Таким был значный район Харбина – Фудзядянь³². В тот период, когда там проживал Март, лишь немногие русские эмигранты посещали этот район [Землянская 2024с, с. 38], «...сторонились Фудзядяня из-за его неверной в общем-то, репутации какого-то вертепа, притона, прибежища всевозможных пороков» [Мелихов 1991, с. 185]. «Жизнь “за дорогой”»³³ так отлична от нашей [русской. – К.З.], так оригинальна и самобытна...» [Фудзядянь 1922]. «Это настоящий Китай по жилью, костюмам и обычаям. Европейцы здесь – редкие гости. <...> Каких-нибудь полчаса отделяют эти улицы от харбинских улиц. <...> Два полюса. Два разных, не похожих друг на друга мира» [Алымов 2017, с. 22–23].

Наркотические притоны, морфинолавки, опиумокурильни, китайский театр – эти значные места Фудзядяня привлекали внимание писателя [Землянская 2022а], заставляли его художественно переосмысливать те или иные стороны китайской повседневной жизни, этнографические особенности быта рядовых китайцев.

В 1922 г. Март переиздает сборник «Песенцы» [Март 1922]. В стихотворении «Мизинцы», входящем в этот сборник, писатель рассматривает тему дружбы между двумя китайцами и ее гибель из-за их наркотических пристрастий. Сюжет стихотворения связан с их попыткой уйти от тягостной повседневной действительности в приятный и такой чарующий мир опиумного дурмана.

Герои, скрепив руки мизинцами, идут в свой выходной в опиумокурительный притон. В стихотворении слово «мизинец» в разных словоформах встречается три раза: «мизинцы, выставя крючками»; «скрестясь мизинцами»; «мизинцы выпрямил». Везде оно употреблено в прямом значении маленького

³² Фудзядянь (傅家店) – один из трех крупнейших районов исторического Харбина. Подробнее об этом районе см.: [Легенды старого Харбина... 2022, с. 88–93]; [Фудзядянь 1922]; [Матиас 1922].

³³ В тот период китайцы район Фудзядянь в просторечии называли «Дао-вай» – «за дорогой». Позднее этот район так и называли – Даовай [Землянская 2024с, с. 35].

пальца. В стихотворении мизинцы являются деталью / атрибутом китайской мужской дружбы без сексуального подтекста. В те годы скрепленные мизинцы в Китае олицетворяли заботу и доверие между близкими друзьями-мужчинами.

В феодальном Китае дружба была союзом неравных по разным признакам людей и была очень формализована. «Дружба стояла на последнем месте в ряду отношений, признаваемых китайской моралью, и только она давала возможность выйти за пределы семейно-клановой иерархии» [Малявин 2000, с. 554]. Дружба являлась одним из основных видов межличностных отношений. Концепт «дружба» закреплён в пословицах и поговорках Китая: 世界上三件东西最宝贵: 知识、粮食和友谊 (Три вещи самые ценные в мире: знания, пища и дружба); 朋友之间不分彼此 (Между друзьями нет различия); 有真朋友的人是富翁 (Богаты те, у кого есть настоящие друзья); 友谊是爱加上谅解 (Дружба – это любовь плюс понимание); 真正的朋友好似两个身子长着一颗心 (Настоящий друг подобен двум телам с одним сердцем); 友谊是两颗心真诚相待, 而不是一颗心对另一颗心敲打 (Дружба – это два сердца, искренне относящиеся друг к другу, а не одно сердце, бьющееся о другое); 人生没有朋友, 犹如人生没有了太阳 (Жизнь без друзей подобна жизни без солнца) [Чжан Индун 1999].

В стихотворении «Мизинцы» дружба – равноправная, но началом, объединяющим друзей, становится не социальный статус – а увлечение наркотиками. Эти дружеские отношения между китайцами-мужчинами писатель как бы наблюдает со стороны, в ее внешних проявлениях: скрепленные мизинцы, раскачивающиеся руки, «тягуче сдавленные звуки / Беспечной песенки бродяг» [Март 2020с, с. 64]. Март с этнографической точностью воспроизводит путь обоих китайцев к месту встречи. Один китаец – из района Фудзядянь, он в харчевне половой, другой – из аристократического района Модягоу, прислужник у

портного. Их путь ведет в опиумокурительный притон на улице Сан-де-ге³⁴. Писатель очень точен в собственных топографических ориентирах, он явно очень хорошо знает путь в это значное место. Март добавляет в свое лирическое описание даже такую деталь, как жестяной забор, который скрывает наркотический притон от глаз харбинских обывателей. В первой редакции вместо слова «жестяной» писателем было употреблено определение «зеленый», что также указывает на знание писателем не понаслышке про эти места в районе Фудзядянь. Март владеет «порочной» харбинской топографией, которой не владел обычный харбинец того времени. Для Марта названия района Фудзядянь, название улицы Сан-де-ге становятся актуальными. Это мостик к будущему его циклу очерков «Желтые рабыни», в котором он погрузится в другую «порочную» сферу района Фудзядянь – торговлю девочками в китайские дома разврата [Землянская 2024с, с. 39].

Для более глубокого понимания стихотворения читателем в первой газетной публикации Венедикт Март размещает к нему три авторских примечания. Первое касается незнакомого для русского читателя китайского повседневного обычая ходить друзьям-мужчинам, сцепившись мизинцами: *«Как у нас, русские парни “ходят по селу” “в обнимку”, или же “под руку”, так у китайцев нередко друзья в интимные моменты трогательно блуждают, сцепившись только одними согнутыми “крючком” мизинцами»* [Март 1921с]. Второй комментарий Венедикта Марта касался перевода китайского названия улицы Харбина, включенного в текст стихотворения: *«На “Сан-де-ге” в переводе означает “на Третью улицу”»* [Март 1921с]. Третий комментарий касается деталей употребления опиума китайцами: *«При курении опиума употребляется маленькая лампочка, игла и трубка. Обычно пропитанный маслом фитиль при зажигании издает шипящий треск»* [Март 1921с].

³⁴ Упоминание улицы «Сан-де-ге» является грубым искажением названия Sandaojie (三道街). Подобные искажения характерны для бывших харбинцев, никогда не изучавших китайский язык. Человек же, хорошо знающий китайский язык, вряд ли мог допустить такую ошибку. С нашей точки зрения, Март владел китайским языком на разговорном уровне, освоив его в процессе личного общения с простыми китайцами.

В стихотворении «Мизинцы» писатель нанизывает бытовые реалии опиумокурильщиков, которые незнакомы обычному читателю:

*«На “Сан-де-ге” к жестяному забору –
В опьекурительный притон.*

*И только в судорогах ожога
Треещащий масляный фитиль
Мизинцы выпрямит... и оба
Прильнут на скомканный настил!» [Март 2020с, с. 65].*

Весь путь герои идут, скрестив мизинцы между собой. Наркотический дурман распрямляет мизинцы, разрушает дружественные узы. В первой редакции стихотворения именно в последней строфе происходит разрушение дружественных связей вследствие употребления опиума. По логике лирического текста именно в последней строфе должна «распрямиться пружина» стихотворения и читатель должен понять цельный его смысл. «Конечные строки текста освобождают читателя из плена лирического напряжения. Они дают ключ к пониманию всего стихотворения, восстанавливая поэтическое равновесие» [Кожина 1986, с. 50].

Во второй редакции писатель включает в стихотворение еще одну строфу, таким образом, смещая фокус внимания читателя и придавая тексту новый, отличный от первой редакции, смысл:

*«В игле проворной и вертлявой
Кусочек черный запестрит
Горящий опиум – отрава
Взволнует пьяный аппетит» [Март 2020с, с. 65].*

Помимо точного знания процесса опиумокурения, в этой строфе ярко выражено личное отношение лирического героя к наркотическому процессу: это отрава, которая разрушает все человеческое в человеке. В цикле очерков «Харбинские трущобы» [Синяя Маска 1921a]; [Синяя Маска 1921b]; [Синяя Маска 1921c]; [Синяя Маска 1921d] писатель продолжит осмыслять эту разрушительную силу наркотика, в его очерках разрушению подвергнутся не только базовые общечеловеческие ценности, но и само физическое тело человека. Уже в советский период Март художественно осмыслит губительную силу наркотика, под

действием которого исчезнет целая китайская деревня [*Март 1926*]; [*Рассказы о Востоке...*, с. 23–28].

Название стихотворения «Мизинцы» служит метонимическим синонимом понятию «дружба», которую разрушает опиумный дурман. В этом стихотворении Март художественно анализирует одну из основных установок китайского менталитета – дружбу как бескорыстное общение двух духовно близких людей. Этот подарок судьбы терпит гибель из-за наркотических увлечений героев. Человек теряет все человеческое, это расплата за мгновения чарующего дурмана. Повторная редакция и стилистическая работа над стихотворением – показатель того, что для писателя эта тема очень близка.

Образ инокультуры в стихотворении Марта создается через осмысление повседневных привычек представителей чужого народа. Перед нами зарисовка-миниатюра с ярко выраженным сюжетом из харбинской повседневности. Для описания бытовой картины поэт выбирает традиционный 4-стопный ямб с перекрестной рифмовкой и женской и мужской рифмами. Метрические эксперименты прошлых лет и яркая образность в духе имажинистов здесь отсутствуют. Говорить о повседневности писатель будет простым языком в привычном русскому слуху размере.

В 1923 г. в ежедневной харбинской газете «Копейка» был опубликован цикл очерков В. Марта «Желтые рабыни» [*Март 1923*]. В нем писатель окунулся в сложную, но столь интересную читателю тему китайской проституции, способов вовлечения в эту сферу простых горожан, пути пополнения харбинских домов любви. Публикация материала на страницах харбинской печати под своим известным псевдонимом говорит о распространенности и нетабуированности этой темы среди харбинского читателя. Разделы харбинских газет, посвященные хронике и происшествиям «приспособлены к вкусам улицы» [*Матиас 1922*]. Публикации про проституцию, обсуждение сложной и подчас увлекательной судьбы жриц любви в харбинской прессе было не редкостью [*Трагедия Феникса... 1921*].

Плохая сохранность газеты, отсутствие полного перечня номеров газеты «Копейка» в архиве³⁵ сегодня препятствуют восстановлению полного содержания цикла «Желтые рабыни». А.А. Забияко и А.А. Левченко, руководствуясь логикой сюжета, опубликовали этот цикл [Левченко, Забияко, 2015], хотя, возможно, он в этой публикации представлен не полностью. В данном исследовании мы опираемся именно на эту публикацию цикла. Цикл состоит из семи частей (также к публикации отнесена смежная статья Венедикта Марта, имеющая в своем заглавии отсылку к циклу очерков: «Фудзядянский быт. <Беженцы любви>. (Иллюстрация к “Желтым рабыням”»)). Каждая часть дробится еще на более мелкие главы, каждая из которых имеет свое название: «Экспорт детей»; «Урожай девочек», «Тянцзинская биржа»; «Расценка тела и души» и др. Само название цикла выполняет рекламную функцию, оно привлекает внимание рядового читателя таким несвойственным времени словом «рабыня»³⁶. И названия глав подобраны автором с целью шокировать читателя. Цикличность очерков становится одним из приемов художественной этнографии Венедикта Марта харбинского периода³⁷ [Землянская 2022a]. Помимо поощрения читательского интереса к «продолжению», данный прием позволял глубоко погрузиться в тему и рассмотреть ее с разных точек зрения и ракурсов, не ограничивая себя ни жанровыми, ни сюжетными рамками.

Сам Март по ходу текста «Желтых рабынь» вскользь определяет жанровую природу своего текста – очерк: «...вряд ли не представит интерес наш очерк, приоткрывающий несколько двери в интимнейший мир туземного Харбина» [Март 2015, с. 339]; «...мы катим в Фудзядян – в гости к героиням наших очерков» [Март 2015, с. 344]. Жанр очерка понятен и привычен русскому читателю,

³⁵ Газета хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Часть номеров хранится в Национальной библиотеке Чешской Республики, г. Прага.

³⁶ Рабыня – эксплуатируемый человек, лишенный всяких средств производства и вместе со своей рабочей силой являющийся товаром, полной частной собственностью эксплуататора [Толковый словарь... 1939, с. 1095]. Венедикт Март подразумевает под словом «рабыня» только проститутку.

³⁷ Также цикличность, по всей видимости, применена в публикациях «Тысяча и один вечер» Марта под псевдонимом А.В. Глаз. Упоминание об этом цикле есть в уголовном деле В.Н. Матвеева 1937 г. [Уголовное дело... 2020, с. 21].

он был распространен в русской литературе и публицистике. Но Март не ограничивает себя только лишь рамками очерка. В публикации «Беженцы любви. Иллюстрация к “Желтым рабыням”» безымянный редактор определит жанр этих публикаций как «дневник происшествий» Фудзядяна [Март 2015, с. 350]. Март в своем тексте синтезирует различные жанры, проводит жанровый эксперимент. А.А. Забияко и А.А. Левченко сходятся во мнении, что «“Желтые рабыни” – ни этнографический очерк в чистом виде, ни фельетон в “желтой газете”, ни физиологический очерк и т.д. Цикл несет на себе печать художественного своеобразия мартовского отношения к прозе, где есть место и словесной вязи, и иронии, и сентиментальным пассажам. И, самое главное, в нем находит отражение его этнокультурный посыл как писателя-этнографа: узнать изнутри жизнь Китая, понять его низовую культуру в многообразии региональных черт и определяющей жизнь китайцев традиции» [Левченко, Забияко, 2015, с. 338].

Похожий жанровый синтез возникнет в китайской литературе и публицистике в первой половине XX в. На формирование его повлияли глобальные исторические события в Китае начала века и их результаты: Синьхайская революция, смена вэньяня на более разговорный байхуа, изменения в иерархии литературных жанров, появление в литературе новых приемов и новой лексики [Лебедева 2018]. Именно на Северо-Востоке Китая в первой половине XX в. сформировался особый жанр *баогао вэньсюэ* (报告文学) [Лебедева 2018, с. 318] или документальная очерковая литература (С.Д. Маркова), которая объединит очерк, наброски, специальные заметки, пьесы-известия, интервью [Маркова 1958]. Именно на этот жанр опирался С. Третьяков, когда писал роман (или «био-интервью», как его определил сам автор) «Дэн Ши-хуа» (1930).

В первую очередь, в «Желтых рабынях» мы видим очерк, в основе которого лежит эмпирический опыт рассказчика, рассказ о его путешествии в опасный район Харбина. Перед нами полудокументальное повествование, основанное на близких отношениях рассказчика и его проводника, который и делится тайнами торговли живым товаром. Писатель использует метод включенного

наблюдения, который позволил ему зафиксировать все экзотическое, с точки зрения русского эмигранта, в жизни района Фудзядянь. Это не только этнографическое повествование, но и аналитическое осмысление изображаемого (например, оценивает трудности транспортной инфраструктуры Фудзядяня). Очерковая достоверность, присущая жанру, реализуется через многочисленные упоминания географических мест (Янцзун, Тянь-цзин, район Джили, Фудзядянь, Янь-дзы-Цзянь, Путевая улица, улица Пин-кан-ли, улица Хуи-фан-ли), детальность в указании цен на живой товар, упоминании имен реальных лиц и событий (например, спектакли в фудзядяньском театре Хуа-лоу-ца-юнь). В тексте присутствует и намек на газетную серийность публикаций: *«мой чичероне <...> привык с полуслова понимать задания наших прогулок»* [Март 2015, с. 339].

В «Желтых рабынях» Венедикт Март использует уже опробованную им в цикле «Харбинские трущобы» модель погружения в инородную для него среду при участии проводника, которого он в обоих циклах очерков именует на итальянский манер – чичероне: *«Мой чичероне – неизменный Пан-Сян-Шин-Людзянь-хэ – привык с полуслова понимать задания наших прогулок, и уже по пути в дома любви он посвящает меня в специфически местные условия рынка желтых рабынь»* [Март 2015, с. 339]. Уже здесь Венедикт Март упоминает свои многократные «погружения» в «злачную» среду Фудзядяня, которая по-настоящему интересна самому писателю. Приступая к публикации своего очерка, автор говорит о том, что для русских эмигрантов/европейцев, волей судьбы оказавшихся в зоне полосы отчуждения китайской территории, знакомство с китайской культурой происходит только на уровне бытового повседневного общения без погружения в ее основы: *«Смешавшись вплотную, перепутав свои насущнейшие интересы и потребности с местными желтолицыми аборигенами, мы все же допущены, проникли к ним лишь в сфере уличной поверхности... Наше знакомство, по преимуществу, шапочно, через прилавки, по мере необходимости. Мы за китайской стеной быта»* [Март 2015, с. 339].

Рассказчик в цикле – человек полосы отчуждения китайской территории. Он четко знает, для какой аудитории он пишет очерки. Именно русский эмигрант

– потенциальный читатель серии этих очерков. Рассказчик «Желтых рабынь» постоянно подчеркивает свое собственное нахождение в гуще событий – он едет на рикше с проводником в Фудзянь, перемещаясь с одной улицы на другую. Большая часть текста – это рассказ самого проводника, но не оформленный как событие рассказывания. Он художественно обработан сознанием рассказчика. Единично по тексту мы можем встретить речь самого проводника, и рассказчик здесь будет специально акцентировать на этом внимание и снабжать ее собственным комментарием: *«вот буквально слова моего спутника»* [Март 2015, с. 340]. Это интервью без указания вопросов. С другой стороны, перед нами путевой очерк, в котором автор фиксирует все то, что услышал от своего проводника, их путь имеет четко очерченный план, который и соблюдается в тексте произведения. Писатель избирателен в изображении событий. Всё изображаемое – должно быть экзотично для восприятия русского эмигранта, в этом проявляется индивидуально-авторский подход в изображении событий.

С точки зрения стилистики, в очерке «Желтые рабыни» складывается сложная система координации голосов: голос автора-рассказчика, русского эмигранта, допущенного к «тайнам» китайского быта (*«Мой чичероне – неизменный Пан-Сян-Шин-Людзян-хэ – привык с полуслова понимать задания наших прогулок, и уже по пути в дома любви он посвящает меня в специфически местные условия рынка желтых рабынь»* [Март 2015, с. 339]), перемежается с голосом китайского проводника, носителя народного сознания (*«В Ян-цзуне мать несчастна, если у нее родится сын. Десять дней она без пищи – лишь бы не умерла – чашка чумизы»* [Март 2015, с. 340]), отсылками к предыдущим очеркам (*«Вспоминая предыдущие наши очерки, следует вспомнить, что вообще янцзунские девушки-женичины отличаются своею чуткостью, узорчатостью, тонкостью и одаренною склонностью к изящным искусствам...»* [Март 2015, с. 346]), постоянным сравнением элементов китайской действительности с русскими аналогами (*«Как у нас в России – существуют: Владимирская губерния – богомазов, или Костромская-Пермская – резьбы и выжигания по дереву, Нижегородская – исторического «лубка» и т.д., так и у китайцев – здесь – родина тысячи и одной*

девушки искусства...» [Март 2015, с. 343]), вкраплением жизненных историй, иллюстрирующих быт желтых рабынь («Пылкий, нетронутый мальчик увлекся 19-тилетней Цуй-то – одной из красавиц домика. Девушка с профессиональной умелостью обворожила 17-тилетнего мальчика...» [Март 2015, с. 347]), речью «китайских красавиц» («Мне муж нужен с деньгами» [Март 2015, с. 347]), отрывками из тематически близких публикаций фудзяньских газет («Очередной “дневник происшествий” Фудзяня более чем кстати исчерпывающе “иллюстрирует” быт героинь этих очерков в закулисной обстановке их личной интимной жизни – там, где кончается “продажная любовь”» [Март 2015, с. 350])).

Речевые характеристики действующих лиц являются важным компонентом повествовательной стратегии. В тех фрагментах очерка, где представлена речь китайского проводника, мы не увидим пиджинизированный русский текст, общение между автором-рассказчиком и проводником явно идет на китайском языке, и соответственно, в тексте представлен перевод его речи, наполненной бытовой лексикой (балует, кутит, рис, лапша, яйца, пельмени, чашка чумизы, сласти); синтаксис напоминает строение устной речи:

«Если дочь, ее балуют ... и лапша, яйца, рис, пельмени, сласти.

Мать месяц накануне ничего не делает: отпуск!..

Муж ей шьет новые наряды, кутит всей семьей!..

За дочь!.. Сын – никаких. Сразу за работу!

А еще и побьет ... за сына» [Март 2015, с. 340]

В речи автора-рассказчика Март следует своей давней традиции, когда каждый абзац текста представляет собой отдельное предложение. Сам стиль повествования о несчастных судьбах речных девочек пестрит канцеляризмами, писатель уже на уровне языка акцентирует внимание читателя на деловом повседневном характере торговли живым человеком в этих районах Китая:

«И уже из Ян-цзуна – с базарных смотрин “рынка невест” – “разница”, понакупленная в специальных ресторанах – перепродается в Тянь-цзине нередко для “опта”...

И здесь “сортируется”, подбирается, “ремонтируется” живой материал.

Так сказать, еще “сырье”, “товар” подвергается опытной экспертизе, оценивается и пр.

Причем в расчет берется возраст, индивидуальные внешние данные – основные качества “товара”.

И даже наблюдается “утечка” – в виде самоубийств и побегов!

Тянцин имеет свой стиль специфической “биржи”.

В городе существуют особые места для “деловых” свиданий, “коммерческих” сделок и пр.

В этих местах “спецами” по купле-продаже девушек подбирается – назначенный по заказам – комплект живого товара, заключаются контракты и т.д.» [Март 2015, с. 341].

Повествование в цикле строится автором по пути от общих этнографических заметок к частным историям желтых рабынь и их клиентов. В начале очерка автор погружает читателя в повествование о совсем нехарбинских источниках «сырья» для фудзянских домов любви. Это речные районы Китая – Тянь-цзин и Ян-цзун, «два основных “питательных” (в смысле живого мяса) пересылочных пункта» [Март 2015, с. 341]. Здесь Март обращается к узорегиональной этнографической специфике китайской жизни – отношению семьи к рождению мальчиков или девочек. В исследовательской литературе о Китае было распространено мнение о приоритете рождения мальчиков в китайских семьях. Было принято радоваться появлению в семье мальчика, который становится опорой семьи; в девочке видели лишь обузу. «Женщина в Китае уже при рождении испытывает свою горькую участь. В то время, как появление на свет мальчика вызывает в семье большую радость, рождение девочки пробуждает совершенно противоположные ощущения. Этим объясняется детоубийство, свирепствующее более чем где-либо в царстве цветов и всегда поражающее девочек, что перешло

даже в обычай у бедной части населения» [*Швейгер-Лерхенфельд 1885, с. 231*]³⁸. «Рождение сына встречается с радостью. Соседи и родные поздравляют и несут подарки. Рождение дочери встречается с некоторым разочарованием, а иногда с ненавистью. Если дочери начинают значительно увеличивать его семью, китаец не стесняется отделяться от новорожденной малютки убийством девочек. В деревне, тем более в дальних провинциях, этот обычай и сейчас в полном ходу. Китайца пугает необходимость готовить для дочери приданое. “Выданная замуж дочь, что вылитая вода” – говорят китайцы, т.е. совершенно бесполезный для семьи член. Обращаясь к дочери, китаец употребляет слово “ятоу” (раба). Бедные задолжавшие семьи сплошь и рядом продают дочерей, зачастую прямо в дома разврата. Такой же смысл имеет и ранняя выдача дочерей замуж» [*Китай... 1923, с. 62–63*]. «Китайка, особенно в северном Китае, не получает никакого образования, она живет затворницей сперва в доме родителей, составляя только лишнюю домашнюю вещь, домашнюю прислугу. При рождении девочки так и говорят: родилась служанка, указывая этим назначение в жизни и пол новорожденной. Девочку не учат, ум ее не развивают, ей не дают мыслить. Ей предоставлено только одно: всегда быть покорной отцу, мужу; родить для семьи мальчика, который бы был продолжателем рода, хранителем родового принципа и выразителем культа почитания предков» [*Корсаков 1902, с. 119*]. «В бедных семьях на рождающуюся девочку смотрят, как на лишнее и тяжелое бремя, а потому родители охотно продают девочек особым скупщикам, которые, покупая девочек, сортируют их и воспитывают одних для публичных домов, для продажи в наложницы, а из других делают певиц, танцовщиц, совмещающих в исключительных случаях и проституцию» [*Корсаков 1902, с. 117*].

Март показывает иной взгляд на рождение девочек в речных местностях Китая, отличный от растиражированного в этнографической литературе:

³⁸ О стойкости этого обычая в повседневной жизни китайцев даже в середине XX в. упоминал бывший харбинец Александр Евдокимович Демидов в своем интервью: «В старое время выбрасывали детей. Если девочка родилась, ее выбрасывали. <...> Идете по городу, в канаве завернуто в соломе, плачет ребенок. Никто не берет, зима. Девочек не надо было, мальчиков надо было» [*Интервью... 2019*].

«Побережье реки Ян-дзы-Цзян живет, дышит, питается куней (девочкой)!

Здесь надо рожать... девочек...

Родилась дочь – счастье – “урожай”.

Сын – новорожденный – удар – горе семьи...

Дочь – праздник. Сын – отчаяние!..

Дочь – вся деревня спешит поздравить с “обновкой” – “фанак”.

Сын – пасмурное, траурное сочувствие несчастной фанзе: обходят, жалуют, сторонятся...» [Март 2015, с. 340].

Писатель здесь использует эллиптические конструкции. Главным приемом становится антитеза. Многочисленные многоточия призваны, с одной стороны, аккумулировать сотворчество читателя, с другой – служат неким предупредительным сигналом для него о том, что далее последует неожиданное/шокирующее известие.

Писатель явно все эти сведения получает не из книг, о подобных преступных схемах не напишут в китайской литературе, он погружается в самую среду. Возможно, в период своего пребывания в Харбине, писателю удалось посетить и другие районы Китая – впоследствии в очерке «Логово рыжих дьяволов» он упомянет, что был в Шанхае, а уже по возвращении в Советский Союз жизнь и быт жителей речных районов Китая станет предметом осмысления в его многочисленных произведениях³⁹.

На протяжении цикла, который изначально выстраивался Мартом как экскурсия по значному Фудзядяну под руководством опытного китайского проводника, образ рассказчика, который знакомится с неизвестной ему сферой жизни, меняется на образ всеведущего автора. Он уже почти и не оговаривается по ходу очерка о том, что имеет под рукой знающего проводника. Такая маска использовалась Мартом уже в «Харбинских трущобах»; для своего очерка он надевает

³⁹ Например: «Речные люди: повесть для детей из быта современного Китая»; «Через Ян-Цзы-Цзян. Китайская быль»; «Дракон комсомольца Ли-Хуна».

маску ничего не знающего журналиста, русского эмигранта, знакомящегося с таким неизвестным и опасным миром «наркотического» Харбина [Землянская 2022а, с. 329]. Многочисленные преступные схемы, этнографические подробности быта, цены на рынке живого товара вряд ли рядовой китаец знает, да если бы и знал, то сомнительно, что он их сразу же раскрыл русскому журналисту. Здесь явно чувствуется длительное «погружение» в среду, где он, возможно, мог услышать о преступной системе домов продажной любви.

От повествования об истоках продажной любви писатель движется к глубоко этнографической характеристике янцзунских девушек, их поэтической и музыкальной одаренности: *«янцзунские девушки отличаются от своих соотечественниц мягким, изысканно-тонким, поэтическим складом натур и редкой, далеко не присущей китаянкам, развитостью, особенно – своими способностями в различных областях искусства... Они большие фантазерки, изящно-мечтательны и любознательны... <...> Янцзунские девушки славятся чрезвычайной одаренностью: в убогих, нищенских фанзах пышно цветет жизнь звука, красок, линий, мелодии, ритма и т.д. Янцзунские девушки свой досуг неизменно исчерпывают радостью труда, творческими-пытливыми попытками в искусстве... Среди них много художниц, музыкантов, актрис и, конечно, шантанных певиц и т.п.»* [Март 2015, с. 342–343].

В своем погружении в злачный Фудзядянь писатель не ограничивается только лишь описанием домов продажной любви, он касается повседневной культуры фудзядянской улицы, проводниками на которой выступают рикши, эти люди-лошади, как было принято их обозначать в литературе тех лет (*«Здесь царство человека-лошади. <...> Двуногой лошади нет конкуренции. – К тому же рикша нередко даже и для европейца – “ходячий путеводитель” по злачным местам...»* [Март 2015, с. 344]); театральной культуры Харбина (*«Куй-хуа – завсегдатайка первого фудзядянского театра Хуа-лоу-ца-юен. Каждый Божий день – с открытия театра – она уже на своем неизменном месте – самом лучшем и дорогом – во втором ряду (первый ряд отводится начальствующим лицам и частным недоступен). <...> В китайских театрах принято, между прочим, в*

театрах совершать трапезы») [Март 2015, с. 348–349]; деталей сельскохозяйственной деятельности китайских земледельцев (количество урожая для продажи в Фудзянян, цену на него); игровой культуры питейных заведений Фудзяняна. Март в свой очерк вставил описание излюбленной застольной игры китайцев «хуа чуань»⁴⁰ (划拳, кулак). В начале XX в. эта игра была очень распространена в повседневной жизни простых китайцев. Март не выносит в комментарий к очерку описание этой игры⁴¹, зная, что читатели ежедневной газеты «Копейка» явно много раз видели эту игру вживую:

«Здесь неизменно процветает излюбленная игра китайского праздного досуга в “хуа-чен”:

Любопытная развязка: проигравший должен выпить залпом обусловленную дозу китайской водки.

Итак нередко какому-либо расторопному партнеру, собаку съевшему на этом “деле”, удастся так раздражить азартом свою жертву, что последний, выбрасывающий из-под стола руки, сам оказывается и с руками и ногами – целиком – под столом» [Март 2015, с. 345].

В описании этой игры Март использует уже опробованный в этом цикле прием сравнения китайского обычая с аналогичным/сходным с ним русским. Так, игру «хуа чуань» писатель сравнивает с играми в петровских ассамблеях.

В качестве конкретных примеров жизни фудзянянских домов любви Март выбирает истории, рисующие наиболее распространенную и наоборот редкую ситуацию из жизни желтых рабынь и их клиентов. Так, в очерке «На Пин-кан-ли» Март использует расхожий мировой литературный сюжет, но с китайской спецификой. Молодой человек из маленькой китайской деревушки приехал в

⁴⁰ В очерке она переведена как «хуа чен». Суть игры состоит в том, что двое играющих сидят за столом, прячут руки под стол. Одновременно выкрикивают любое число от 0 до 10. И сразу же пальцами показывают свое число друг другу. Если сумма показанных пальцев на руках играющих совпадает с озвученной любым играющим, то он выигрывает. А проигравший должен выпить оговоренную дозу китайской водки.

⁴¹ В своих будущих произведениях уже для советского читателя Март будет обязательно делать расширенный комментарий, когда будет касаться тех или иных этнографических деталей быта китайцев/японцев/корейцев/гольдов, включенных им в художественное повествование.

большой город, чтобы продать пшеницу, выращенную отцом. Продав благополучно весь товар, получив большие деньги, он *«быстро очутился в ловких сетях пронирыливых “друзей”»* [Март 2015, с. 347], которые и познакомили его с одной из красавиц фудзянского дома любви. Там он и прокутил все деньги, а потом оказался не нужен ни своей временной подруге, ни новообретенным друзьям. Юноша оказался не нужен и своей семье. Потеряв все, он кончает жизнь самоубийством. Здесь Март вновь обращается к базовым установкам китайского сознания, осмысляет разрушение семейных ценностей под влиянием пагубных пристрастий. В европейской, да и в русской литературе мотив возвращения блудного сына завершается благополучным финалом. Сын в своих блужданиях по свету обретает опыт и с повинной возвращается к отцу/семье. Март финал истории юноши намеренно огрубляет, приближая его к той реальности, которую он наблюдал на улицах Фудзяна. Для растратившего себя в пучине удовольствий нет благополучного исхода. В запутанной системе фудзянских домов любви рушится жизнь не только жриц любви, но и их клиентов.

Март не рисует в своем цикле очерков завершение «карьеры» китайской желтой рабыни. Оно общеизвестно. Красочно будущую горестную судьбу фудзянских жриц любви иллюстрирует одна заметка в харбинской газете тех лет: *«“Золотой Колокольчик” [имя китайской проститутки. – К.З.] мог жить и развиваться лишь в каскадах серебряных долларов; иссякли источники и сильный прием опия заставил навсегда замолкнуть ее мелодичный голосок. Трагедия “Золотого Феникса”, пожалуй, еще глубже: ее поместили в приют для исправления падших женщин. Теперь только смерть поможет ей расправить крылышки и улететь в высь небесной лазури...»* [Трагедия 1921].

«Погружение» Венедикта Марта в злую атмосферу фудзянских улиц позволило ему приоткрыть перед русским читателем завесу неизвестной, потайной сферы повседневной бытовой культуры Китая. В цикле ярко выражено изображение «темной» стороны городской жизни в русле натуральной школы. Обширное количество этнографических фактов, вплетенных Мартом в структуру цикла очерков «Желтые рабыни», позволило ему не только заинтересовать, а где-

то и шокировать рядового русского эмигранта – читателя ежедневной газеты, но и поставить перед ним философские вопросы о ценности/бренности человеческой жизни, разложении семейных уз, осмыслить базовые этнические установки китайского сознания. Оставаясь в рамках той этнографической парадигмы, которой он следовал с самого начала своего творчества, в этом цикле он больше очеркист, этнограф. Здесь он «высушивает» свой язык, подстраивая его под специфику изображаемого материала. Этнографические факты становятся все обширнее, именно они организуют пространство очерка.

Выводы по главе 2

Отсутствие культурной и литературной среды в этом русско-китайском городе, сложность и даже бедственное положение повседневной жизни писателя, собственный опыт бродяжнической жизни рядом и вместе с китайским бедным населением, потакание пагубным пристрастиям, ежедневная работа журналистом в харбинских газетах формировали уникальный взгляд Марта на китайскую культуру и китайские традиции, определили содержание и форму его публикаций в харбинской прессе, изменения в художественном языке.

«Погружение» Венедикта Марта в злую атмосферу фудзяньских улиц позволило ему приоткрыть перед русским читателем завесу неизвестной, потайной сферы повседневной бытовой культуры Китая. В цикле «Желтые рабыни» ярко выражено изображение «темной» стороны городской жизни в русле натуралистической школы. Обширное количество этнографических фактов, вплетенных Мартом в структуру цикла очерков, позволило ему не только заинтересовать, а где-то и шокировать рядового русского эмигранта – читателя ежедневной газеты, но и поставить перед ним философские вопросы о ценности/бренности человеческой жизни, разложении семейных уз, осмыслить базовые этнические установки китайского сознания. Оставаясь в рамках той этнографической парадигмы, которой он следовал с самого начала своего творчества, в этом цикле он больше очеркист, этнограф. Здесь он «высушивает» свой язык, подстраивая его

под специфику изображаемого материала. Этнографические факты становятся все обширнее, именно они организуют пространство очерка.

Очерки из цикла «Желтые рабыни» довольно близки к китайской документальной очерковой литературе (жанру *баогао вэньсюэ*). Март синтезирует различные жанры, проводит жанровый эксперимент. Это не только этнографическое повествование, но и аналитическое осмысление изображаемого. Очерковая достоверность, присущая жанру, реализуется через многочисленные упоминания географических мест, детальность в указании цен на живой товар, упоминании имен реальных лиц и событий. С точки зрения стилистики, в очерке «Желтые рабыни» складывается сложная система координации голосов: голос автора-рассказчика, русского эмигранта, допущенного к «тайнам» китайского быта перемежается с голосом китайского проводника, носителя народного сознания, отсылками к предыдущим очеркам, постоянным сравнением элементов китайской действительности с русскими аналогами, вкраплением жизненных историй, иллюстрирующих быт желтых рабынь, речью «китайских красавиц», отрывками из тематически близких публикаций фудзяньских газет.

Глава 3. Советский период развития художественной этнографии В. Марта: от «литературы факта» к неомифологизму

В 1923 г. из эмигрантского Харбина Март приезжает в Москву. Возвращение на родину для большинства эмигрантов было обусловлено субъективными обстоятельствами каждого и во многом общими: тяжелым материальным и социальным положением, стремлением внести свой вклад в развитие новой России, найти свое место в новом государстве вопреки установившейся политической системе [Бочарова 1994, с. 25]. Процедура получения гражданства предусматривала амнистирование. Сам Март о мотивах своего возвращения на родину указывает только одно – он ехал в СССР вслед за семьей [Уголовное дело... 2020, с. 22–23]. Возможно, не последнюю роль в желании вернуться сыграло бедственное голодное существование писателя в Харбине.

3.1 Москва – Ленинград – Саратов – Киев (1923–1937): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты трансформации художественной этнографии В. Марта

Март оказывается в Москве в тот период, когда молодое советское государство попыталось выстроить новый вектор государственных изменений во всех сферах жизни советских граждан, «обескровленное террором и голодом население успокоить восстановлением нормальной рыночной экономики, которая тут же накормит голодных и увлечет трудящихся возможностью располагать результатами своего труда, при одновременном полном сохранении всецелой политической и идеологической власти за большевистским режимом» [История 2011, с. 767]. Началось время внедрения «новой экономической политики».

Имея за плечами разнообразный художественный опыт – футуризма [Кириллова 2011]; [Забияко 2016b], этнографических наблюдений [Забияко, Дябкин, 2013]; [Забияко, Левченко, 2014b]; [Забияко 2015b], подённости в «желтых» газетенках [Левченко, Дябкин, 2016] – Март всеми силами пытается встроиться в

советский литературный процесс. Писателя захватывает новая реальность, новые темы и сюжеты. Несколько лет вынужденный выживать в Харбине, даже организовывать подписку на собственные неизданные книги [Алымов 1923], Март – виртуоз словесной формы, понимающий законы ангажированности печатного слова – на первых порах ощущает, что готов к требованиям соцзаказа в литературе. Советская власть хотела вырастить нового читателя, для этого она искала писателей, способных через художественное слово пропагандировать советскую идеологию.

Исторические события революции, Гражданской войны, политика НЭПа и становление молодого советского государства не могли не сказаться на литературе тех лет. Это был период кризиса, всколыхнувшего общество, заставивший его пересмотреть свои ценности, свое прошлое. Это была встреча двух цивилизаций – русской классической культуры и нарождающейся большевистской. Несмотря на коренные изменения, русская культура сохранила в своей основе гуманистическую направленность. Стали появляться «писатели-рабочие», изменяется творчество писателей из образованных слоев. Про человека «новой культуры» нужно было писать по-новому, потому в творчестве многих писателей сочетаются черты разных направлений, в зависимости от тех художественных целей, которые они перед собой ставили. Литературный процесс 1920-х гг. характеризуется общей тенденцией к беллетризации литературы. Читатель хочет читать не долгий роман, а рассказы на злободневные темы с острым сюжетом. Поэтому писатели начинают заимствовать приемы из массовой литературы. Литература идет вслед за читателем, вслед за массовым спросом на определенные темы, сюжеты, идеи. На этой волне Март со своим другом Н. Костаревым под псевдонимом Никэд Мат пишут роман «Желтый дьявол» (1924–1926) – «гремучую трехтомную смесь авангарда, агитки, детектива, шпионского и авантюрно-приключенческого романа» [Никэд Мат 2018, с. 2] о Гражданской войне на Дальнем Востоке.

Понятия «пролетарский писатель», «попутчик», «буржуазный писатель» становятся определяющими в литературном процессе тех лет. Писателей теперь

ценят не за художественные достоинства их творчества, а за выверенный идеологический курс их произведений, за политические убеждения и пролетарское происхождение. На всем протяжении 1920-х гг. власти будут активно вмешиваться в литературный процесс, чиновники станут критиками новой литературы. Н.В. Корниенко приводит слова М. Пришвина, 23 августа 1922 г. написавшего в дневнике: «“...все наркомы занимаются литературой. Даются громадные средства на литературу. Время садического совокупления власти с литературой”» и комментирует: <...> Члены Политбюро, ЦК, правительства, Коминтерна пишут предисловия к выходящим книгам и рецензии на них, отвечают на вопросы литературных анкет, принимают участие в литературных дискуссиях, постоянно встречаются с творческой интеллигенцией и писателями» [Корниенко 2010, с. 31–32].

Ведущим направлением в начале 1920-х гг. становится публицистика. Она оценивала результаты революции, поднимала вопросы нравственности современного «нового человека» в эпоху всеобщей демократизации. Художественная проза обращается к изображению исторических событий, дает широкий обзор современной эпохи, постепенно погружаясь в быт или бессюжетность, снижая уровень художественности собственных произведений, относясь к ней с пренебрежением. Это было время экспериментов, поиск нового стиля писателями молодого советского государства.

В прозе 1920-х гг. происходит смешение жанров в сторону малых форм. Хотя романы также публикуются, но их значительно меньше («Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого). Роман станет ведущим жанром уже в 1930-е гг. Содержание малой прозы становится напряженным, в центре произведения всегда острый социальный конфликт, изображение борьбы различных социальных групп. Героико-романтические повести о народной жизни (А. Малышкин «Падение Даира», Вс. Иванов «Партизанские повести»), проза о трагических судьбах крестьянской цивилизации (С. Клычков «Чертухинский балакирь», А.С. Неверов «Ташкент – город хлебный»), производственный

роман с его ведущей темой труда (Н.Н. Ляшко «Доменная печь», Ф. Гладков «Цемент»). Расцветает сатира; в центре ее внимания осмеяние бюрократизма в советских учреждениях, иностранных врагов молодого советского государства, чванства, пошлости и мещанства. Малые жанры стали очень популярны за их быстрый отклик на те или иные события современности, способность охватить все стороны жизни.

В этот период также можно говорить о целенаправленной политике государства в отношении популяризации этнографических знаний среди простого населения. Первые годы существования Советского государства отмечены необычайным ростом этнографических исследований во всех регионах. Вновь продолжили свою деятельность Отделение этнографии РГО, Музей антропологии и этнографии, Этнографический отдел Русского музея, Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, создаются новые институты, региональные общества, которые развернули широко-масштабную экспедиционную деятельность. 1920-е гг. активно разрабатываются теоретические вопросы этнографии, в 1930-е – больше уклон в практику. Именно в 1930-е гг. начинают активно изучать народы Севера и Дальнего Востока. Для популяризации знаний среди населения активно организуются музейные экспозиции, выходит серия брошюр «Библиотека рабочей молодежи», «Революционное движение в странах капитала», где выходят тематические брошюры, посвященные отдельным странам, например, Японии [*Сен-Катаяма 1928*], Кореи [*Ким 1929*], Китаю [*Насонов 1929*], Индии [*Бартенев 1928*] и др.

Март не присоединяется ни к одной из многочисленных литературных групп⁴², он понимает, что его художественные находки, апробированные во Владивостоке и тем более Харбине никому в Советском Союзе не нужны. «Март забывает на время, что он – салонный писатель-кокаинист, очарованный китайской мистикой и яркими красками фудзяняньских героинек. Он пытается следовать общему направлению жизни, новым требованиям к развитию литературы

⁴² В диссертации Е.В. Сениной он отнесен к «Серапионовым братьям» [*Сенина 2018b, с. 153*].

(хотя дома всё ещё ходит в роскошном восточном халате и шапочке). Помогло присущее с детства “народолюбие”» [Забияко 2015b, с. 300]. Богатейший китайский «багаж» становится основой становления Марта в советской литературе как специалиста по Востоку, но уже с социалистическим уклоном. Насколько Март был искренен в своих прокоммунистических настроениях, сказать трудно – параллельно с публикацией рассказов и очерков в советских изданиях он, к примеру, умудряется пробовать себя и в жанре «святочных рассказов» в харбинских газетах [Землянская 2021с].

С детства воспитанный в народолюбческом духе [Yokota-Murakami 2009] (вся семья Матвеевых была насквозь демократична и интернациональна в своих настроениях и интересах), уже свои досоветские произведения Март пронизал сочувственным вниманием к жизни простых людей, их чаяниям, их бедам [Март 1916a]; [Март 1920f]; [Март-Матвеев 1922с, с. 3–11]. Знаток китайского и японского языков и литератур, понимающий эти культуры изнутри, он надеялся стать востребованным именно как знаток Востока, о котором писали в Москве еще в его харбинскую бытность [Киржниц 1924, с. 44–45].

Поиски писателем нового слова, новой стилистики, новых форм дискурсивного выражения («Скоро этак разучусь вовсе писать стихами... Да и к тому же что-то тянет на прозу», – пишет Март И.А. Рязановскому [Цит. по: Витковский 1998, с. 10]) совпадают с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта» [Литература 1929]; [В поисках новой идеологии... 2010]; [Корниенко 2010]; [Забияко, Землянская, 2021, с. 9]: «застрельщиками этой переоценки выступают люди со стороны, не “авторитетные”, признанные художественные деятели, критики, искусствоведы, а люди пограничных областей – газетчики, журналисты, этнографы, путешественники, историки, публицисты, – т.е. люди, поставленные в потоке живой действительности и привыкшие отвечать за каждое свое слово, как за дело» (курсив мой. – К.З.) [Перцов 1928, с. 18]. «Отвращая от литературы праздной выдумки, преподносимой под флагом заповедного и раз навсегда мистически предначертанного “художества”, мы всячески обращаем внимание

наших товарищей на новую, пробивающую уже себе дорогу литературу – литературу не наивного и лживого правдоподобия, а самой всамделишной и максимально точно высказанной правды» [*Литература 1929*, с. 6]. Этнографическая копилка у Марта была, и она становится весьма востребованной. Несмотря на ироническую критику со стороны коллег по цеху⁴³, бывшему дальневосточнику удается занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе.

«Восточный» идеологический вектор возрастающей литературы Страны Советов в середине 1920-х гг. направлен, в первую очередь, в сторону политической жизни Китая⁴⁴. Идея мировой революции к этому времени переживает кризис, на этом фоне вопрос пролетарской революции в Китае – вопрос идеологически и стратегически важный для Коминтерна и ЦК партии [*Политбюро 2004*, с. 356–494]; [*Рабочая Москва 1927*]. Внутри Гоминьдана происходит раскол. Чан Кайши берет власть в свои руки. Такая кампания привела не только к расколу внутри Китая, но и ухудшению советско-китайских отношений: советская миссия была атакована вооруженными солдатами Пекинского правительства [*Китайская корниловщина 1927*]. Инициаторы нападения стремились обострить конфликт между странами, что привело бы к прекращению помощи СССР китайской революции. Ситуацию также усугубила политика американских и британских представителей в Китае [*Воскресенский 2004*, с. 446–450]. На страницах советских газет и журналов появляются заметки пролетарских писателей в поддержку китайской революции.

⁴³ В романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь», написанном в 1927 г., Венедикт Март представлен в образе поэта Сентября, в поэзии которого «в общей ритмизованной болтовне изредка попадались нервные образы, но все в целом было слабо» [*Вагинов 1928*, с. 49]; [*Забияко, Левченко, 2014b*].

⁴⁴ 5 сентября 1924 г. совместное заседание президиума ВЦСПС и центральных комитетов профсоюзов решило организовать общество «Руки прочь от Китая!». В обращении к рабочим всех стран, принятом на заседании, указывалось, что империалисты выступили в защиту китайской контрреволюции, направили оружие против рабочих и крестьян Китая потому, что широкие массы китайского народа хотят освободиться от иностранного владычества. От имени трудящихся СССР заседание призвало рабочих всех стран, особенно рабочих Франции и Англии, Соединенных Штатов и Японии, выступить со всей решительностью против бесстыдного вмешательства в дела китайского народа, организовать общества «Руки прочь от Китая!», поднять широчайшие массы против интервенции [*Руки прочь 1924*].

По следам горячих событий Март успевает издать «революционно-китайский» «Сборник рассказов» (1928) [*Март-Матвеев 1928b*]. В «Предисловии» Март четко обозначит свое понимание политической заданности текста: он предназначен дать «некоторое представление о жизни рабочих и крестьян в Китае», отразить «великую борьбу» и «глубокую ненависть трудящихся к своим врагам – помещикам и капиталистам» и, наконец, помочь «читателю легко уяснить себе то, что происходит в Китае, и помогает ближе узнать эту великую страну» [*Март-Матвеев 1928b, с. 3–4*].

Линию освобождения угнетенного китайского народа Март продолжит в «Повести для детей из быта современного Китая» «Речные люди» (1930) [*Март-Матвеев 1930*], осветив события сквозь призму детского сознания и мироощущения своего героя Ку-Сяо. Он мастерски вплетет сюжеты китайской мифологии в новые советские неомифологемы, опираясь при этом на жанровую форму детской прозы [*Забияко 2016b*].

В тот период в советской литературе, в отличие от русской литературы 1910-х гг. с ее «литературным воплощением воображаемого Китая» (Ян Липин) [*Красноярова 2019, с. 53–62*]; [*Ян Липин 2020, с. 41–53*], китайская тема была представлена в большей мере в очерковой форме. В период конца 1920–1930-х гг. в связи с обострившейся ситуацией в стране и в литературной среде многие писатели уходили в «безопасную» этнографическую тематику. Так, например, Я.М. Окунев подвергся критике как «мелкобуржуазный попутчик». Выходом из ситуации для него стала политико-этнографическая тематика, которой он и посвятил ряд своих произведений («По Китайско-Восточной дороге» (1929), «В стране генералов и кули» (1930), «Там, где восходит солнце» (1930)). С. Третьяков создает 50 очерков о своем пребывании в Китае, которые позднее будут объединены в книгу «Чжунго: очерки о Китае» (1927); Н.К. Костарёв – «Мои китайские дневники» (1928); Е. Полевой – «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин» (1930); З.В. Рихтер – «7000 километров по воздуху. Москва – Монголия – Китай» (1926); С.П. Разумов – (Оскар Эрдберг) «Китайские новеллы» (1929); В.Л. Юренева – «Мои записки о китайском театре»; Радек К.Б. – «Руки прочь от

Китай» (1925); В. Серошевский – «Митинг в китайской деревне» (1928); Н.И. Байсутов – «В китайской деревне» (1928); А.Г. Лебеденко «Перелет Москва–Монголия–Пекин» (1925), «Как я летал в Китай» (1926), «Великий перелет Москва–Пекин» (1928), Е. Чернявский – пьесу «Красные пики» (1928) и др. Чаще всего эти произведения воплощали определенную линию в построении сюжета в соответствии с идеологическими установками: из борьбы китайского народа против империалистов за свою независимость вырастает борьба трудящихся классов Китая против имущих, экономически и политически господствующих классов; классовая борьба простого китайского народа ведет к появлению классового самосознания, китайский рабочий/крестьянин понимает, что он имеет силы противостоять иностранным угнетателям и внутреннему врагу и активно начинает борьбу. Многие из произведений связывали китайскую революцию с российской и через нее с мировым революционным процессом. Во многих произведениях ярко выражена установка на просветительское знакомство советского демократического читателя с соседней экзотической страной (С. Третьяков, Я. Окунев, Н. Костарёв и др.). В предисловии к своему роману «Дэн Ши-хуа» (1930) С. Третьяков так и писал: «Наше прежнее знание Китая похоже на изуродованную руку. Её надо сперва сломать, а потом срастить правильно. Время литературной алхимии, по которой Китай в коллекции народов есть камень загадочный и неопределимый, – миновало. Мы требуем точных знаний» [Третьяков 1930, с. 3].

В 1924 [Устинов 2020, с. 212] или 1925 г. [Львов, Устинов, 2020] Март переезжает в Ленинград, участвует в литературной жизни города, вступает в местный Союз поэтов, выступает со своими стихотворениями на поэтических вечерах. Нужда, забота о семье заставляют его много работать журналистом в многочисленных изданиях СССР, порою забывая о литературе: *«Вот уж как месяца 3 как я порвал с репортажем и газетами и приблизился одним краешком к литературе. Работаю в 1000 и 1 журнале»*⁴⁵. Его буйный дух, который много давал

⁴⁵ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.01.1927 г. [Переписка Матвеева..., с. 30].

о себе знать в юношеском возрасте [Гребенюкова 1998], уже в зрелом возрасте сослужит ему плохую службу. Однажды в кабаке он *«поскандалил в присутствии таких дядей из ГПУ, при которых лучше не скандалить... Вот и все!»*⁴⁶ В письме к художнику Петру Мичурину Март об этой трагедии писал следующее: *«мне фактически не было предъявлено даже обвинение и сам толком до сих пор не знаю своего “преступления”. Вызвали вдруг повесткой в ГПУ, сделали единственный допрос, из которого я (по вопросам) выяснил, что где-то когда-то я назвал в невменяемом виде кого-то неудобным с точки зрения национ<альной> политики словом, еще какие-то пустяки...»* [Цит. по: Дневниковые записи... 1992, с. 524]. Как итог – трехлетняя ссылка в Саратов, разлука с семьей: *«не первой для меня голод, холод, светлые мечты и горячие надежды! Если дадут работу в местной печати – хорошо, если не дадут – пойду чернорабочим»*⁴⁷. *«Первое время я погорячился малость, да и не мудрено погорячиться, если тебе в одно место вольют крепкую долю скипидара и дуплетом в угол загоняют из Москвы на 3 года в Саратов, о котором ты вовсе и не мечтал»*⁴⁸. Именно саратовская ссылка для Марта станет и временем разрушения его семьи. Кто-то из московских «доброжелателей» поведал его жене Симе о его смерти. В результате нервного срыва она сходит с ума. Об этих трагичных событиях через много лет сын Марта, уже состоявшийся писатель Иван Елагин, Зангвильд напишет:

*«Вспыхнула картина в голове,
Как я беспризорничал в Москве.
Мой отец, году в двадцать восьмом,
В ресторане учинил разгром,
И поскольку был в расцвете сил –
В драке гепеушника избил.
Гепеушник этот, как назло,
Окажись влиятельным зело,
И в таких делах имел он вес –
Так бесшумно мой отец исчез,*

⁴⁶ Письмо Венедикта Марта сыну Зангвильду от 20.12.1928 г. Саратов [Переписка Матвеева..., с. 5].

⁴⁷ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 28.11.1928 г. [Переписка Матвеева..., с. 39].

⁴⁸ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 06.03.1929 г. № 1(170) [Переписка Матвеева..., с. 40].

*Что его следов не отыскать.
Тут сошла с ума от горя мать,
И она уже недели две
Бродит, обезумев, по Москве.
Много в мире добрых есть людей:
Видно, кто-то сжалился над ней,
И ее, распухшую от слез,
На Канатчикову дачу свез.
Но об этом я узнал поздней,
А пока что – очень много дней
В стае беспризорников-волков
Я ворую бублики с лотков» [Елагин 1998, с. 201]. <...>*

Но в Саратове Венедикт Март не останавливает своей литературной деятельности. Он постоянно учится. О своей жизни в Саратове он подробно рассказывает в трогательных письмах к сыну Зангвильду и брату Николаю. *«Твой папка пишет, читает и учится каждый день, почти без передышки с 9 часов утра до 1 часу ночи. Ни одного дня не пропускает твой папка, чтобы не узнать что-нибудь нового для себя»*⁴⁹. Он заводит себе полезные знакомства, например, каждый четверг бывает на вечерах местного доктора, где собирается все интеллигентное саратовское общество.

Март находит себе работу журналистом, много публикуется в местной печати с краеведческими очерками («в полу-беллетристической форме») о музеях, краеведческих, культурных и научных организациях г. Саратова, пишет многочисленные рассказы и очерки на восточную тематику. От многого приходится отказываться, потому что не хватает времени. В литературном плане саратовский период жизни Марта – очень плодотворный для него как литератора. Он пишет не просто много, а очень много. И все публикации в той или иной мере касаются Востока. Он востребован во всех изданиях Советского Союза. Именно так можно трактовать перечень публикаций и журналов, о которых пишет Март

⁴⁹ Письмо Венедикта Марта сыну Зангвильду от 20.01.1929 г. № 7. Саратов [Переписка Матвеева..., с. 10].

в письмах брату и сыну. Сын, несмотря на юный возраст, становится его литературным агентом в столице. Именно к нему пишет Март с многочисленными просьбами отнести в редакцию новое произведение или узнать о судьбе старого.

После окончания ссылки в начале 1930-х гг. Март переселяется в Киев. У него новая жена, растёт сын Зангвильд. Как он делился в письмах к брату, именно в Киеве он обрел покой, так как быт его был устроен. Он продолжает работать журналистом в киевской периодической печати. Чаще всего его очерки и статьи совсем не связаны с литературой, это газетная поденщина, чтобы прокормить семью. Он даже в шутку прислал своему брату номер той газеты, где он написал почти все статьи. Они сугубо публицистические, о повседневной рутинной жизни Киева тех лет.

Восточная тема в начале 1930-х гг. в русле изменившегося отношения Советского Союза к Китаю становится неактуальной для газетных и журнальных редакций, с которыми Март сотрудничал ранее. Потому писателю приходится искать новое тематическое направление для творчества. Такой темой становятся обычаи и традиции коренных народов Дальнего Востока. Именно эти народы становятся предметом внимания советских властей в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в целях возможности их вовлечения в хозяйственный оборот молодой Страны Советов [Шадрина 2018]. «Народы Востока в 1920-х гг. находились на пути формирования антиколониального движения, что было связано также с разработанной для них концепцией некапиталистического развития. Суть концепции заключалась в побуждении малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока к некапиталистическому развитию, и их пример должен был стать примером необходимости миллионам людей сделать шаг к социализму» [Попков 2014, с. 116]. В русле этой темы Март пишет большой рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» (1932). В предисловии ко второму уже журнальному изданию редактор напишет: «дикие, вымирающие племена туземцев Дальнего Востока – гольды, гиляки, орохоны, удехейцы и другие до революции были обречены на самую жесточайшую эксплуатацию. Царская “цивилизация” несла в таежную глушь спирт и венерические болезни. Только в советское время туземцы Дальнего Востока

получили все права и настоящую культуру. Теперь не редкость школа, колхоз, клуб даже и в амурских дебрях. Гольд, гиляк, ороchon, наряду с русским или украинским переселенцем, сознательно участвуют в социалистическом строительстве на нашей дальней окраине. Рассказ Венедикта Марта показывает читателю кусок жизни рыбаков-охотников гольдов как раз в тот период, когда только-только пробивалась новая жизнь в самых отдаленных уголках тайги» [Март 1934a].

Именно в киевский период для Марта актуализируется тема дальневосточного фронта, он вновь вспомнит свой родной город Владивосток и сложный период, который пришлось пройти его предкам на сложном пути заселения Дальнего Востока. Венедикт Март решил воплотить в жизнь многолетний свой замысел – создать обширнейшее многотомное произведение на дальневосточную тему. Этот замысел соответствовал общим тенденциям в развитии литературы тех лет, когда актуализируется жанр исторического романа, в котором изображается героическая история борьбы народа за свою независимость или этапы формирования национальной государственности. Материал для своего замысла он уже много лет собирал по крупицам, о чем многократно писал в письмах к брату Н.Н. Матвееву-Бодрому: «...мне сейчас было бы интересно точно знать, откуда вышли наши родичи-украинцы на Дальнем Востоке? Из Астрахани? Но откуда они попали в Астрахань? Не из Киева ли? Очень хорошо бы знать из какого именно села, местечка...»⁵⁰. Приступить к масштабному замыслу мешала постоянная загруженность на журналистском поприще, поиск средств к существованию: «хотел бы я, чтобы партия, власть дала бы мне год, один год, чтобы я создал вещь на десятилетия, а, может быть, – кто знает, – и того больше»⁵¹. «Подумай, потолкуй и помоги обогатиться русской литературе настоящим Венедиктом Мартом. Издание ряда книжек договора дали бы мне возможность на полгода оторваться от газетной вермишели, засесть и я кончил бы первую

⁵⁰ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 16.05.1931 г. [Переписка Матвеева..., с. 44].

⁵¹ Открытка Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 06.10.1933 г. [Переписка Матвеева..., с. 49].

часть моей повести “Сосновые бараки”, которая продумана чуть ли не до запытой. Ее издадут и моя литературная карьера обеспечена до гроба»⁵². Столь большая подготовка нужна была писателю, чтобы начать и завершить трехтомник «Война и войны»⁵³. Из писем Венедикта Марта ясно, что он написал уже первый том произведения: «на писание романа (1-ой книги) я загнал 2 с лишним года упорного, прямо таки героического труда и плюс некоторые материальные расходы. <...> А, сам знаешь, пока что от романа не имею ни гроша»⁵⁴. Венедикт Март продумал архитектуру своего многотомного произведения, когда были готовы первые главы, давал их прочитать Н. Костареву⁵⁵ в надежде на помощь в последующем издании романа: «ему тогда понравилось начало; обещал содействовать, когда кончу книгу, в устройстве романа в печать»⁵⁶. Содержание книг романа «Война и войны», по мысли писателя, должны были выглядеть так:

«1-й том – империалистические войны;

2-й том – гражданские (главным образом на Дальнем Востоке);

3-й том – строительство СССР и весь мир.

В романе пройдет вся дальневосточная эпопея гражданской борьбы. Пройдут Костя Суханов⁵⁷, Сибирцева⁵⁸, Ю. Рослый⁵⁹ и др. В романе пройдет и

⁵² Открытка Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 06.10.1933 г. [Переписка Матвеева..., с. 49].

⁵³ Именно название «Война и войны» дал изначально своему будущему произведению сам Венедикт Март (Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.05.1936 г. [Переписка Матвеева..., с. 57]. В разных источниках это произведение именуется как «Война война» [Уголовное дело... 2020, с. 39] или «Война и война» [Титова 1995, с. 22].

⁵⁴ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.05.1936 г. [Переписка Матвеева..., с. 56].

⁵⁵ Совместно с Николаем Константиновичем Костерёвым (1893–1941) Венедикт Март в 1924 г. издал трехтомник «Желтый дьявол» под псевдонимом Никэд Мат.

⁵⁶ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.05.1936 г. [Переписка Матвеева..., с. 55].

⁵⁷ Константин Александрович Суханов (1894–1918) – один из руководителей революционного движения на Дальнем Востоке. Председатель первого Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁵⁸ Мария Владимировна Сибирцева (Кунц) (1867–1923) – участница Гражданской войны на Дальнем Востоке. Ее называли «стальной женщиной Красного Владивостока». Активный общественный деятель, член Приморского губкома РКП(б). Тетя А.А. Фадеева.

⁵⁹ Возможно, Константин Леонтьевич Рослый (1897–1926) – красный поэт-партизан, участник Гражданской войны в Приморье. Ему Венедикт Март в 1920 г. посвятил статью «Поэт-партизан К. Рослый»: «суровый и непоколебимый в борьбе партизан К. Рослый вместе с тем был

другая эпопея – история Дальневосточного края, история нашего рода; на волах из Украины через Астрахань – в Никольск-Уссурийск. Воскреснут наши родичи-самодуры Гончаровы, камчадалы, охотники на тигров и охотники за пантами и женьшенем (“фазаны” и “гуси”). Джеклондоновский жанр по-своему вспыхнет в моих дальневосточных исторических экскурсиях романа. Между прочим, у меня впервые в мировой художественной литературе в романе достаточно подробно будет фигурировать мало кому известное государство Бохай-Чо. “Война и войны” – вещь сузубо эпохальная, и не зря она так схожа названием с “Войной и миром”! Смекай»⁶⁰. Несмотря на столь оптимистические планы, писатель осознавал наступление «страшной» эпохи в собственной жизни и жизни советского государства: «Годы идут, – дело к старости [Венедикту Марту всего 40 лет. – К.З.], – времена туманные, чреватые неожиданностями, событиями. Бог его знает, много ли часов доведется побыть на этой земле вместе в этой жизни»⁶¹.

Во время террора 1937 г. Март 11 июня был арестован по обвинению в шпионаже и проведении контрреволюционной агитации и пропаганды в пользу Японии по статьям 54-6 и 54-10 УК УССР и в этом же году расстрелян. Реабилитирован в соответствии с I Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Третий период творчества Венедикта Марта совпал с тяжелым временем для Советского государства – НЭП, тоталитарная диктатура Сталина, эпоха кровавых репрессий. В литературе это время острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта». В середине 1920-е гг. писатель встраивается в «восточный» идеологический вектор

нежнейшим деревенским поэтом» [Март 1920е]. В свою очередь К. Рослый посвятил собственное стихотворение «Золото дорожное» 10-летнему юбилею литературной деятельности Венедикта Марта [Рослый 1920]. Был женат на сестре Венедикта Марта Марии.

⁶⁰ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.05.1936 г. [Переписка Матвеева..., с. 57].

⁶¹ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 21.05.1936 г. [Переписка Матвеева..., с. 53].

взрастающей литературы СССР, который направлен в сторону политической жизни Китая. В 1930-е гг., чувствуя охлаждение советской власти к китайской теме, а потому снижение запросов журналов и газет на рассказы и очерки на азиатском материале, писатель с китайского направления, переориентируется на тематику, связанную с малочисленными народами Дальнего Востока, чему способствует сама политика Советского государства в отношении аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока.

3.2 «Революционный Восток» в художественной этнографии В. Марта советского периода

Особое место в художественной этнографии Марта советского периода занимает неопубликованный сборник «Рассказы о Востоке» [*Рассказы о Востоке...*]. Его рукопись была послана в ГИХЛ и отвергнута редакторским отделом – именно так следует понимать предшествующую машинописи записку редактора: «Возвращаю Вам рукопись т. Марта, которую, по-моему, издавать не следует, т.к. она не имеет характера серьезного худ. произведения. Я задержал ее – т.к. она была прислана мне без моего согласия, и я вовсе не обязан читать в несколько дней все, что мне присылают, не спросив, могу ли я взять на себя чтение этой рукописи» [*Рассказы о Востоке...*, с. 1].

Датировка написания отдельных произведений сборника и их компоновки в художественное целое до конца не ясны. В саратовской ссылке, где Март находился в 1928–1929 гг., писатель в многочисленных письмах настоятельно интересовался у сына, нужны ли рассказы о Дальнем Востоке для публикации их в московских изданиях: «У меня к тебе дело: когда журнал выйдет, сходи в редакцию, спроси у редактора – скажи, папка спрашивает – нужно ли что-нибудь прислать по Дальнему Востоку и что именно и когда?» [*Гребенюкова 2019а, с. 133*].

Исторические события, описанные в былях и рассказах, относятся к событиям Китайской революции (1825–1927 гг.), движению 30 мая 1925 г. в Шанхае⁶²,

⁶² Неожиданный номер.

захвату КВЖД в середине 1929 г.⁶³. Тогда уже почти половина текстов, включенных в рукопись, была опубликована под теми же или иными названиями в вышеперечисленных сборниках и отдельно [*Март 1927a*]; [*Март-Матвеев 1928b*]; [*Март 1928*]; [*Март 1929a*]; [*Март 1929b*]; [*Март 1929c*]; [*Март 1934b*], в разных вариантах. Часть рассказов («Хун Чие-фу», «Красный плат китайки», «В японском мешке») были опубликованы писателем в «Сборнике рассказов» [*Март-Матвеев 1928b*]⁶⁴, были «Фудзянский кооператор Ван-Сы», рассказы «Прядильщица Лю-Чьен», «Кику» – в ленинградском журнале «Юный пролетарий» [*Март 1928*]; [*Март 1929b*]; [*Март 1929c*]. Что на самом деле стало причиной непринятия рукописи, большинство из рассказов которой все-таки увидели свет в других сборниках?

В данном исследовании мы обратили внимание на жанрово-тематическое, стилистическое своеобразие неопубликованного сборника, приемы, определяющие его художественно-этнографическую специфику. Это направление работы, возможно, поможет понять причину «неудачи» В. Марта.

Рукопись сборника В. Марта с обобщающим «восточным» названием включает шесть «былей» (две «китайских были», «маньчжурская быль», «корейская быль», «индийская быль», «японская быль») и шесть рассказов на китайскую тему.

Внешне рассказы и были объединены одной темой – противостояния простого народа стран Востока (китайцев, корейцев, индусов, японцев) социальному угнетению. Отдельные произведения, посвященные борьбе трудового народа широко понимаемого им Востока и восточных людей, уже были опубликованы им СССР [*Март-Матвеев 1928a*]. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. становятся эпохальными для национально-освободительных и антиколониальных движений

⁶³ Фудзянский кооператор Ван-Сы.

⁶⁴ Как указывает сам Март в рукописи сборника, рассказ «Хун Чие-фу» также «вошел в одну из советских хрестоматий “В стране свободного труда” под редакцией Гусева» [*Рассказы о Востоке...*, с. 90]. Возможно, писатель имеет ввиду это издание: [*Гусева, 1928*]. Рассказ «В японском мешке», как указывает писатель, «написан по документам, представленным автору ЦК Мопра СССР. Рассказ этот вошел в сборник ЦК Мопра СССР “Китай восстал”» [*Рассказы о Востоке...*, с. 91]. Возможно, писатель имеет ввиду это издание: [*Китай восстал... 1927*].

во всем мире (в Индии, Корее, и т.д.), потому Март расширяет диапазон своих сугубо дальневосточных этнографических интенций, его художественный интерес распространяется и на Юго-Восточную Азию.

«Былевая» жанровая заданность текстов тоже не случайна. *Быль*, как известно, – это рассказ о том, что «было», то есть о реальных событиях. Вроде бы, оно и понятно: Марту не только необходимо оправдывать свое амплуа «знатока Востока», но и следовать «генеральной линии», а она в это время нацелена на очерковость, фактографизм, злобу дня. Однако Март не был бы тем Мартом – «своим среди чужих, чужим среди своих», который в свое время «и от реалистов ушел, и от футуристов ушел», если бы он не использовал второе, фольклорное понимание жанра. *Быль* в фольклористике – это устный рассказ о событии, с *установкой* на правдоподобность излагаемого, лишенный авторства. По своей стилистике быль сближается с народными легендами, преданиями, сказами [Словарь 2006, с. 44]. Надо заметить – именно в эти годы отечественная фольклористика обращается к собиранию устной повествовательной прозы в разных регионах СССР [Легенды и были... 1940], в частности, рабочего фольклора [Народное творчество... 1948]; [Бирюков 1936]; [Бирюков 1949]; [Бирюков 1953]; [Песни и сказы... 1960]. В 1924 г. свои «Уральские были» [Бажов 1924] публикует П.П. Бажов, чуть позже появляются программные выступления исследователя этого жанра А.М. Соколова [Аникин 1986]. Неизвестно, насколько Март был сведущ в актуальных проблемах фольклористики, но очевидно, что он уловил общее веяние, к тому же, на наш взгляд, «былевая» форма дала писателю большие художественные возможности.

Структурный принцип былей Марта определяет *жанровая мимикрия*. Это некий «трехслойный пирог», форму которому задает былевой каркас. Развитию сюжета предпослана экспозиция (*зачин*), дающая предысторию изображаемых событий, например:

«Ван вернулся на родину.

Еще в 1915 году Ван с партией китайских рабочих покинул Китай, чтобы работать где-то далеко-далеко – в Архангельске на постройке Мурманской железной дороги.

Чего только не повидал в тех пор Ван на чужой земле. Железнодорожные работы на самом севере, рытье окопов во время войны на Западе, борьба с Колчаком на востоке.

Покинул СССР Ван в красноармейской шинели» («На живом теле Китая. Китайская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 23].

В остальных былях – маньчжурской «Фудзянский кооператор Ван-Сы», японской «Кику», корейской «В японском мешке» – предыстории более развернуты за счет пространных описаний и даже могут претендовать на самостоятельность как очерки. Но главное, что в каждом таком зачине автор четко обозначает свою идейно-политическую позицию: *«Тысячи, тысячи семейств миллионы безземельных бедняков ютятся на воде... И рождаются, и трудятся и умирают в плавучих фанзах /хатах/. Сколько младенцев вынянчил Ян-Цзы-Цзян и в лодках люльках, баюкая на своих волнах...»* («Через Ян-Цзы-цзян. Китайская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 55]; *«За чудовищной оградой фабричных труб разметалось предместье гигантского города. Сумрачные обитатели – рабочие и ремесленники – прозвали свое предместье – "крысиным скопищем". <...> Крысиное скопище служило поставщиком самого дешевого женского труда для английских фабрик»* («Яд за яд. Индийская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 42–43]; *«Деревня Мацу-Но-Яма гнездится в самом жерле остывшего вулкана на южном острове Киу-Сиу. <...> Весь день по колено в воде и в человеческих нечистотах, как часовых дел мастер над сложным механизмом, над каждой пядью земли трудится желтоликий землероб...»* («Кику. Японская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 82].

Данный структурный принцип позволяет Марту «под сурдинку» написать по той же схеме и некоторые рассказы («Прядильщица Лю-Чьен», «Человек с шариком. Китайский рассказ»). Поэтому в художественном целом сборника

были и рассказы резко не дифференцированы, и, хотя сборник назван «Рассказы...», «былевое» начало в нем доминирует.

Установка на достоверность, в первую очередь, действует в основной сюжетной линии, как и положено было жанру «рабочего» (а у Марта – и крестьянского) фольклора, – изображении борьбы трудового народа Востока, его стремления одержать победу над эксплуататорами, поработителями и колонизаторами (бывший красноармеец, китаец Ван понимает, что спасти его односельчан от навязанной японцами наркомании могут только революционные войска («На живом теле Китая»); «речные люди» помогают революционным китайским войскам («Через Ян-Цзы-Цзян»); заклинатель змей мстит своим обидчикам-англичанам («Яд за яд»), обезьянка отвешивает оплеуху сикху-жандарму («Неожиданный номер») и т.д.

Зло в новеллах рукописи по большей степени персонифицировано – это корейский лекарь-душегуб, по сговору с японцами обманом затянувший всю китайскую деревню в тяжкий морок морфинистской зависимости («На живом теле Китая»); белый офицер Намаконов и жирный китаец-купец Лю-Ханбин («Фудзянский кооператор Ван-сы»), спровоцировавшие убийство передового кооператора Ван-сы; полковник Перкинс, отдающий приказ отравить паралитическими газами демонстрантов-индусов, восставших против поработителей-колонизаторов («Яд за яд»), учитель Чжао-Лин, начетчик и наркоман, мучающий детей в школе, а потом становящийся предателем и карателем своих односельчан («Человек с шариком») и т.д. Однако Март может использовать и обобщенные образы «нанкинских контрреволюционных солдат», «ненавистных белых дьяволов» (англичан) и т.д.

Добро воплощено в образах героев-бессеребренников, патриотов, искренних радетелей за народное благо – бывшего красноармейца Вана, кооператора Ван-сы, факира Чаман-лала, рабочего Тина и мужественной прядильщицы Лю, хунхузианки Вы-и и т.д. Их помыслы – чисты, речи – плакатны. Так, герой китайской были «Через Ян-Цзи-Цзян» Тун-Чен говорит на митинге среди лодочников: *«...Вы почти все были крестьянами, владели крохами земли... Но долги и*

налоги пожрали эти крохи; **науки-помещики** вырвали у вас изо рта **последнюю горсть риса**. Из землевладельцев вы стали арендаторами, из арендаторов – **батраками**. И, наконец, вас вовсе вытеснили из земли, **вышвырнули на реку**... “Рыжие дьяволы” – **европейцы**, свои **мандарины, кулаки и генералы доконали вас...**» [Рассказы о Востоке..., с. 57–58].

Описания злодеев и героев носят лубочный характер. Собиратель А.А. Мисюрев писал о стилистическом своеобразии народной прозы былевого характера: «Преувеличенность и крайняя заостренность образов очевидны. Ведущая роль в художественных приемах принадлежит гиперболе: она определяет структуру образов и всего хода сюжетных положений. Все не совсем так, как оно было (или могло быть) – и все именно такое, ибо поэтическая фольклорная условность чрезвычайно способствует раскрытию души народа, его убеждений, дум и надежд. В устных новеллах трудовой народ совершает над эксплуататорами справедливый суд и выносит им приговор» [Сибирские сказы... 1959, с. 4].

При этом рассказы о Востоке читаются с большим интересом, тому способствует ряд «чисто-мартовских» содержательных и стилистических примет. Они определяют второй и третий вышеупомянутые слои повествовательной организации.

«Вдохнуть душу живу» в текст былевого социально-политического, пусть и «восточного», лубка помогает Марту именно художественная этнография [Забияко, Левченко, 2014b]. Восточные козыри Марта – доскональное знание бытовых традиций и национальных характеров японцев, китайцев, корейцев [Сибирские сказы... 1959, с. 4], образовательной системы Китая, историко-политических процессов, русско-китайского пиджина, личный опыт социальной адаптации в Харбине [Алымов 1923], собственные детализованные познания в опиумокурении, а также активный интерес к расширению собственного этнографического кругозора. Все это в прозе Марта конвертируются в запоминающиеся интродукции, яркие детали, придает еще более правдивый колорит изображаемому:

«В глазах рябит от пестрых красок, вертявых витрин...

Таков Фудзядянь, сосед “города Великих Могил” – Харбина, на могучей кормилице Маньчжурии – реке Сунгари.

Тысячелетия отражаются в облике города. Иногда на высоком шесте выше голов живых прохожих вынырнет волосатая мертвая человеческая голова с запекшимися кусками черной крови на шее. Это голова хунхуза-разбойника, казненного в назидание народу» («Фудзядзянский кооператор Ван-сы») [Рассказы о Востоке..., с. 29].

«Мяо-обезьянка – бьет в бубенцы, китайчонок Сяо барабанит в гонг и, как мухи на сласти, со всех сторон слетаются зрители-китайцы, падкие до всякого сборища.

Толпа нестройным кольцом окружает мальчика-акробата и его обезьянку.

Миг – и у Сяо в руках веревка с тяжелым <грузом> на конце, брошенным в толпу...

Китайчонок ловко описывает разрастающиеся<ся> круги веревкой по воздуху, и с каждым новым кругом кольцо зрителей пятится назад. Так китайчонок расчищает арену для уличного цирка» («Неожиданный номер») [Рассказы о Востоке..., с. 19].

«Далеко по ту сторону Голубой реки, на самом юге Поднебесной страны, там, где Жемчужная река впадает в море, родилась Лю-Чьен в плавучей фанзе – на лодке, в жалкой семье “речных людей”.

“Дочь – это только полсына”, – говорит китайская пословица. И горе в той фанзе, где мать разрешилась от бремени девочкой: некуда девать лишний рот.

Вот почему воды Жемчужной реки уносят на своих волнах немало трупиков девочек-младенцев. Досадная прибыль – девочка – в большой семье бедняков нередко с пеленок обречена на смерть...» («Прядильщица Лю-Чьен») [Рассказы о Востоке..., с. 63].

Как в ранее опубликованных сборниках, Март не скупится на разного рода комментарии – от лингвокультурных («фанза /хата», «в таянг-ване – курильне

опиума», «тучки <...> сампэнов-лодок-туфель», «Харбин – город Великих Мо-гил»), этнокультурных («чаще они захаживали вечерами друг к другу – выкурить трубку черного опиного дыма или выпить фунт-другой горячей гаоляновой водки с полсотней треугольников-пельменей» («Фудзянский кооператор...»)) [Рассказы о Востоке..., с. 31]; «На мизинцах обеих рук – большие ногти – винтами, под металлическими колпачками: не обломать. Большой, средний и указательный пальцы правой руки в постоянном движении: ими Чжао-лин вечно крутит маленький шарик. Отполированный, покрытый красным лаком шарик из мягкого дерева для Чжао-лина, что четки для даосского ламы-монаха на его усердных молениях» («Человек с шариком»)) [Рассказы о Востоке..., с. 71] до мифологических – упрощенных, в духе политпроса: «Отец похоронил мать, вложив в гроб мужские туфли, чтобы в будущем воплощении подруга его жестокой жизни родилась более достойным и счастливым существом, то есть мужчиной» («Прядильщица Лю-Чьен»)) [Рассказы о Востоке..., с. 63].

Казалось бы, в идеологически тенденциозных текстах этнографические детали выполняют, в первую очередь, орнаментальную функцию. Однако это не совсем так. Этнографические зарисовки в основной части рассказов сюжетно значимы. Они служат завязкой – в них содержится описание традиций, которые герои, как правило, должны решительно изжить: мальчик Сяо – перестать выступать с обезьянкой, чтобы заработать себе на жалкую порцию риса, ткачиха Лю Чьен – отринуть многовековые заветы, определяющие поведение китайской женщины, бывший красноармеец Ван – разорвать наркотические сети, раскинутые над его односельчанами англичанами, японцами и их корейскими прихвостнями и т.д.

Март выбирает наиболее яркие приметы традиционной жизни и быта народов Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии – «культурные коды», отвечающие за стереотипизацию образов восприятия восточной инокультуры. Благодаря им читатель должен понять, где и в каких этнокультурных координатах будет происходить действие, какую этносоциальную нишу в них занимает герой по-

вестования, каковы его ценностные установки. К примеру, в «китайском рассказе» «Человек с шариком» таким героем становится Чжао-лин – учитель в сельской китайской школе: *«Чжао – неудавшийся мандарин. Он сдал экзамен в клетке на первую ученую степень – “утонченной способности”, ревностно изучая древних классиков. Вторую степень “избранного человека” он достиг уже не ревностными занятиями, а денежным подкупом экзаменаторов. На третью ступень “будущего ученого” и тем более на последнюю – четвертую “члена Пекинской Академии” – у него не хватило ни знаний, ни денег. С дымом опиума рассеялась слава и карьера ученого...»*

И Чжао превратился в обычного в Китае странствующего учителя. Зная традицию страны, по которой всякий оседлый школьный учитель должен приютить и накормить бродячего собрата, Чжао жил за счет этой хлебной традиции; он из года в год существовал на шее бедных учителей, блуждая из деревни в деревню по необъятной провинции» [Рассказы о Востоке..., с. 72]⁶⁵.

Знаковыми мазками-деталью Март характеризует многовековую китайскую систему образования (кстати, сохранившуюся в своих концептуальных основах до нашего времени): *«Вся жизнь Чжао-лина вложена в бессчетные иероглифы – пестрящие знаки, начертанные десятки веков назад мудрым Конфуцием и его учениками <...> В школе учитель свято соблюдал древние традиции. Он никогда не улыбался в присутствии учеников и никогда не сказал ни одного ласкового слова ученику. Проявление радости добрых человеческих чувств, в*

⁶⁵ В тот период, о котором повествует В. Март, отношение в Китае к образу учителя меняется. Если в феодальный период учитель – это уважаемый человек, наставник, на которого ученики должны равняться, к мнению которого они прислушиваются, то в постфеодальном Китае учитель – это лишь выгодная профессия, в которую идут непригодные для этого люди, в надежде обрести бытовое благополучие. На это повлияли многочисленные события, произошедшие в предшествующий период в Китае: кризис Цинской монархии, последующее свержение маньчжурской династии Цин, массовые революционные восстания, движения и бунты, Хугуанский кризис, образовательная реформа начала 1890-х гг., Синьхайская революция. В литературе этот процесс нашел отражение в произведениях китайских писателей первой половины XX в. – например, в повести «Мистер Пан в трудные времена» (1924) и рассказе «Директор школы» (1924) Е Шэнтао. Нам неизвестно читал ли эти произведения Венедикт Март, но в собственном китайском рассказе эта тенденция писателем четко прослеживается [Землянская, 2025b].

присутствии учеников, считалось недопустимым для учителя: такая "слабость" нарушила бы обычаи старого времени» [Рассказы о Востоке..., с. 73]. Очевидно, что Марту абсолютно не импонирует косная, лишенная нового знания, свежего воздуха, атмосфера китайской школы.

Напротив, Чжао-лину только такая жизнь и кажется приемлемой: *«За продолговатыми небольшими столами на высоких стульях в неудобных позах весь день сутулились дети. И перед ними всегда на одном и том же месте, за особым столом, сидел Чжао-Лин <...> С 8-ми летнего возраста учитель пичкал ребят скучными, непонятными им иероглифами древнего "Троеслова"»⁶⁶.*

– *"Люди рождаются на свет с доброй душой", – начинал ребенок, не зная смысла слов, а изучая их лишь начертание и произношение. Дети должны были знать наизусть догмы философов, непонятные взрослым...*

Во время занятий школа представляла шумный рой человеческих существ. Все до одного школьники вслух, нараспев, разными голосами жужжали иероглифы, вызубривая мертвые уроки...» [Рассказы о Востоке..., с. 73–74].

Нет ничего удивительного в том, что тематически большинство рассказов сборника – «китайские»: здесь Март «у себя дома», к тому же большая часть этих рассказов была написана им ранее. Его интересуют базовая основа традиционной картины мира китайцев – переходная обрядность. В рассказе «Хун Чиэ-фу» – это похоронная традиция и культ предков: главный герой старик Хун Чиэ-фу уже три года носит траур по казненному сыну: *«он нацепил белую шишечку на шляпу и надел белые туфли»* [Рассказы о Востоке..., с. 1]. Герой рассуждает о смерти как о единственной желанной последней встрече *«на осиротелом тупике его жизни»* [Рассказы о Востоке..., с. 1]. В сюжетной основе рассказа «Красный плат китаянки. Китайская быль» – свадебные, семейно-бытовые традиции. Март отмечает многовековые устои семейной обрядности: ранний возраст девочек при

⁶⁶ Троеслов (Троесловие) – «Саныцыцзин» дословно переводится как «Канон трёх иероглифов», каждая строчка в нём состоит из трёх иероглифов; был написан более 700 лет назад, во времена династии Южная Сун (1127–1229 гг.) Точных данных о его авторе нет. Книга содержит в себе базовые знания о временах года, астрономии, этике, добродетели, истории, философии, человеческих качествах и взаимоотношениях и считается детской классикой Китая.

вступлении в брак (*«Только когда стала невестой, в тринадцать лет, Вы-и в первый раз за всю свою жизнь была вполне сыта»* [Рассказы о Востоке..., с. 8]), традицию покупки жены (*«родители продали Вы-и за пятьдесят даянов (серебряных рублей) в жены дальнему южанину»* [Рассказы о Востоке..., с. 8]). Но революционно настроенный герой отказывается от правил, регламентирующих знакомство жениха и невесты только в день свадьбы, а также ограничивающих контакты жены с внешним миром: *«Против обычаев страны, Тянь вовсе не запер жену от людей, а, напротив, разрешал ей ходить одной по городу и по-прежнему швейничать»* [Рассказы о Востоке..., с. 9].

Одним из характерных приемов художественной этнографии Марта советского периода становится про-революционная трансформация традиционных мифологических сюжетов. Усечение сюжета, его новая интерпретация, транспозиция представлений о священном на новые мифологемы, контаминация разных мифологических сюжетов обнаруживается практически во всех этнографических текстах Марта той поры (*«Дэрэ – водяная свадьба»* [Землянская 2020с], *«Речные люди»* [Забияко 2016b, с. 307]). В *«Красном платке китайки»* таким революционным образом «эксплуатируется» легенда о небесной ткачихе Чжи-ньюй и ее возлюбленном, волопасе Нью-лане [Юань Кэ 1987, с. 108–110]. В комментариях к рассказу Март выносит легенду о происхождении национального праздника пряльщиц седьмого числа седьмой луны [Ци Ляньсю, Сяо Ли, 1992], укорачивая народную легенду и оставляя лишь те структурные ее элементы, что соотносятся с событиями рассказа. Март акцентирует «эксплуататорскую» подоплеку несчастий Чжи-ньюй. Астрологический миф о супружеской верности небесной феи и земного мужчины соотносится с любовной историей главной героини – пламенной революционерки.

Романтический эпизод вышивания Вы-и на красном «революционном» платке клятв отщепенца за жизнь своего любимого мужа Тянь-ши-нэ соотносится с известным литературным сюжетом. «Красный плат» уподоблен легендарному парчовому платку известной китайской поэтессы Су Жолань (IV в. н.э.), на котором та вышила поэму из 841 иероглифа в виде палиндрома [Сычев 2005]: «Су-

Жолань – жена китайского героя Доу-Тоу, сосланного в бесплодную монгольскую пустыню. Тоскуя по мужу, она выткала стихи с жалобой на судьбу и послала их мужу» [Рассказы о Востоке..., с. 10]. Красивая любовная история, которая должна была вписать трагедию Вы-и в общекультурный китайский контекст, также востребована Мартом лишь частично – исключительно в ее антиэксплуататорской части. Знаменитая поэма Су-Жолань – это укор неверному мужу в оригинальной поэтической форме. Март опускает ту ее часть, где герой, простой чиновник, по долгу службы уезжает в далекую провинцию и нарушает верность своей супруге.

Наряду с мифологическими и литературными аллюзиями, писатель обыгрывает свое былевое повествование, усиливая тем самым эффект этнографической достоверности. В комментарии к «Красному плату...» Март указывает: «У китайцев много бродячих профессий. Представитель каждой профессии имеет свой специфический звучащий предмет или мелодию, выкрик <...> Вы-и, по примеру городских бродячих швеек, завела особый жестяной инструмент, возвещающий быстрым ножничным лязгом о ее профессии» [Рассказы о Востоке..., с. 9].

В рассказе «Через Ян-Цзы-Цзян. Китайская быль» этнографический колорит Марту обеспечивает подробное описание процесса рыболовного промысла на юге Китая [Рассказы о Востоке..., с. 55] – древнейший китайский способ ловли рыбы на баклана (鸬鹚) [刘自兵] [В.Ж. 1940]; [Лю Цзыбинь 2012], для лучшего понимания советским читателем именуемого *кормораном* (cormoran – фр., нем.).

Номинация «корморан» для наименования баклана в Китае не используется. Она происходит от немецкого и французского языков – cormoran. Возможно, на выбор писателя в сторону этой номинации повлияла одна из выставок китайского искусства, организованная в СССР в начале 1930-х гг., где экспонировалась картина Чжан Шуци, переведенная для советского зрителя, как «Корморан» [Дзя 2017].

Март очень подробно воспроизводит ловлю рыбы с кормораном: *«По хриплому вскрику хозяина умная птица, как камень, ныряет в воду... Минута, корморан под бортом, его зоб битком набит рыбой. Еще живая рыба бьется под клювом, и птица, точно боясь упустить добычу, вскидывает безобразную голову вверх. Всю рыбу отбирают хищные люди, недоволен корморан»* [Рассказы о Востоке..., с. 55]. В начале 1920-х гг., когда писателю довелось побывать в Китае, этот вид ловли был еще распространен. Возможно, писателю довелось увидеть этот традиционный китайский промысел. В конце 1930-х гг. этот вид промысла в большей мере стал ориентирован на туристов. Его присутствие и осмысление в художественном тексте призвано было показать читателю преемственность традиционного и революционного Китая. Именно рыбаки Ян-Цзы-Цзяна смогли переломить ситуацию с нанкинской контрреволюцией; именно благодаря им *«на утренней заре Красная Армия, как из-под земли выросла за спинами ошеломленных врагов»* [Рассказы о Востоке..., с. 61].

Сюжет рассказа «Дракон комсомольца Ли-Хуна» отталкивается от традиции встречи китайского Нового года, самого любимого и самого древнего семейного праздника. Писатель подробно описывает ритуальные действия, сопровождающие многодневный праздник. Вершиной празднования становится шествие по улицам города дракона, который в рассказе выполняет роль троянского коня: под масками и звериными шкурами скрываются революционеры, в финале рассказа безжалостно расправляющиеся с *«вечными врагами китайского народа»* [Рассказы о Востоке..., с. 18]. Март контаминирует расхожий гомеровский сюжет с китайской живой мифологией. Помимо этого, он транспонирует исконно китайские древние мифологические смыслы на современные реалии: традиционный красный цвет лент соотносится с набирающим силу коммунистическим движением, стрекот пулемета – с треском хлопушек, отгоняющих злых духов, которые в рассказе персонифицированы в чиновников и солдат, укрывшихся в Яо-Мыне. Таким образом, обращенный на самом деле в глубокую древность китайский Праздник Весны (春節) по воле Марта знаменует начало нового времени,

возвещает коренную революционную ломку старой жизни и одновременно вписывается в широкий культурный и литературный контекст.

Традициям Кореи, Японии и Индии в сборнике уделено по одному рассказу. В рассказе «В японском мешке. Корейская быль»⁶⁷ писатель берет за основу традицию встречи нового дня в «Стране утреннего покоя» [*Рассказы о Востоке...*, с. 35], встраивая в художественное полотно рассказа многочисленные корейские образы-символы (например, образ сороки как птицы, приносящей хорошие вести). В рассказе «Кику» он переосмысляет японские кастовые традиции и их связь с обрядами перехода (в частности, принцип «трех покорностей» японской девушки – до замужества она должна быть покорной отцу). Именно от этой традиции и отказывается юная героиня, хотя сюжет представляется не реализованным до конца. Заметно, что автор не владел свободно актуальной информацией, потому сюжетики рассказов не увлекает и сегодняшнего читателя.

Не будучи специалистом в индийской теме, недостаток научных знаний в повествовании «Яд за яд. Индийская быль» Март компенсирует огромной эрудицией, писательским чутьем и пониманием задач соцзаказа. Благо – проверить его было практически некому. В эти годы, вплоть до 1947 г., индийская тема для советского читателя была практически *terra incognita*: «Основным источником сведений о Британской колонии – Британской Индии были небольшие книжки-брошюры из серий «Библиотека рабочей молодежи» (1925), «Революционное движение в странах капитала» (1928, 1930), «Классы, партии и союзы молодежи мира» (1930)» [*Сапанжа 2018*, с. 23]. Исследователи обращают внимание на расхожий пассаж, открывающий рассказы об Индии 1920–1930-х гг.: «Индия. Страна чудес. Страна сказочных богатств и неведомых тайн. Родина факиров и йогов. Лучшая жемчужина в короне его величества короля Великобритании и короля Индии. Страна, где царствует и грабит капитал... Самая бедная страна в мире, где голодает 25 % населения, где за один 1918 г. умерло от голода

⁶⁷ В материалах архива Н.Н. Матвеева-Бодрого хранится вырезка журнальной публикации этого рассказа в более ранней редакции: Март В. Последняя мечта Чон-Чун Чина: очерк [Матвеев (Март), с. 25–26].

и болезней 15 миллионов человек, а средняя продолжительность жизни индийца не превышает 23 лет» [Штейнберг 1925, с. 1]. Кроме кратких сведений географического, политического, экономического характера, в подобных брошюрах, предназначенных политработникам, неизменно высказывалась уверенность в коммунистическом будущем Индии [Бартенев 1928], созданном массами «эксплуатируемых рабочих, крестьян и угнетенных париев, которые стремятся сейчас, помимо всех кастовых и иных перегородок, установить союз борьбы с революционным пролетариатом всего мира» [Штейнберг 1925, с. 70]. Основная идея этих изданий – грядущая победа революционного и антиколониального движения в Индии: «рабоче-крестьянская масса пришла в мощное движение. Уже задрожали устои британского владычества в Индии. Великая борьба продолжается. Решающие революционные бои – еще впереди» [Штейнберг 1925]; [Бартенев 1928]; [Али 1930]; [Кочарьянц 1930]. Этому способствует и комментарий писателя о чутком интересе индусов к событиям в СССР («В Индии даже темная масса с жадностью ловит каждую весть о свободной стране Советов» [Рассказы о Востоке..., с. 44]), а также отсылка к газетной публикации о рядовых событиях в советском сельском хозяйстве («Видимо, газетное сообщение о разрешении животноводческой проблемы, о создании животноводческих совхозов, переломилось в сознании темного змеелова, как создание государственных пастищ священных коров» [Рассказы о Востоке..., с. 44]).

Однако В. Март мог прочитать о змеином промысле и традициях заклинанья змей в многократно переиздававшейся до революции и в советскую пору «Жизни животных» А. Брэма [Брэм 1911–1916], в рассказах Н. Карпова [Карпов 1913]. Кроме того – в номере журнала «Всемирный следопыт», где Март опубликовал свой этнографический триллер «За голубым трепангом» (1928, № 3), не только обложка представляла собой красочное изображение факира со змеей – в журнале был представлен мини-цикл «змеиных историй» Шелланда Брэдли «Заклинатель змей» и «Индусские змееловы».

Однако Март – не повторяется. Он представляет читателю подробную кастовую классификацию людей, *«профессии которых связаны с ловлей и заклинанием змей»* [Рассказы о Востоке..., с. 44], к одной из которых жители индийского предместья – «крысиного скопища» – пытаются отнести главного героя рассказа Чаман-Лала: «бедийахи», «мала», «модари», «тубри-валахи». Современные источники по индийским традициям не дают столь многочисленную классификацию каст заклинателей змей [Ольденбург 1991]; [Гусева 2002]. Март подчеркивает потомственный характер этой опасной профессии: *«Тысячелетия из рода в род “мастера змеиного цеха” передавали друг другу вековые навыки и тайны общения с ядовитыми гадами»* [Рассказы о Востоке..., с. 44]. Вместе с сыном Джоши Чаман-Лал ловит змей в дикой местности: *«Иногда отец с сыном надолго покидали Крысиное скопище и уходили в леса, в болота, в джунгли – охотиться за змеями <...> И всюду отец и сын ползали по земле, принохивались, выслеживали, шарили в глухой листве, в путанных травах, нагроможденных друг на друга камнях»* [Рассказы о Востоке..., с. 46]. Для убедительности в этнографической состоятельности описываемого Март подробнейшим образом перечисляет те виды змей, подходящих для работы заклинателя: *«Корзины до полна кишели светло-шоколадными виперами, юркими змеями-крысами, зелеными древесными змеями и самыми разнообразными очкастыми “тиинтанегу”. Здесь были и совершенно черные, и желто-оранжевые, и бледно-коричневые, и отливающие всеми цветами радуги, перламутровые, пятнистые кобры»* [Рассказы о Востоке..., с. 47].

Март подробнейшим образом воссоздает этапы подготовки змеелова и заклинателя; читатель узнает о материалах ловли и правилах поведения змееловов: *«Время от времени пронырливые змееловы останавливались, переговаривались почему-то жестикующей рук и мимикой лиц, без звука и приступали к своему искусному лову. <...> Чаман с сыном расстилали, укрепляли сети, – поджигали вокруг сухие, трескучие на огне растения и неминуемо загоняли змей огнем и дымом в расставленные сети <...> быстрое и ловкое движение обстружанной*

палки, раздвоенной в виде остроконечной вилки на конце, и пресмыкающееся оказывалось в плену у испытанного змеелова <...> под плетеной крышкой широкой корзины» [Рассказы о Востоке..., с. 46–47].

При этом автор снова использует прием мифологической транспозиции, поражающий воображение читателя и убеждающий в предопределенности коммунистического выбора индусом-заклинателем – герой рассказа Чаман-Лал *«принадлежал к новому жуткому тайному ордену целующихся змей. На его дудочке, которой он вызванивал змей из гнезд, был начертан странный знак: – крест-накрест серп и молот в ореоле-кружке перевившихся целующихся змей; внизу хвосты змей упирались в священный цветок индусов – лотос»* [Рассказы о Востоке..., с. 44].

Само же описание танца змей в рассказе носит клишированный характер: Чаман-Лал *«расстилал циновочный ковер, вынимал из-за пазухи свистящую “волшебную” дудочку и принимался за свое любимое занятие. Заклинатель змей наигрывал в дудочку монотонные жалобные мелодии: змеи выползали из корзин, вытягивались на спирально свитых хвостах, извивались и точно плясали гибкими телами в такт мелодии»* [Рассказы о Востоке..., с. 50]. В финале рассказа змеи становятся орудием мести, адресованной мистеру Перкинсу. В подобной развязке Март, с одной стороны, грешит против этнографических и натуралистических фактов – как известно, миролюбивому характеру индусов претит склонность к убийству, тем более, столь изощренному. Кроме того, сами змеи, как правило, не трогают человека, если тот не ведет себя агрессивно. Однако тем же индусам присуща вера в то, что змеи кусают лишь тех, кто нарушает религиозные традиции и нравственные установки. И здесь английский чиновник Перкинс – самый подходящий объект.

Сравнивая художественное наполнение рассказов рукописи, легко заметить, что наименее правдоподобной и «живой», как ни странно, получилась у Марта «маньчжурская быль», а наиболее красочной и захватывающей – «индийская». Казалось бы, почему? Здесь, на наш взгляд, сработала логика «любви к

дальнему». В Индии Март не побывал. А вот в Маньчжурии – пожил, и, как известно, это был для Марта не радужный опыт. После вольного, божьего, родного Владивостока писатель оказался в Харбине, только-только принявшем огромную массу бывших белопоходников и их семей, городе, который только осознал себя – эмигрантским, городе, где надо было выживать и зарабатывать на кусок хлеба. Воспоминания об этом были горькими. К тому же в ситуации резкого обострения политических отношений СССР и Китая после 1929 г. Марту необходимо было как можно более убедительно откrestиться от своего харбинского прошлого и акцентировать свою классовую лояльность. Потому герои «Маньчжурской были», представляющие «мировую буржуазию и их прихвостней» – белогвардейский офицер Намаконов, жирный купец Лю-Ханбин – столь ходульны и не интересны, харбинский (фудзянский) быт – убог и нелицеприятен: *«Из щелей прокопченных домов выстилается пар пельменей и дурманный дым черного опиума; от походных печей – жестяных банок – выползают удушливые запахи жареной, пареной снеди, трещащего на сковородках касторового и бобрового масла, чеснока, вертявых витрин...»* («Фудзянский кооператор Ван-Сы. Маньчжурская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 29].

Третий уровень мартовской художественной этнографии обнаруживается на уровне металитературной и метастилевой рецепции. Писатель потрафляет не только вкусу среднего советского читателя – он постоянно декларирует свою встроенность в новую социалистическую эстетику и идейную направленность советской литературы. Помимо подчеркиваемой самоидентификации своих текстов с актуальным жанром *были*, Март соотносит их с прозой Б. Пильняка (абзацная ритмизация, постоянное использование тире, ономатопеи), А. Серафимовича (описания движения революционных масс), с «обличительной» (по тем временам) прозой Чехова («Человек с шариком»). Включая эти культурные коды, писатель словно сигнализирует: я свой, я с вами, мои тексты – плоть от плоти русской словесности в ее новом, социалистическом, изводе.

К сожалению, ни эти послы, ни авторские окказиональные узоры, ни интереснейшие этнографические и историко-политические подробности не помогли сборнику «Рассказы о Востоке». Безусловно, не все его рассказы равнозначны в художественном отношении. К тому же машинописный текст – далеко не вычитан, содержит множество пунктуационных и орфографических ляпов. Но причина не-публикации рукописи, очевидно, – не в этом. Как ни старался Март следовать социально-политической и литературной конъюнктуре, он все же до конца остался Мартом – сыном народника и краеведа с большой буквы Н. Амурского, писателем, чье кредо определялось неподдельной любовью и сочувствием к жизни простого человека.

А реальность была такова, что к 1932 г. китайская революция захлебнулась, повсюду наступала японская оккупация Маньчжурии, и в целом – утопические планы СССР и Коминтерна на скорую революцию в восточной Азии потерпели фиаско. Потому финалы в «Рассказах о Востоке» В. Марта по большей части – пессимистичны и исполнены трагического пафоса: *«Ван-Сы отлично вспомнил, как русский “капитан”, набрав горсть риса, просеивал его между пальцами... Понял что-то... но в этот момент блеснула кривая казацкая сабля и голова Ван-Сы – первого Фудзяньского кооператива – легла на окровавленный прилавок, а тело неловко и неслышно упало на мешок с рисом»* («Фудзяньский кооператор Ван-Сы. Маньчжурская быль») [Рассказы о Востоке..., с. 34].

Особенно страшен финал предпоследнего рассказа – «Человек с шариком», описывающий события, наступившие после «уханьского предательства»⁶⁸: *«Заключив религиозную проповедь, Чжао-лин отдал боевой приказ: ворваться в*

⁶⁸ Речь идет о событиях 7 апреля 1927 г., когда в Ухане состоялся V всекитайский съезд КПК, в его работе приняли участие Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай. На съезде был и М.М. Бородин, представитель Коминтерна, оказавшийся в центре событий. Он держал связь с КПК и пытался в то же время воздействовать на поведение гоминьдановских генералов, командовавших войсками уханьского гоминьдановского правительства, влиять на Ван Цзинвэя. Уханьские лидеры апеллировали к милитаристу Фэн Юйсяну, но состоявшиеся в начале июня 1927 г. секретные переговоры с ним ничего не дали. 21 июня Фэн заявил о переходе в стан Чан Кайши. Выходец из зажиточной крестьянской семьи, Фэн Юйсян принял христианство, его армия так и называлась – христианской. В частях армии проходили богослужения, ис-

Нин-Бао, окружить школу, поймать человека с переломанной ногой и насадить его голову на пику.

– Так повелевают Духи усопших великих учителей и Конфуция, – закончил Чжао-лин, благословляя змеевидными руками отряд тайным знаком ордена.

И отряд тотчас же тронулся в путь оросительными канавами рисовых полей» [Рассказы о Востоке..., с. 80].

На листах рукописи «Рассказов о Востоке» указан адрес автора: «г. Киев, Львовская улица, дом № 33, кв. 19, В.Н. Матвееву». Таким образом, рукопись была передана в издательство не ранее 1932 г. и это многое объясняет.

Фактографизм и установка на достоверность как раз и стали ахиллесовой пятой Марта. События, описываемые Мартом в «Рассказах о Востоке», стали свидетельствовать об определенных неудачах коммунистического движения и советской дипломатии. А над самим писателем уже начинают сгущаться тучи как над «японским шпионом» и «белогвардейским пособником», за что в 1937 г. он будет арестован и после скорого суда расстрелян.

Таким образом, объединяющим началом сборника В. Марта «Рассказы о Востоке» служит его «былевая» установка. При всем многообразии малой прозы Марта, опубликованной им в советский период, под обложкой сборника «Рассказы о Востоке» писатель соединил вариации ряда уже напечатанных им произведений, включив ряд абсолютно новых рассказов на восточную тематику. При написании этих рассказов он использует все те же типологические приемы, которые использовал в прошлом: соединит и переосмыслит китайские мифологические сюжеты, часто усекая их, выделяя в традиционном сюжете нужный ему смысл, соотносимый с революционной китайской действительностью того времени. Часто будет использовать прием транспозиции восточных деталей на советскую действительность. Публиковать сборник в начале 1930-х гг. у Марта не получилось, рукопись осталась неопубликованной и донныне. Рассказы и были,

полнялись церковные гимны. Жена Фэна была секретарем Пекинского союза молодых христиан. Доходило до того, что генералы Фэна копировали библейские примеры, применяли их в военной практике [Jacobs 1981, с. 271].

входящие в сборник, стали анахронизмом для тогдашней ситуации в советско-китайских отношениях. Произведения Марта открыто показывали ошибки, допущенные советскими властями в попытке помочь Китаю в его внутривосточных проблемах и революционной борьбе.

3.3 Обращение к традициям малых народов СССР в художественной этнографии В. Марта

В 1932 г. в Киеве Венедикт Март опубликовал рассказ из жизни гольдов⁶⁹ «Дэрэ – водяная свадьба» [Март 1932]. Публикация рассказа прилась на ту пору, когда советское правительство начало реализовывать политику правового равноправия в отношении малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и советского населения [Агаларханова 2013]. В тот период писатель был близок к «литературе факта», представители которой уловили «величайшую потребность нашего времени и первые попытались уложить носившуюся в воздухе идею в несколько простых и, может быть, отпугивающих этой простотой положений отрицающих вымысел» [Литература 1929, с. 9]. Этот период в русской литературе характеризуется особым интересом писателей к жизни малочисленных народов Дальнего Востока. На Дальнем Востоке этой темой вплотную занимался В.К. Арсеньев, в 1923 г. издавший книгу о своих путешествиях по Уссурийскому краю «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году».

В своих письмах к брату Н.Н. Матвееву-Бодрому Венедикт Март об этом повороте от восточной темы к сугубо краеведческой пишет, что *«в области художественной литературы и рассказа сегодня ударился в краеведческие темы. Мой прелестный рассказ “Дэрэ – водяная свадьба” – из жизни гольдов... <...> Полно бытописаний, рассказ занятный и стоящий. В связи с краеведческим своим литературным уклоном много работаю по изучению Дальневосточного*

⁶⁹ До 1930-х гг. в этнографической научной литературе и административных документах для обозначения нанайцев употреблялся этноним «гольды» [История 2003, с. 4].

края, окружил себя соответствующей литературой, вырезками. Нашел новый источник в самом Киеве: здесь в Киеве живет В.Е. Глуздовский⁷⁰, с которым нахожусь в дружбе; у него хорошие книжки по Дальневосточному краю и исключительные знания в этой области»⁷¹.

Из всего многообразия исконных народностей Дальнего Востока писатель выбирает для художественного анализа именно быт и традиции гольдов (нанайцев). Вероятно, здесь сыграла свою роль возможность писателю познакомиться с трудами ученых-этнографов, хранящихся в библиотеке В.Е. Глуздовского. К тому времени исследования И.А. Лопатина и П.П. Шимкевича были самыми полными, энциклопедически разносторонними среди исследований о малочисленных народах Дальнего Востока.

В XIX – начале XX вв. нанайцы представляли одну из самых крупных тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока России. Они населяли среднюю часть Амура, долины рек Уссури, Сунгари, Тунгуски, Кура, Урми. Нанайские поселения были расположены по берегам озер Болони, Петропавловского, Синдинского и др. Пристальное изучение традиций, обычаев и религиозных представлений нанайцев шло с середины XIX в. [Землянская 2020b]. Несмотря на многочисленный этнографический материал, собранный учеными XIX в. [Брылкин 1864]; [Ельницкий 1895, с. 56–60]; [Шренк 1883]; [Шренк 1899]; [Шренк 1903]; [Шимкевич 1896]; [Шимкевич 1897a]; [Шимкевич 1897b], исследование бытовой и обрядовой деятельности гольдов привлекало внимание новых поколений исследователей [Лопатин 1922, с. 5–7]⁷². Накопленный этнографический материал позволил ученым провести сравнительно-типологический анализ обрядовых практик различных малочисленных народов Дальнего Востока [Золотарёв

⁷⁰ Глуздовский Василий Ефимович (1877–1934) – краевед, педагог. В начале XX в. проживал во Владивостоке, работал консерватором в музее Общества изучения Амурского края. Участник многочисленных экспедиций по Амуру, Сахалину и Забайкалью. Автор учебников по географии Дальнего Востока. С 1926 г. проживал в Киеве.

⁷¹ Письмо Венедикта Марта брату Н.Н. Матвееву-Бодрому от 16.05.1931 г. [Переписка Матвеева..., с. 44].

⁷² И.А. Лопатин считает, что все же в XIX в. ученые недостаточно исследовали этот народ, отмечает только вклад П.П. Шимкевича в вопросе изучения верований гольдов.

1939, с. 54–73], а писателям – отразить обрядовую практику и особенности мировоззрения аборигенных народов в своем художественном творчестве [Васильев 1930]; [Васильев 1931]; [Фадеев 1957]; [Фрейберг 1963]; [Федосеев 1989]. Венедикт Март не был ученым-этнографом, но интерес к народам, проживающим на Дальнем Востоке, в его творческой деятельности занимал первостепенную роль [Забияко, Левченко, 2014b]; [Забияко 2015b]; [Забияко 2016b].

В центре рассказа Марта – переходная обрядность гольдов. Повествователь обращает внимание на мельчайшие детали экзотических, с точки зрения европейского сознания, обрядов и бытовых практик гольдов.

В зачине рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» читатель узнает, что в родное поселение вернулся бывший бедняк – гольд Амба, который из-за любви к раскозой, скуластой, синеволосой *гильдячке* [так у В. Марта. – К.З.] Джябже-Змее совершает многолетний поход по Амуру, Сахалину и Камчатке, приносящий ему богатство: «*меха, редкостные вещи в мешках из оленьей кожи, блестящие безделушки, спирт, два чугунных котла, китайский шелк...*» [Март 1932, с. 4], которое он в качестве тори⁷³ должен отдать жадному отцу любимой девушки, чтобы сыграть с ней свадьбу. За время отсутствия Амбы его невесту уже продали старому безносому шаману Фолдо-Дыре, и уже скоро все будут праздновать финальный этап свадебной церемонии – дэрэ.

Для советского читателя совсем незнакомого с бытом и традициями коренных народов Дальнего Востока, не имевшего возможности взаимодействовать с ними в повседневной жизни, гольды представлялись чем-то далеким, неведомым. Венедикт Март, чутко чувствующий своего потенциального демократического читателя, понимал, что для повествования о гольдах нужно подобрать соответствующую этому содержанию форму. Такой формой, на наш взгляд, стала продуктивная структурная модель русской народной волшебной сказки в современном ему историческом ключе. К тому времени уже издана фундаментальный труд В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» (1928). У нас нет сведений о

⁷³ Тори – калым, выкуп за невесту, которая у гольдов продается в жены за определенную сумму или за обусловленные вещи.

том, читал ли Март это исследование, но его пристальное внимание к современной ему науке указывает на возможное знакомство писателя с этой работой.

Март выбирает форму сказки, так как она очень органично воспринимается простым советским читателем. Архетипические основы сказки, ее фольклорное начало импонирует человеческому сознанию, потому и становится проводником художественности этнографического материала. В рассказе Март сохранил структуру и образную систему сказки. Есть смелый решительный молодой герой; есть красивая молодая влюбленная героиня, есть колдун, он же шаман. А самый обыденный для советской действительности предмет становится в описываемой ситуации волшебным – лодочный мотор уносит в счастливое будущее влюбленных героев от их врага. У читателей 1920–1930-х гг. образ шамана еще ассоциировался с колдуном – страшным человеком, сходным со сказочным Кощеем Бессмертным. Шаман хочет похитить невесту героя, а сам герой, пройдя ряд испытаний, в том числе соприкасаясь с потусторонним миром (=путешествуя в иной мир), спасает свою возлюбленную из плена шамана. Март строго не следует схематическому построению композиции сказки, для него важно соблюсти черты сказки, которые будут верно «прочитываться» его читателем: яркое противопоставление героя, пострадавшего от действий вредителя, и самого вредителя, сила чувств главного героя к героине, верность помощников и дарителей, вера героя в свои силы, сила волшебного предмета, дарованного советской действительностью, счастливый финал в русле советской идеологии. Март находит очень ловкую художественную форму сказки для своего, по сути, пролеткультовского очерка о переходной обрядности гольдов. Эта «форма» находит выражение в сухом очерковом языке писателя.

В рассказе Марта четко прописаны функции действующих лиц, которые использует писатель для построения своего «сказочного» рассказа: отлучка героя и его возвращение + усиленная отлучка (смерть родителей) становятся начальным фактором движения сюжета. Антагонист героя (вредитель) хочет жениться на невесте Амбы, он выманивает жертву и планирует насильственное су-

пружество. Это «сказка» не об искателе, а о пострадавшем герое, который с помощью дарителя и пройденных испытаний побеждает антагониста и спасается от преследования с помощью волшебного предмета. Герой нарушает запрет и тем самым выходит за пределы вековых традиций, а все действие заканчивается свадьбой.

В сказке для героя беда наступает внезапно, потому начальная ситуация обычно дается в благополучном ключе, у героя все хорошо, у него все есть. Так, в начальной ситуации рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» Амба возвращается в селение очень богатым, с точки зрения гольдов: *«На дне улемагды – богатство Амбы: меха, редкостные вещи в мешках из оленьей кожи, блестящие безделушки, спирт, два чугунных котла, китайский шелк – “чечутча” и невиданные у туземцев две костяные щеточки и продолговатые жестяные тюбики с белой ароматной массой, которая извиваясь жирным червем выползает в узкую щель, если надавить легонько тюбик»* [Март 1932, с. 4]. Как пишет В.Я. Пропп, такое благополучие служит «контрастным фоном для последующей беды» [Пропп 2021, с. 68]. О трагических событиях в жизни герой узнает от осведомителей, в рассказе их двое – старец Еода-Шумящий и друг детства Амбы Бямби-Боб.

В качестве атрибутов героя, которые ярко выделены автором, будут выступать его имя (Амба – тигр) и особенности появления в селении (Амба приехал на улемагде). Атрибутами антагониста Амбы – старого шамана Фолдо-Дыры – будут, соответственно, его привилегированное положение в селении (он шаман) и его богатство, которое позволило ему свататься к молодой красавице Джябже.

Если рассмотреть рассказ схематично, то функции действующих лиц в нем будут выглядеть следующим образом:

Плывет Амба в быстрой улемагде, смотрит на зеленый пир природы, а мысли его во- круг красавицы невесты	Начальная ситуация (i) Отлучка главного героя (e) Возвращение героя ↓
--	---

Старик так же безразлично, неторопливо, в растяжку продолжал говорить обо всем, что касалось Амба и его рода...

Джябжя продана старому безносому шаману... На днях будет – дэрэ
...старый шаман Фолдо-Дыра, привез пять бутылок спирта и, напоив всю родню Челоки, получил согласие отца – отдать Джябжя

Всех от мала до велика напоил богатый Фолдо-Дыра

Джябжя продана старому безносому шаману...

Отец продал 17-ти-летнюю дочь 68-милетнему шаману за 20 червонцев деньгами, 2 чугунных котла, 2 китайских халата, 3 куска мануфактуры и 5 банок контрабандного спирта...

– Только она одна осталась у меня на всем свете – невеста моя, с которой я посватан еще мальчиком 7-ми лет... А ей тогда было 5 лет...

И мы тебе в этом поможем, – воскликнул Бямби-Боб <...> Молодые гольды с увлечением совещались вечером: как бы помочь Амба отбить невесту у шамана.

Беда сообщается (B^4)

Усиленная форма отлучки – смерть родителей (e^2)

Беда сообщается (B^4)

Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею (z)

Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб (выманивание жертвы) (A^8)
(насильственное супружество) (A^{16})

Одному из членов семьи хочется иметь что-то (рационализированная форма) (a^5)

Герой обретает помощника. Даритель приветствует и выпрашивает героя (D^2)

Никому не отдам Джябжу. Убью старого колдуна, а не отдам Джябжу... Джябжа будет моей...	Герой соглашается на противодействие (C)
Слушай, Амба: все готово, – к счастью никто не знает о том, что на нашей лодке мотор	В распоряжение героя попадает волшебное средство (средство указывается – Z^2)
На рассвете к хаморану Челока подлетела большая разукрашенная лодка молодых гольдов-колхозников; среди них были Амба и Бямби...	Герой доставляется к месту нахождения предмета поисков по воде (R^2)
я не испорчу кровавой мстью ваш праздник – дэрэ... Но за это ты должен дать мне повеселиться как следует на свадьбе Джябжа	Приход героя на свадьбу
Гребцы невестиной лодки налегли на весла. За ними бросились все лодки и жениха и со- стойбища «Лисьей прорехи». На воде носился шум, крики, проклятия, угрозы.	Герой и его антагонист вступают в состязание (B^2)
Лодка без весел стрелой помчалась по реке, все дальше и дальше удаляясь от разъяренных, неистовствующих людей.	Герой побеждает антагониста (III) и герой подвергается преследованию (Pr) и спасается (Cn)
Добейся, какой угодно ценой добейся, чтобы Джябжа была в нашей лодке во время дэрэ... иначе нам трудно будет добыть твою гямакту	Объект поисков похищается с применением хитрости (L^I) и волшебного предмета (L^F)
И древнейший обычай «похищения» девушки, дэрэ, был благополучно завершен в колхозном Загсе.	Герой вступает в брак и воцаряется (C)

Сказочная схема сюжета действует до самого конца истории. Роль волшебного предмета выполняет мотор. Это «чудо» советской техники спасает влюбленных. Привычная сказочная формула («И я там был, мед-пиво пил» и др.) заменена аналогичной, но уже из мира тех, кто «сказку сделал былью»: *«И древнейший обычай “похищения” девушки, дэрэ, был благополучно завершен в колхозном Загсе. Амба и Джябжя – первая таежная гольдская пара новобрачных, которые записались в Загсе»* [Март 1932, с. 38].

Март не ограничивается описанием свадебного обряда, в одном из эпизодов рассказа внимание повествователя обращено к погребальному обряду. Он, в отличие от свадебного обряда, описан не столь подробно: *«Сизакта-Овод ушел в подземный мир... <...> Тинхэ-Давящая Вниз – жена его полезла под одеяло к трупу и спала с мертвецом, по старинному обычаю нашему. <...> Тинхэ омыла тело Овода, обрядила его в “сонка каче” и “сабоота” [халат и сапоги из рыбьей кожи. – К.З.], уложила в кедровый гроб и похоронила корявого Овода. Над могилой отца твоего мы закололи его любимую собаку – “Моржа”... <...> Через два месяца после похорон твоего отца Тинхэ пригласила родичей-однофамильцев на малые поминки; шаман отыскал блудную душу Сизакта-Овода и уложил ее в “фанью”... <...> в гроб к Оводу мы положили, кроме разной домашней утвари, царские бумажные деньги. Хоть теперь ничего нельзя купить на земле на эти деньги, все-таки, может быть, в подземном царстве они еще в ходу и пригодятся покойнику...»* [Март 1932, с. 10–11]. Действительно, в традиции гольдов существовал обычай класть в гроб умершего, помимо кухонной утвари, какие-либо мелкие вещи: лоскутки материй, блестящие обертки от конфет, нарисованные медные китайские монеты [Лопатин 1922, с. 92]. В деталях, упомянутых Мартом, видится существенное влияние китайской похоронной традиции. Даже после вхождения в состав Российской империи китайские религиозные традиции оказывали влияние на все сферы жизни гольдов [Аниховский 2009]. Но Март пытается, как говорится, «убить двух зайцев» – он не только фиксирует элементы религиозного синкретизма в гольдской и китайской религиозности, но и подчеркивает бесповоротную бесполезность царских денег в советской жизни.

Сам похоронный обряд гольдов, исходя из работ этнографов, столь же многопланов и событийен, как и свадебный. Март избирательно относится к тем элементам похоронного обряда, которые включает в свое художественное произведение. Писателем четко зафиксирована гольдская традиция захоронения в землю, использование кедровых гробов, почитание особой подушки – «фанья», где находится душа покойника, обнаруженная шаманом, обычай кормления этой подушки, обычай спать ночь жене с мертвым мужем, обычай убивать собаку покойного над его могилой. Экзотические, с точки зрения советского читателя, гольдские элементы похоронного ритуала Март соединяет с привычными русскому сознанию элементами православного похоронного обряда: омывание трупа родственниками, обряжение его ими же в чистую одежду. Писатель знал, что эти элементы похоронного обряда чужды аборигенному народу – в этнографической литературе, известной Марту, эти моменты оговаривались многократно [Шимкевич 1896, с. 36–37]; [Лопатин 1922, с. 286].

Очевидно, Март намеренно соединил элементы похоронной традиции разных народов в единое художественное целое. Тем самым Март подводит читателя к мысли, что в традициях гольдов много схожего с русскими традициями. Не случайно для трансляции этой идеи выбран обряд перехода, важность которого подчеркивается в любой культуре. Эта мысль дополняется сюжетными линиями, которые «позволяют» главному герою – тунгусу Амбе – встроиться в современное советское общество. Тем самым, писатель выполняет задачу «идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [Первый Всесоюзный съезд... 1934, с. 716]. Известно, что в дореволюционной литературе было расхожим мнение о примитивности «иностранцев» – тунгусских народов по сравнению с русским народом, но в русле новой политики такая позиция была невозможна. Писатель приближает читателя к мысли, что аборигенный народ такой же самобытный, как и русский, и другие, но у него свои традиции, которые отличаются от привычных советскому читателю.

Несмотря на обилие этнографических подробностей похоронного обряда, Мартом не затрагиваются мировоззренческие представления гольдов о загробном мире. Ориентированность на «литературу факта» заставляет писателя включать в художественное произведение только тот этнографический материал, который будет понятен его советскому читателю, не перегруженному научными знаниями и книжной культурой. Углубление в сложную систему представлений о загробной жизни противоречило бы и лаконичному стилю «литературы факта», и атеистическим настроениям читателей, а тем более – критиков. Тем не менее, в настоящее время данный текст интересен не только литературоведам, но и этнографам как источник.

Огромный пласт этнографической литературы о гольдах, сформированный к концу 1920-х гг., воплотился у Марта в синтезе художественной этнографии и «литературы факта» начала 1930-х гг. Ведущим приемом художественной этнографии в этом рассказе стала ориентация на образную систему и композиционную структуру жанра сказки как наиболее оптимальное выражение этнографического содержания в художественной форме. Опираясь на многочисленные этнографические источники, Март сухим очерковым языком скрупулёзно описывает внешнюю бытовую сторону гольдской жизни, зависящую от речной артерии, близость мировоззрения гольда природной стихии, взаимоотношение человека и культового зверя [Землянская 2021d, с. 348]. Писатель насыщает вещный мир произведения этнографическими деталями, для каждого предмета находя гольдское наименование. Писатель фиксирует изменения в традиционных обрядовых практиках и ежедневном общении гольдов [Землянская 2021d], что является следствием проникновения цивилизации в традиционную жизнь аборигенного народа. В рассказе это влияние носит положительный характер. Несмотря на то, что Венедикт Март пишет об отрицании религиозных обычаев и традиций новым поколением гольдов, рассказ является, по сути, четко зафиксированным в своей основе содержанием свадебного обряда гольдов.

Многочисленные лакуны в погребальных обрядовых действиях гольдов, добавления собственных ритуальных действий отвечало художественному замыслу писателя: сконцентрировать центр всего повествования на финальном этапе свадебного обряда. Писатель стремится подчеркнуть возможность для представителей тунгусо-маньчжурского народа встроиться в социальные отношения советского общества, расширить границы своего мира, послужить на благо коллектива.

Выводы по главе 3

В 1923 г., приехав из Китая в Советский Союз, Март надеялся стать востребованным именно как знаток Востока, о котором писали в Москве еще в его харбинскую бытность. Поиски писателем нового слова, новой стилистики, новых форм дискурсивного выражения совпадают с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта».

В середине 1920-е гг. писатель встраивается в «восточный» идеологический вектор возрастающей литературы СССР, который направлен в сторону политической жизни Китая. В 1930-е гг., чувствуя охлаждение советской власти к китайской теме, а потому снижение запросов журналов и газет на рассказы и очерки на азиатском материале, писатель с китайского направления, переориентируется на тематику, связанную с малочисленными народами Дальнего Востока, чему способствует сама политика Советского государства в отношении аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока.

В 1920-е гг. уже в Советском Союзе Март пишет множество рассказов, очерков, былей, связанных с революционной борьбой китайского, корейского и индийского народов с иностранными угнетателями и внутренним врагом. В исторической ситуации 1920-х гг., когда Советский Союз вовсю транслировал дружественный характер советско-китайских отношений, эти рассказы публиковались в многочисленных советских журналах, издавались сборники рассказов писателя. Когда же Венедикт Март объединил рассказы и были в единый сборник

«Рассказы о Востоке», добавил к ним новые, используя при написании в основном типологические приемы, используемые в предыдущих публикациях советского периода: контаминацию традиционных мифологических сюжетов и революционных максим, транспозицию инокультурных реалий на российскую действительность, упрощенных лингво-, этнокультурных, мифологических комментариев и т.д. сборник отказались публиковать. Сборник был скомпонован в начале 1930-х гг.; при этом ни художественные огрехи, ни проблемы с достоверностью этнографического материала стали причиной непринятия рукописи в печать. Фактографизм в изображении революционных событий в Китае и других странах конца 1920-х гг. сыграл роковую роль анахронизма для начала 1930-х гг., когда ситуация на Северо-Востоке и Юго-Востоке Азии резко изменилась. Этнографические «были» Марта, собранные воедино, стали убедительными «вредительскими» свидетельствами поражения революционного движения на Востоке и стратегических ошибок советской дипломатии в регионе [Забияко, Землянская, 2021, с. 8].

Развитие «литературы факта» в советском литературном процессе, снижение интереса к восточной тематике, поворот к правовому равноправию коренных народов Дальнего Востока и Сибири с советским народом, интерес к краеведческой тематике самого писателя явились стимулом к написанию этнографического рассказа о свадебной и похоронной обрядности гольдов «Дэрэ – водяная свадьба». Художественно переосмыслив обрядовые практики перехода, используя для этого модели построения волшебной сказки, писатель показал, что новый человек туземного происхождения, необходимый молодому советскому государству, уже не живет в условиях соблюдения вековых устоев, а утрачивает или видоизменяет собственные традиции в силу возникновения новых исторических условий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проза и поэзия дальневосточного писателя Венедикта Марта дает яркие образцы произведений, в которых писатель художественно осмысляет фронтирную реальность первых десятилетий XX в., культуру и быт самых разных народов Дальнего Востока. Личность писателя Венедикта Марта вместила радостное детство на периферии Российской империи, воспитание в семье известного приморского краеведа, участие в культурной жизни Владивостока и Харбина 20-х гг., стремление встроиться в советскую литературу.

Рожденный в многонациональном Владивостоке, в культурно ориентированной семье, близко знакомой с традициями и обычаями стран Востока, сам имеющий непосредственный опыт этнокультурных контактов в лабиринтах китайских кварталов Владивостока, Венедикт Март уже в раннем творчестве художественно отражает культурные, религиозные, психологические установки, нравственно-этические нормы, особенности обустройства быта китайцев и японцев. Работа бок о бок с отцом, Н.П. Матвеевым-Амурским, в его издательстве «Хай-шин-вей», которое регулярно издавало этнографическую литературу, литературу о путешествиях по восточным странам, работа в журнале «Природа и люди Дальнего Востока», редактирование литературных владивостокских журналов сформировали в писателе интерес к художественному осмыслению традиций народов Востока. Многочисленные этнографические факты о восточных народах в раннем творчестве писатель берет из научной литературы или бесед с отцом, а в дальнейшем путешествия и опыт жизни в другой стране, личная дружба с японскими поэтами и их окружением, наблюдение за повседневной жизнью простых китайцев в бедных и злачных кварталах Харбина обогащают этнографическую копилочку писателя.

Художественный образ восприятия китайцев в ранний период Март воплощает в лирических зарисовках с натуры или песенцах. Именно этот жанр позволил писателю передать мировоззрение, мироощущение китайца сквозь призму

его повседневного быта. Его китайские стихи сюжетны, обладают песенным потенциалом, созданы с оглядкой на традиции русской классической поэзии. Писатель четко отграничивает жанровое и поэтическое воплощение китайской темы в своей лирике, не пробует адаптировать китайскую тему к жанрам китайской поэзии, что будет у него встречаться в поэзии харбинского периода. Для лирических зарисовок на китайские темы Март выбирает классические метры, ритмы и строфику. Он всецело обращен в прошлое китайских традиций, продолжающих жить и в современности. Тонкости лирического содержания поэт пытается передать на уровне формы, что он продолжит делать и в «китайской» прозе этого периода. В прозе для создания образа восприятия китайцев писатель следует металитературной рецепции. Писатель выбирает в качестве образца классическую форму китайской новеллы о необычайном, строго следуя ее формальным критериям; или выстраивает повествование в форме, сходной с китайской былью. Внесюжетные элементы он выстраивает по законам поэтического текста в русле собственных декадентских поисков в области слова.

В пору модернистских поисков для писателя в осмыслении японской темы становятся органичными отдельные жанры классической японской литературы – танка, хокку, дзуйхицу, кайдан. Март чутко реагирует на изменения в современной ему японской литературе, в которой происходит модернизация классических жанров, сопрягая интерес к Востоку с пристальным вниманием к художественным открытиям русской литературы начала XX в. Помимо следования стилевым принципам того или иного жанра, писатель соблюдает ведущий эстетический принцип японской литературы – моно-но аварэ. Освоение японской жанровой системы, осознание эстетики японского взгляда на мир и его постижение средствами художественной литературы становятся для писателя способом вживания в мир чужой культуры и формирования собственного стиля. Так формируется его уникальный образ восприятия Японии – через металитературную рецепцию.

В 1920 г. Март эмигрирует в Харбин. Отсутствие культурной и литературной среды в этом русско-китайском городе, сложность и даже бедственное положение повседневной жизни писателя, собственный опыт бродяжнической жизни рядом и вместе с китайским бедным населением, потакание пагубным пристрастиям, ежедневная работа журналистом в харбинских газетах формировали уникальный взгляд Марта на китайскую культуру и китайские традиции, определили содержание и форму его публикаций в харбинской прессе, изменения в художественном языке.

«Погружение» Венедикта Марта в злую атмосферу фудзяньских улиц позволило ему приоткрыть перед русским читателем завесу неизвестной, потайной сферы повседневной бытовой культуры Китая. В цикле «Желтые рабыни» ярко выражено изображение «темной» стороны городской жизни в русле натуралистической школы. Обширное количество этнографических фактов, вплетенных Мартом в структуру цикла очерков, позволило ему не только заинтересовать, а где-то и шокировать рядового русского эмигранта – читателя ежедневной газеты, но и поставить перед ним философские вопросы о ценности/бренности человеческой жизни, разложении семейных уз, осмыслить базовые этнические установки китайского сознания. Оставаясь в рамках той этнографической парадигмы, которой он следовал с самого начала своего творчества, в этом цикле он больше очеркист, этнограф. Здесь он «высушивает» свой язык, подстраивая его под специфику изображаемого материала. Этнографические факты становятся все обширнее, именно они организуют пространство очерка.

В 1920-е гг., вернувшись из Китая в Советский Союз, работая в «1000 и 1 издании», Март пишет множество рассказов, очерков, былей, связанных с революционной борьбой китайского, корейского и индийского народов с иностранными угнетателями и внутренним врагом. В исторической ситуации 1920-х гг., когда Советский Союз всюду транслировал дружественный характер советско-китайских отношений, рассказы Марта активно публиковались в центральных и региональных изданиях, нередко и на языке республик, входящих в Советский

Союз. Чуть позже он объединит эти рассказы и были под одной обложкой, озаглавив их «Рассказы о Востоке». При написании этих рассказов он использует все те же типологические приемы, которые использовал в прошлом: соединит и переосмыслит китайские мифологические сюжеты, часто усекая их, выделяя в традиционном сюжете нужный ему смысл, соотносимый с революционной китайской действительностью того времени. Часто будет использовать прием транспозиции восточных деталей на советскую действительность. Публиковать сборник в начале 1930-х гг. у Марта не получилось, рукопись осталась неопубликованной и доныне. Рассказы и были, входящие в сборник, стали анахронизмом для тогдашней ситуации в советско-китайских отношениях. Произведения Марта открыто показывали ошибки, допущенные советскими властями в попытке помочь Китаю в его внутривосточных проблемах и революционной борьбе.

Развитие «литературы факта» в советском литературном процессе, снижение интереса к восточной тематике, поворот к правовому равноправию коренных народов Дальнего Востока и Сибири с советским народом, интерес к краеведческой тематике самого писателя явились стимулом к написанию этнографического рассказа о свадебной и похоронной обрядности гольдов «Дэрэ – водяная свадьба». Художественно переосмыслив обрядовые практики перехода, используя для этого модели построения волшебной сказки, писатель показал, что новый человек туземного происхождения, необходимый молодому советскому государству, уже не живет в условиях соблюдения вековых устоев, а утрачивает или видоизменяет собственные традиции в силу возникновения новых исторических условий. Последние годы жизни писателя отмечены масштабным замыслом создания историко-этнографического эпоса, который позволил бы писателю войти в большую советскую литературу, запечатлев на многогранном этнографическом материале повседневной жизни средневекового государства Бохай и последующих исторических вех дальневосточного региона исторический путь скла-

дывания дальневосточного фронта. Грозные события 1937 г. трагически повлияли на этот замысел. Писатель был расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии, а первый том книги «Война и войны» уничтожен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (нового и новейшего периода)» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Аблова Надежда Евгеньевна ; Институт Дальнего Востока. – Москва, 2005. – 556 с. – Текст : непосредственный.
2. Авченко, В. Матвеев: первый / В. Авченко. – Текст : электронный // Новая газета во Владивостоке. – 2021. – 11 февр. (№ 580). – URL : <https://novayagazeta-vlad.ru/580/istoriya/matveev-pervyj.html> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Агаларханова, А. А. Национальная политика Российской империи и Советской России в отношении коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / А. А. Агаларханова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6. – С. 18–26.
4. Агеносов, В. В. Категории «свое/чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов / В. В. Агеносов. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7 : Мост через Амур : материалы IV междунар. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – С. 273–285.
5. Азадовский, К. М. Бальмонт и Япония / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. – Москва : Наука, 1991. – 192 с. – Текст : непосредственный.
6. Александров, Н. А. Гольды и Гиляки (Миссионерство на Дальнем Востоке) / Н. А. Александров. – Текст : непосредственный // Александров Н. А. Народы России. Этнографические очерки и рассказы. Вып. 2 : Инородцы лесов (Сибирь). – Москва : Изд. Панафидина, 1899. – С. 113–134.
7. Али, М. Индия / М. Али. – Москва : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1930. – 32 с. – Текст : непосредственный.

8. Алимов, И. А. Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. / И. А. Алимов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2017. – 840 с. – Текст : непосредственный.
9. Алымов, С. Правнук Виллона (О Венедикте Марте) / С. Алымов. – Текст : непосредственный // Гонг: журнал современной жизни. – Харбин, 1923. – № 2.
10. Алымов, С. Правнук Виллона / С. Алымов. – Текст : непосредственный // Рубеж. – Владивосток, 1998. – Вып. 3. – С. 229–230.
11. Алымов, С. Харбин / С. Алымов ; публ. А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7 : Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – С. 19–23.
12. Амурский, Н. По Северной Корее. В Когонуне / Н. Амурский. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917а. – 27 (14) дек. (№ 3441). – С. 1–2.
13. Амурский, Н. По Северной Корее. От Когонуна до (Унг-ка) Юки / Н. Амурский. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917b. – 29(16) дек. (№ 3443). – С. 3.
14. Амурский, Н. По Северной Корее. Син-а-Сань / Н. Амурский. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917с. – 9 дек. (26 нояб.) (№ 3427). – С. 2–3.
15. Аникин, В. П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики / В. П. Аникин. – Текст : непосредственный // Фольклор Урала. Вып. 9 : Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1986. – С. 5–12.
16. Аниховский, С. Э. Влияние этнических и религиозных традиций Китая на духовную культуру нанайцев в XIX – начале XX вв. / С. Э. Аниховский. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.

Вып. 8 : От конфронтации к сотрудничеству / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 483–490.

17. Антология поэзии Дальнего Востока. 1917–1967 / Сост. В. Пузырев, Ю. Иванов. – Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1967. – 478 с. – Текст : непосредственный.

18. Анча, Д. А. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории / Д. А. Анча, Н. Г. Мизь. – Владивосток : Дальнаука, 2015. – 312 с. – Текст : непосредственный.

19. Арсеньев, В. Встречи в тайге / В. Арсеньев. – Москва : Детгиз, 1949. – 163 с. – Текст : непосредственный.

20. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историческо-этнографический / В. К. Арсеньев. – Хабаровск : Тип. канц. Приамур. генерал-губернатора, 1914. – 203 с. – Текст : непосредственный

21. Арсеньев, В. К. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 / В. К. Арсеньев ; под ред. ОИАК. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2007. – 704 с. – Текст : непосредственный

22. Асеев, Н. Октябрь на Дальнем / Н. Асеев. – Текст : непосредственный // Новый ЛЕФ. – 1927. – № 8–9. – С. 38–49.

23. Бажов, П. П. Уральские были: Из недавнего быта Сысертских заводов Очерки / Предисл. А. Вилиева. – Екатеринбург, 1924. – 80 с. – Текст : непосредственный.

24. Бальмонт, К. Музыка солнечного света. О Японии / К. Бальмонт. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916а. – 20 дек. (№ 3139). – С. 2.

25. Бальмонт, К. Страна совершенная / К. Бальмонт. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916b. – № 2368. – С. 3.

26. Бальмонт, К. Японские песни / К. Бальмонт. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916с. – 24 апр. (№ 2905). – С. 2.

27. Баранов, И. Г. Верования и обычаи китайцев / И. Г. Баранов. – Москва : Муравей-Гайд, 1999. – 302 с. – Текст : непосредственный.

28. Баранов, И. Китайская быль / И. Баранов. – Текст : непосредственный // Вестник Азии. – Харбин, 1915. – № 34. – Кн. 2. – С. 28–71.
29. Бартенев, О. Индия / О. Бартенев. – Москва : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 31 с. – Текст : непосредственный.
30. Бирюков, В. П. Дореволюционный фольклор на Урале / В. П. Бирюков. – Свердловск, 1936. – 364 с. – Текст : непосредственный.
31. Бирюков, В. П. Исторические сказы и песни (Дооктябрьский период) / В. П. Бирюков. – Текст : непосредственный // Фольклор Урала / Под общ. ред. И. Н. Розанова. – Челябинск, 1949. – Вып. 1. – 96 с.
32. Бирюков, В. П. Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / В. П. Бирюков. – Свердловск, 1953. – 312 с. – Текст : непосредственный.
33. Богданова, О. В. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции. 1920–1940-е годы / О. В. Богданова, Юньмэй Цзан. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023a. – 210 с. – Текст : непосредственный.
34. Богданова, О. В. Жанрово-стилевые эксперименты В. Перелешина и В. Марта / О. В. Богданова, Юньмэй Цзан. – Текст : непосредственный // Богданова О. В., Юньмэй Цзан. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции. 1920–1940-е годы. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023b. – С. 172–179.
35. Богданова, О. В. Формальные эксперименты в поэзии русской «восточной» эмиграции» (В. Перелешин, В. Март) / О. В. Богданова, Юньмэй Цзан. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 2. – С. 231–235.
36. Бочарова, З. С. Движение за возвращение на Родину в российской эмиграции (1920-е гг.) : специальность 07.00.01 «История общественных движений и политических партий» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бочарова Зоя Сергеевна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1994. – 27 с. – Текст : непосредственный.
37. Бреславец, Т. И. Дзэнские идеи русской литературы / Т. И. Бреславец. – Текст : непосредственный // Япония и современный мир: литературные

связи и типология / Сост. и отв. ред. Т. И. Бреславец. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. – С. 4–43.

38. Брылкин, А. Краткий очерк о туземцах Уссурийского края / А. Брылкин. – Текст : непосредственный // Записки Сибирского отдела императорского русского географического общества. – Иркутск, 1864. – Кн. 7. – С. 1–9.

39. Брэм, А. Жизнь животных : в 13 т. / А. Брэм. – Санкт-Петербург : Деятель, 1911–1916. – Текст : непосредственный.

40. Бузуев, О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 380 с. – Текст : непосредственный

41. Бузуев, О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учебное пособие / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический государственный ун-т, 2019. – 140 с. – Текст : непосредственный.

42. В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / Отв. ред. О. А. Казнина. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 608 с. – Текст : непосредственный.

43. В. Ж. О маньчжурских птицах / В. Ж. – Текст : непосредственный // Рубеж. – Харбин, 1940. – № 35(656). – С. 12–13.

44. Вагинов, К. К. Козлиная песнь / К. К. Вагинов. – Л. : Прибой, 1928. – 197 с. – Текст : непосредственный.

45. Васильев, В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм / В. П. Васильев. – Текст : непосредственный // Журнал министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1873. – № 3. – Ч. CLXVI. – С. 239–293.

46. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – Москва : Восточная литература, 2001. – 488 с. – Текст : непосредственный.

47. Васильев, П. Н. В золотой разведке : очерки / П. Н. Васильев. – Москва ; Л. : Физкультура и туризм, 1930. – 47 с. – Текст : непосредственный.

48. Васильев, П. Н. Люди в тайге : очерки / П. Н. Васильев. – Москва : Физкультура и туризм, 1931. – 40 с. – Текст : непосредственный.

49. Венедикт Март. Песенцы, Черный дом, Изумрудные Черви, Фаин, Лепестки Сакуры. – Текст : непосредственный // Великий океан. – Владивосток, 1920. – № 4–6. – С. 132.
50. Вечер критики. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919. – 30 марта (№ 25). – С. 5.
51. Витковский, Е. В. Состоявшийся эмигрант / Е. В. Витковский. – Текст : непосредственный // Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения. – Москва : Согласие, 1998. – С. 5–40.
52. Владимирова, Д. А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и северо-востоке Китая (вторая половина XIX – начало XXI вв.) : специальность 07.00.03 «Всеобщая история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Владимирова Диана Альбертовна ; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток, 2005. – 225 с. – Текст : непосредственный.
53. Власкин, А. В. Японская нечисть. Ёкай и другие / А. В. Власкин. – Москва : Вече, 2021. – 320 с. – Текст : непосредственный.
54. Воскресенский, А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний / А. Д. Воскресенский. – Москва : Восток-Запад, 2004. – 608 с. – Текст : непосредственный.
55. Гаер, Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Гаер. – Москва : Мысль, 1991. – 126 с. – Текст : непосредственный.
56. Гаспаров, М. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Гаспаров. – Москва : RUGRAM_ФТМ, 2021. – 351 с. – Текст : непосредственный.
57. Гаспаров, М. Л. Избранные труды : в 3 т. Т. 2 : О стихах / М. Л. Гаспаров. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 501 с. – Текст : непосредственный.

58. Гаспаров, М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях / М. Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с. – Текст : непосредственный.
59. Гельман, В. А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России / В. А. Гельман. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – Серия: Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2023. – № 1. – С. 12–19.
60. Георгиевский, С. Г. Мифические воззрения и мифы китайцев / С. Г. Георгиевский. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. – 128 с. – Текст : непосредственный.
61. Георгиевский, С. Принципы жизни Китая / С. Георгиевский. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1888. – 530 с. – Текст : непосредственный.
62. Гессе-Вартег, фон Э. Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии / Э. фон Гессе-Вартег ; под ред. Д. И. Шрейдера. – Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Девриена, 1902. – 285 с. – Текст : непосредственный.
63. Головкин, В. М. Герменевтика литературного жанра / В. М. Головкин. – Москва : Флинта, 2019. – 184 с. – Текст : непосредственный.
64. Горегляд, В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. / В. Н. Горегляд. – Москва : Наука, 1975. – 381 с. – Текст : непосредственный.
65. Горегляд, В. Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.
66. Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного М-ва ин. дел В. В. Граве / В. В. Граве. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 489 с. – Текст : непосредственный.
67. Гребенюкова, Н. «Мой сын возлюбленный...»: Письма Венедикта Марта из саратовской ссылки / Н. Гребенюкова. – Текст : непосредственный // Словесница искусств. – Хабаровск, 2019а. – № 1(43). – С. 129–133.

68. Гребенюкова, Н. П. «Ходи с поднятой головой по Земному шару...» (Письма Венедикта Марта сыну Зангвильду (Ивану Елагину) из саратовской ссылки. 1928–1929 гг.) / Н. П. Гребенюкова. – Текст : непосредственный // Матвеевы. Две даты. Две жизни. Два мира : материалы III Матвеевских научных чтений / Под общ. ред. А. Г. Брюханова. – Владивосток : Валентин, 2019b. – С. 175–184.

69. Гребенюкова, Н. П. «...И нитка, втрое скрученная, не скоро порвётся...» (письма В. Марта сыну. Из фондов краеведческого музея) / Н. П. Гребенюкова. – Текст : непосредственный // Гродековские чтения : тезисы науч.-практич. конф. (г. Хабаровск, 19–20 декабря 1996 г.) : в 3 ч. Ч. 3. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 1996. – С. 49–52.

70. Гребенюкова, Н. П. Венедикт Март. Прочитай, как был изъят человек из жизни / Н. П. Гребенюкова. – Текст : непосредственный // Рубеж. – Владивосток, 1998. – № 3(865). – С. 217–230.

71. Григорьева, Т. П. Вслед за кистью / Т. П. Григорьева. – Текст : непосредственный // Японские дзуйхицу. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1998. – С. 5–46.

72. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. – Москва : Наука, 1979. – 368 с. – Текст : непосредственный.

73. Грум-Гржимайло, Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грум-Гржимайло ; под ред. П. П. Семенова. – Санкт-Петербург : Типо-литография и переплетная С. М. Николаева, 1894. – 640 с. – Текст : непосредственный.

74. Гусева, А. Г. В стране свободного труда: Рабочая книга для городских школ малограмотных / А. Г. Гусева ; под ред. Д. Бондарева, Л. Фрид. – Москва : Долой неграмотность, 1928. – 316 с. – Текст : непосредственный.

75. Гусева, Н. Р. Индия в зеркале веков / Н. Р. Гусева. – Москва : Вече, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.

76. Давитадзе, Н. В. Футуризм на Дальнем Востоке / Н. В. Давитадзе. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4(8). – С. 82–87.

77. Дальний Восток. Корея. Япония. Маньчжурия. – Москва : Типо-лит. И. Пашкова, 1904. – 34 с. – Текст : непосредственный.
78. Данн, Ч. Традиционная Япония. Быт, религия, культура / Ч. Данн. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 222 с. – Текст : непосредственный.
79. Девиль, Ник. «Шоколад» / Ник. Девиль. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921. – 14 авг. (№ 178). – С. 3.
80. Демкина, Н. Азбука японской эстетики: моно-но аварэ / Н. Демкина. – Текст : электронный // Российская государственная библиотека. – 27.01.2023. – URL : <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/lections/azbuka-yaponskoj-estetiki-mono-no-avare> (дата обращения: 05.04.2024).
81. Денисова, Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов / Е. А. Денисова. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2020а. – Т. 15. – № 5. – С. 36–43.
82. Денисова, Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов / Е. А. Денисова. – Текст : непосредственный // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020b. – С. 99–110.
83. Денисова, Е. А. Проза В. Марта: некоторые литературные связи и контексты. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 10. – С. 2901–2905.
84. Дзя, С. Выставки китайского искусства в Советском Союзе (1930–1960-е гг.) и место в них живописных произведений «Цветы и птицы» / С. Дзя. – Текст : непосредственный // Вопросы музеологии. – 2017. – № 1(15). – С. 72–80.
85. Диль. Рабы наркоза / Диль. – Текст : непосредственный // Воскресная заря. – Харбин, 1922. – 9 июля (№ 28). – С. 3.
86. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова, А. Кобринского. – Текст : непосредственный // Минувшее. Исторический альманах. 11. – Москва : Феникс, 1992. – С. 417–583.

87. Дунаев, В. И. Японцы в Японии / В. И. Дунаев. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – 144 с. – Текст : непосредственный.
88. Дуткина, Г. Б. «Душа Японии» в зеркале японского кайдана / Г. Б. Дуткина. – Текст : непосредственный // Японские исследования. – 2016. – № 3. – С. 25–41.
89. Дуткина, Г. Б. Традиции и развитие японского «повествования о необычайном» от средневековья к современности : специальность 10.01.06 «Литература народов зарубежных стран Азии и Африки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дуткина Галина Борисовна ; Институт востоковедения РАН. – Москва, 1992. – 20 с. – Текст : непосредственный.
90. Дьяченко, Б. Клан Матвеевых / Б. Дьяченко. – Текст : непосредственный // Рубеж. – Владивосток, 2003. – № 4(866). – С. 265–272.
91. Дябкин, И. А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья : специальность 09.00.14 «Философия религии и религиоведение» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Дябкин Игорь Анатольевич ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2014. – 31 с. – Текст : непосредственный.
92. Дяо, Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.). По найденным материалам / Дяо Шаохуа. – Текст : непосредственный // Россияне в Азии : лит.-истор. ежегодник / Под ред. О. Бакич. – Торонто : Торонт. Ун-т Центр по изучению России и Восточной Европы, 1996. – Вып. 3. – С. 57–109.
93. Евтушенко, В. П. Древо плодоносящее: биография уникальной литературной династии Матвеевых / В. П. Евтушенко. – Владивосток : Делин, 2004. – 186 с. – Текст : непосредственный.
94. Ёкото Мураками, Т. Жизнь и творчество семьи Матвеевых / Т. Ёкото Мураками. – Текст : непосредственный // Материалы XXI Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония)

(г. Владивосток, 5–6 сентября 2005 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2007. – С. 99–110.

95. Елагин, И. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 : Стихотворения / И. Елагин. – Москва : Согласие, 1998. – 382 с. – Текст : непосредственный.

96. Ельницкий, К. В. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России / К. В. Ельницкий. – Санкт-Петербург : Изд. Д. Д. Полубояринова, 1895. – 136 с. – Текст : непосредственный.

97. Жарикова, Е. Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока / Е. Е. Жарикова. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008а. – № 55. – С. 120–126.

98. Жарикова, Е. Е. Тема Китая в литературе и культуре дальневосточного русского зарубежья / Е. Е. Жарикова. – Текст : непосредственный // Записки Гродековского музея. Вып. 21 : К 70-летию Хабаровского края. 1938–2008. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2008b. – С. 163–168.

99. Журнал «Искусство» // Вперед. – Харбин, 1921. – 16 марта (№ 304). – С. 5. – Текст : непосредственный.

100. Забияко, А. А. Художественная этнография дальневосточного фронта 1920–1940-х гг. XX в.: жанрово-тематические и стилевые приметы / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал. – Текст : непосредственный // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века : коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова / Под ред. Л. Г. Кихней. – Москва : Юрист, 2024. – С. 120–160.

101. Забияко, А. П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009а. – С. 9–35.

102. Забияко, А. А. «Здесь доминировал “Закон тайги”»: образ Маньчжурии начала XX в. в художественном сознании дальневосточных писателей (Н. Байков и П. Шкуркин). – Текст : непосредственный // Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016а. – С. 21–57.

103. Забияко, А. А. «Кошмарная чужд» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) / А. А. Забияко, А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2014а. – № 3. – С. 187–195.

104. Забияко, А. А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода / А. А. Забияко, К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 8–17.

105. Забияко, А. А. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) : монография / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2008. – 428 с. – Текст : непосредственный.

106. Забияко, А. А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. А., Забияко А. П., Лёвшин С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015а. – С. 141–359.

107. Забияко, А. А. Дальневосточный фронт, традиции народничества и соцказ: Венедикт Март / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. А., Забияко А. П., Лёвшин С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015б. – С. 283–306.

108. Забияко, А. А. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии : монография / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 352 с. – Текст : непосредственный.

109. Забияко, А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей эмигрантов / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2011а. – № 2. – С. 154–169.
110. Забияко, А. А. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX века / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV, вып. 4. – С. 212–219.
111. Забияко, А. А. Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Rossica Olomucensia. – 2019. – Vol. LVIII. – № 1. – С. 67–83.
112. Забияко, А. А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016b. – С. 283–307.
113. Забияко, А. А. П. В. Шкуркин: биографический, историко-культурный, этносоциальный контекст становления ученого и писателя / А. А. Забияко, Чжоу Синьюй. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, вып. 4. – С. 135–142.
114. Забияко, А. А. Поэтические этнографизм в лирике дальневосточных эмигрантов: лекарство от ностальгии? / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал. – Текст : непосредственный // Rossica Olomucensia. – 2022. – Vol. LXI. – Num. 1–2. – С. 5–22.
115. Забияко, А. А. Русские в Северной Маньчжурии: художественный опыт взаимодействия с китайской культурой / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Социальное развитие России: история и современность : сб. сочинений междунар. науч. конф. – Хэйхэ (КНР), 2008. – С. 363–366.
116. Забияко, А. А. Становление художественной этнографии Владислава Лецика / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Лосевские чтения–2011 :

материалы региональной науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011b. – С. 87–109.

117. Забияко, А. А. Сюжеты китайского народного театра в художественной этнографии П. В. Шкуркина (на материале «Китайских легенд») / А. А. Забияко, Чжоу Синьюй. – Текст : непосредственный // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 8. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. – С. 280–289.

118. Забияко, А. А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 1920–1940 гг.) / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5 : Проблемы источниковедения и текстологии / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. – С. 181–202.

119. Забияко, А. А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40-х гг. XX в. / А. А. Забияко, И. А. Дябкин. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–156.

120. Забияко, А. А. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 45–55.

121. Забияко, А. А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период / А. А. Забияко, А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014b. – № 4(30). – С. 150–165.

122. Забияко, А. А. Художественная этнография Дальнего Востока: эмигрантский и советский текст 20–40-х гг. XX в. / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Традиционная культура Востока Азии / Под ред. Д. П. Волкова, А. П. Забияко, Е. А. Завадской, С. Н. Нестерова. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. – Вып. 7. – С. 258–279.

123. Забияко, А. А. Художественная этнография первой половины XX в.: российский Дальний Восток и Маньчжурия / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Рубеж. – Владивосток, 2020. – № 14(876). – С. 301–313.

124. Забияко, А. А. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2021a. – Т. XX, вып. 1. – С. 14–22.

125. Забияко, А. А. Художественный образ восприятия Китая и китайцев в русской литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Арсения Несмелова) / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2021b. – Т. 18. – № 4. – С. 208–217.

126. Забияко, А. А. «Муза с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7 : Мост через Амур : материалы IV междунар. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – С. 298–312.

127. Забияко, А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015с. – С. 3–14.

128. Забияко, А. П. Порубежье / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 : Региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 5–10.

129. Забияко, А. П. Порубежье как данность человеческого бытия / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2016b. – № 11. – С. 26–36.

130. Забияко, А. П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009b. – С. 124–140.

131. Задорнова, В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В. Я. Задорнова. – Москва : Высшая школа, 1984. – 152 с. – Текст : непосредственный.

132. Землянская, К. А. «Дно» Харбина в очерках «Синей Маски»: «Харбинские трущобы» В. Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14 : сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022a. – С. 323–334.

133. Землянская, К. А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8 : Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021с. – С. 161–171.

134. Землянская, К. А. «Тигриная мифология» китайцев в художественной и научной этнографии Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования : материалы VIII международ. науч. конф. «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, ИМЛИ РАН. 11–12 ноября 2021 г.). – 2021a. – Т. 16. – С. 152. – URL : <http://www.nrgumis.ru/articles/2166/> (дата обращения: 19.01.2022).

135. Землянская, К. А. Жанровая система «японских» произведений Венедикта Марта раннего периода / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Сюжетология и сюжетография. – 2024a. – № 2. – С. 71–84.

136. Землянская, К. А. Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2020b. – № 4. – С. 137–147.

137. Землянская, К. А. Легенды и мифы Дальнего Востока в художественной этнографии Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023a. – № 4. – С. 46–57.

138. Землянская, К. А. Образ восприятия Японии и японцев в раннем творчестве В. Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Русская классическая и неклассическая литература: Текст, контекст, рецепция: сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (г. Ярославль, 23–25 ноября 2023 г.) : в 2 ч. Ч. 2 / Под науч. ред. д-ра филол. наук Т. Г. Кучиной, д-ра филол. наук А. С. Бокарева, канд. филол. наук М. Ю. Егорова, канд. филол. наук Н. Ю. Букаревой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024b. – С. 59–66.

139. Землянская, К. А. Образ китайского учителя в рассказе Венедикта Марта «Человек с шариком». – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2025b. – № 2(61). – С. 193–209.

140. Землянская, К. А. Образ Хай-шин-вея (Владивосток) в художественном пространстве ранней прозы Венедикта Марта (на материале рассказа «Лапа Мин-дзы») / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Амурский научный вестник. – Комсомольск-на-Амуре, 2021b. – № 1. – С. 40–46.

141. Землянская, К. А. Образы представителей бродячих профессий в «китайских» произведениях Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9 : 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В. В. Агеносова: сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022b. – С. 231–240.

142. Землянская, К. А. По значным местам Харбина (очерки Синей Маски (Венедикта Марта) «Харбинские труппы») / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // НОМО ITER: Путешествие как феномен культуры : коллективная монография : в 2 т. Т. 2 / Под науч. ред. Е. М. Болдыревой, Чжоу Се, Фанъюня Го. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024с. – С. 34–44.

143. Землянская, К. А. Похоронная обрядность гольдов в художественной этнографии В. Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба») / К. А. Землянская. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования : материалы VII Международ. науч. конф. «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (г. Москва, ИМЛИ РАН, 5–6 ноября 2020 г.). – 2020а. – Т. 20. – URL : <http://www.nrgumis.ru/articles/2116/> (дата обращения: 01.12.2020).

144. Землянская, К. А. Похоронная обрядность китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Китайская цивилизация в диалоге культур : материалы VI Международ. науч.-практ. конф. (г. Москва, 17 февраля 2023 г.) / Отв. ред. М. П. Баева. – Москва : Знание-М, 2023b. – Вып. 4. – С. 85–91.

145. Землянская, К. А. Праздничная культура Китая в художественной этнографии Венедикта Марта / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области / Отв. ред. Д. П. Волков. – Благовещенск, 2023с. – С. 28–32.

146. Землянская, К. А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба») / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13 : Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020с. – С. 304–313.

147. Землянская, К. А. Тигриная мифология в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025а. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 1442–1448.
148. Землянская, К. А. Традиционная жизнь коренных народов Дальнего Востока в 1930-е гг. в художественной этнографии В. Марта и П. Н. Васильева / К. А. Землянская. – Текст : непосредственный // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2021d. – С. 341–349.
149. Зилова, К. О семье Матвеевых и ее роли в развитии культуры на Дальнем Востоке / К. Зилова. – Текст : непосредственный // Словесница искусств. – Хабаровск, 2000а. – № 6. – С. 32–35.
150. Зилова, К. Н. Роль семьи Матвеевых в развитии культуры на Дальнем Востоке (на материалах архива Н. Н. Матвеева-Бодрого) / К. Н. Зилова. – Текст : непосредственный // Духовная жизнь Дальнего Востока России : материалы регионал. науч.-практ. конф., посвященной 2000-летию христианства (г. Хабаровск, 24–26 октября 2000 г.). – Хабаровск : Частная коллекция, 2000b. – С. 194–197.
151. Зилова, К. Н. Слово и время. Писатели о Дальнем Востоке / К. Н. Зилова. – Хабаровск : АО «Хабаровская краевая типография», 2020. – 304 с. – Текст : непосредственный.
152. Золотарёв, А. М. Родовой строй и религия ульчей / А. М. Золотарёв. – Хабаровск : Дальгиз, 1939. – 205 с. – Текст : непосредственный.
153. Иванов, Вс. Н. Исход. Повествование о времени и о себе : Гл. 13–20 / Вс. Н. Иванов. – Текст : непосредственный // Дальний Восток. – 1995. – № 1. – С. 3–84.
154. Иванов, Вс. Н. Исход: из воспоминаний / Вс. Н. Иванов ; под общ. ред. М. Ф. Асламова. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2008. – 399 с. – Текст : непосредственный.
155. Иващенко, Л. «...И сохрани душевный пламень». Забытые и малоизвестные страницы истории дальневосточной поэзии / Л. Иващенко. – Текст :

непосредственный // Золотой рог : лит.-худ. сборник. – Владивосток : Дальневосточное книжное изд-во, 1976. – С. 192–222.

156. Интервью с Александром Евдокимовичем Демидовым, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. (Соб. : Цзюй Куньи, А. П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]. – Текст : непосредственный.

157. Интервью с Сергеем Владимировичем Филоновым. – 15 сент. 2022 г. // Личный архив К. А. Землянской. – Текст : непосредственный.

158. Интимное издание Садарико. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921. – 23 марта (№ 60). – С. 3.

159. Ионова, Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX – начало XX века / Ю. В. Ионова. – Москва : Наука, 1982. – 232 с. – Текст : непосредственный.

160. Ионова, Ю.В. Этнография Кореи / Ю. В. Ионова. – Москва : Первое марта, 2011. – 424 с. – Текст : непосредственный.

161. Исаченко, В. И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – начале XX вв. : специальность 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Исаченко Виктория Игоревна ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2005. – 189 с. – Текст : непосредственный.

162. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки / С. В. Березницкий, Е. А. Гаер, С. Ф. Карабанова и др. ; отв. ред. В. А. Тураев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 194 с. – Текст : непосредственный.

163. История России. XX век: 1894–1939 / Под ред. А. Б. Зубова. – Москва : Астрель ; АСТ, 2011. – 1023 с. – Текст : непосредственный.

164. К. Д. Бальмонт о Японии. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916. – № 2929. – С. 3.

165. Кадзухико, Савада. Бронислав Пилсудский – корреспондент журнала «Природа и люди Дальнего Востока» / Кадзухико Савада, В. М. Латышев ,

М. М. Прокофьев // Рубеж. – Владивосток, 2011. – № 11(873). – С. 333–362. – Текст : непосредственный.

166. Капинос, Е. В. «Онегин» по-китайски: «Поэма без предмета» В. Перелешина / Е. В. Капинос. – Текст : непосредственный // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – С. 207–233.

167. Карпов, Н. Заклинатель змей / Н. Карпов. – Текст : непосредственный // Аргус. – 1913. – № 6. – С. 87–95.

168. Катеринич, В. Футуристы на Дальнем Востоке. Взгляд из начала XXI века / В. Катеринич. – Текст : непосредственный // Словесница искусств. – Хабаровск, 2014. – № 1(33). – С. 30–39.

169. Катеринич, В. Футуристы на Дальнем Востоке: [В. Хлебников, Н. Насимович-Чужак, Д. Бурлюк, С. Третьяков, Н. Асеев, В. Март] / В. Катеринич. – Текст : непосредственный // Дальний Восток. – 2002. – № 5–6. – С. 287–297.

170. Ким, Н. Корея / Н. Ким. – Москва : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929. – 37 с. – Текст : непосредственный.

171. Киржниц, А. У порога Китая / А. Киржниц. – Москва : Красная Новь, 1924. – 70 с. – Текст : непосредственный.

172. Киржниц, А. Д. У порога Китая. Русские в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги / А. Д. Киржниц. – Текст : непосредственный // Сибирские огни. – Новониколаевск, 1923. – Кн. 4. – С. 126–143.

173. Кириллова, Е. О. Владивосток начала 1920-х годов и предпосылки формирования русского дальневосточного литературного зарубежья / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6 : К 70-летию профессора В. В. Агеносова : сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. – С. 118–131.

174. Кириллова, Е. О. «Переночуем во Владивостоке – одном из дивных тупиков Руси»: вклад семьи Матвеевых в формирование культуры Тихоокеанской России / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. А. А. Новикова. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2016а. – С. 170–180.

175. Кириллова, Е. О. Восточная тема в творчестве поэта Венедикта Марта / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Филология и образование: 80 лет развития русской словесности в Республике Саха (Якутия) : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. Л. Н. Павлова, Т. А. Бердников, Н. Ю. Печетова. – Чебоксары : ООО «Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”», 2016b. – С. 131–136.

176. Кириллова, Е. О. Выдающиеся деятели культуры Дальнего Востока России. Матвеевы: из рода литераторов / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. А. А. Новикова. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2016с. – С. 17–22.

177. Кириллова, Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн. 1 : Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания) / Е. О. Кириллова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 636 с. – Текст : непосредственный.

178. Кириллова, Е. О. Имажинистские влияния в творчестве Венедикта Марта / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : сб. науч. статей по материалам III Международ. науч.-практ. конф. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2017. – С. 23–32.

179. Кириллова, Е. О. Поэт Венедикт Март (Матвеев) – Владивостокский модернист / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР : материалы междунар. форума. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2016d. – С. 111–124.

180. Кириллова, Е. О. Пути развития русской литературы на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. как особый историко-литературный период / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники : сборник материалов Международной научной конференции (г. Владивосток, 23–24 октября 2018 г.). – Владивосток : Изд-во института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2018. – С. 172–180.

181. Кириллова, Е. О. Русская футуристическая поэзия на дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кириллова Елена Олеговна ; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2007. – 258 с. – Текст : непосредственный.

182. Кириллова, Е. О. Серебряный век дальневосточной поэзии и «чудесный ребенок непогибшей богемы: владивостокско-харбинские стихи Сергея Алымова / Е. О. Кириллова. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8 : Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021. – С. 108–132.

183. Китай восстал : рассказы и очерки. – Москва : Изд-во ЦК МОПР, 1927. – 48 с. – Текст : непосредственный.

184. Китай. Политико-экономические и географические очерки. – Чита : Изд. Политуправления 5-й отд. Краснознаменной армии, 1923. – 204 с. – Текст : непосредственный.

185. Китайская корниловщина. – Текст : непосредственный // Рабочая Москва. – 1927. – 17 апр. – С. 1.
186. Кожина, Н. А. В поисках гармонии. О заглавиях в лирике / Н. А. Кожина. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1986. – № 6. – С. 45–50.
187. Кожин, В. В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк / В. В. Кожин. – Москва : Советский писатель, 1963. – 439 с. – Текст : непосредственный.
188. Колесов, А. В. Поэты и прозаики Харбина. Русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX века / А. В. Колесов, Дяо Шаохуа. – Текст : непосредственный // Россия и АТР. – 2002. – № 2(36). – С. 90–101.
189. Кондратенко, Б. Б. Характер японской военной интервенции на дальнем Востоке 1918–1922 гг. / Б. Б. Кондратенко. – Текст : непосредственный // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – № 19. – С. 124–130.
190. Конрад, Н. И. Очерки японской литературы / Н. И. Конрад. – Москва : Худ. лит., 1973. – 463 с. – Текст : непосредственный.
191. Коньшина, Н. Д. Влияние японской культуры на литературу и живопись России конца XIX – начала XX вв. : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Коньшина Наталия Дмитриевна ; Саратовский государственный технический университет. – Саратов, 2006. – 201 с. – Текст : непосредственный.
192. Корниенко, Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики / Н. В. Корниенко. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 504 с. – Текст : непосредственный.
193. Король Солнца (Впечатления поездки в Японию. Лекция К. Бальмонта). – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916. – 15 нояб. (№ 3105). – С. 2.
194. Корсаков, В. В. Пять лет в Пекине. Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев / В. В. Корсаков. – Санкт-Петербург : Тип. Санкт-Петербургского

товарищества печатн. и изд. дела «Труд», 1902. – 184 с. – Текст : непосредственный.

195. Кочарьянц, Г. Индия / Г. Кочарьянц. – Москва : Молодая гвардия, 1930. – 62 с. – Текст : непосредственный.

196. Красноярова, А. А. «Китайский текст» русской литературы: специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Красноярова Анна Александровна ; Пермский государственный национальный исследовательский политехнический университет. – Пермь, 2019. – 296 с. – Текст : непосредственный.

197. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – Москва : Сов. энцикл., 1962–1978. – Текст : непосредственный.

198. Кропоткин, Д. От устья Тунгуски до сопки Каутырь / Д. Кропоткин. – Текст : непосредственный // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. – Владивосток, 1896. – Т. 5, вып. 1. – С. 1–21.

199. Крусанов, А. В. Владивосток / А. В. Крусанов. – Текст : непосредственный // Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор) : в 3 т. Т. 2. Кн. 2 : Футуристическая революция (1917–1921). – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 404–437.

200. Крыжанская (Землянская), К. А. Религии Китая в художественном пространстве сборника А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии» / К. А. Крыжанская. – Текст : непосредственный // Дальний Восток России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы международной научно-практической конференции. – Благовещенск : Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2010. – Ч. 2. – С. 138–141.

201. Куликова, Е. Ю. «Китайская акварель» Николая Гумилева, Валерия Перелешина и Александра Вертинского / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 126–130.

202. Куликова, Е. Ю. Китайский топос в лирике харбинского поэта Алексея Ачаира / Е. Ю. Куликова. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования : материалы VIII международ. науч. конф. «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, ИМЛИ РАН. 11–12 ноября 2021 г.). – 2021. – Т. 16. – С. 153. – URL : <http://www.nrgumis.ru/articles/2166/> (дата обращения: 19.01.2022).

203. Лакоба, С. З. Хлебников и Азия / С. З. Лакоба. – Текст : непосредственный // Лакоба С. З. Из века в век : историко-культурные очерки. – Сухум, 2022. – С. 271–281.

204. Лебедева, Н. А. Жанровые особенности прозы Северо-Восточного Китая первой половины XX века / Н. А. Лебедева. – Текст : непосредственный // Проблемы литератур Дальнего Востока : сборник трудов конф. : в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А. А. Родионов, А. Г. Сторожук, Чжэнь-Ган Ц. – Санкт-Петербург : НП-принт, 2018. – С. 313–321.

205. Левченко, А. А. Образы китайцев в раннем творчестве В. Марта / А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2013. – Вып. 29. – С. 55–61.

206. Левченко, А. А. Этнические миграции и социокультурные реалии Северной Маньчжурии в первой половине XX в. (В. Март. Цикл «Желтые рабыни») / А. А. Левченко, А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 337–351.

207. Левченко, А. А. Отражение опыта межкультурных контактов в художественном творчестве писателей Дальнего Востока (Венедикт Март «За голубым трепангом») / А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Диалог культур

Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации : сборник науч. статей. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 249–252.

208. Левченко, А. А. Революционный Китай в восприятии советского читателя (В. Март) / А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015а. – С. 249–258.

209. Левченко, А. А. Революционный Китай глазами ребенка: о повести Венедикта Марта «Речные люди» / А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2014. – Вып. 32. – С. 65–72.

210. Левченко, А. А. Социокультурные трансформации 1920–1930 гг. в СССР в восприятии Венедикта Марта: к истории публикации архива писателя / А. А. Левченко, И. А. Дябкин. – Текст : непосредственный // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 283–297.

211. Левченко, А. А. Традиционная культура коренных народов Дальнего Востока в художественном творчестве: свадебный обряд гольдов в рассказе В. Марта «Дэрэ – водяная свадьба» / А. А. Левченко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы V междунар. науч.-практ. конференции / Отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов, Н. В. Киреева. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2015b. – С. 59–61.

212. Левченко, А. А. Художественная этнография В. Марта: образы китайцев в прозе 1920-х гг. / А. А. Левченко, А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10 : Этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – С. 219–237.

213. Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / Сб. А. А. Мисюрева ; предисл. М. К. Азадовского. – Новосибирск : Новосибиргиз, 1940. – 228 с. – Текст : непосредственный.

214. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева, И. В. Киричков, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал, С. С. Ловошко, Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Я. В. Зиненко, К. А. Землянская, В. Н. Абеленцев ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – 186 с. – Текст : непосредственный.

215. Ли, Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова: роман «Дэн Ши-хуа» / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6 : К 70-летию профессора В. В. Агеносова : сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. – С. 237–250.

216. Ли, Иннань. Китайцы и природа: о некоторых особенностях китайской ментальности / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10 : Этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – С. 39–50.

217. Ли, Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Русская литература XX в. Итоги и перспективы изучения : сборник науч. трудов, посвящ. 60-летию проф. В. В. Агеносова. – Москва : Советский спорт, 2002. – С. 271–285.

218. Ли, Иннань. Русские и китайцы: Образ «другого» / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 : Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сборник материалов международной научно-практ. конференции / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 140–147.

219. Липский, А. Н. Гольды... И. А. Лопатина. Критический обзор части книги / А. Н. Липский. – Владивосток : Тип. ГДУ, 1925. – 54 с. – Текст : непосредственный.

220. Литература русских эмигрантов в Китае : в 10 т. Т. 2 : Паровозы гудят у Цицикара / Соб. и сост. Ли Янлен. – Пекин : Китайская молодежь, 2005. – 709 с. – Текст : непосредственный.

221. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь : хрестоматия : в 4 т. Т. 1. Проза : в 3 ч. Ч. 2 (Л–П) / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой ; вступ. ст. А. А. Забияко ; биобиблиограф. ст. Г. В. Эфендиевой ; подгот. текстов И. А. Дябкина, А. А. Забияко, К. А. Землянской, Р. В. Поливан, Г. В. Эфендиевой, А. А. Юрьевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – 428 с. – Текст : непосредственный.

222. Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н. Ф. Чужака. – Москва : Федерация, 1929. – 272 с. – Текст : непосредственный.

223. Личковах, В. А. Искусство и литература как художественная этнокультурология / В. А. Личковах. – Текст : непосредственный // Культура как вид человеческого бытия и познания : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Науч. ред. В. И. Полищук ; отв. ред. Л. А. Огородникова. – Ишим : Изд-во филиала «ТюмГУ», 2015. – С. 136–143.

224. Лобычев, А. М. На краю русской речи : статьи, рецензии, эссе / А. М. Лобычев. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2007. – 336 с. – Текст : непосредственный.

225. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования / И. А. Лопатин. – Владивосток : Тип. Управления внутр. дел, 1922. – 366 с. – Текст : непосредственный.

226. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 385 с. – Текст : непосредственный.

227. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. – Москва : Восток-Запад ; АСТ, 2007. – 598 с. – Текст : непосредственный.

228. Львов, К. На почве поэзии и наркоза. Жизнетворчество Венедикта Марта / К. Львов. – Текст : электронный // Радио Свобода. – 2020. – 15 июня. –

URL : <https://www.svoboda.org/a/30652480.html#comments> (дата обращения: 20.03.2021).

229. Львов, К. Поэт с календарной фамилией. О литературном наследии Венедикта Марта / К. Львов, А. Устинов. – Текст : непосредственный // Знамя. – 2020. – № 9. – С. 183–193.

230. Маак, Р. К. Путешествие по долине реки Уссури: совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Р. Маак : в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1861. – 204 с. – Текст : непосредственный.

231. Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества в 1855 году Р. Мааком / Р. Маак. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1859. – 577 с. – Текст : непосредственный.

232. Макарова, Е. А. Футуристический сборник Дальнего Востока (художественно-стилевой и издательский аспект) / Е. А. Макарова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 72–86.

233. Максимович, К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения / К.И. Максимович. – Текст : непосредственный // Записки Императорской академии наук. Приложение. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1862. – Т. 2. – С. 1–90.

234. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – Москва : Астрель, 2000. – 632 с. – Текст : непосредственный.

235. Маркова, С. Д. Китайская поэзия в период национально-освободительной войны. 1937–1945 / С. Д. Маркова. – Москва : Изд-во вост. лит., 1958. – 139 с. – Текст : непосредственный.

236. Март, В. Дайте мне мои рукописи (письмо в редакцию) / В. Март. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921а. – 21 марта (№ 58). – С. 2.

237. Матвеев (Март) Венедикт Николаевич (брат). Стихотворения 1913–1915, 1917, 1918, 1920, 1921, 1923 // Хабаровский краевой краеведческий музей

им. Н. И. Гродекова. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1224. – 121 л. – Текст : непосредственный.

238. Матвеев (Март) Венедикт Николаевич. Рассказы, очерки, статьи из газет, черновые записи о нем // Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1225. – 56 л. – Текст : непосредственный.

239. Матвеев-Бодрый Н. Н.: писатель, лектор, краевед Сибири и Дальнего Востока // Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. – Ф. 10. – Текст : непосредственный.

240. Матиас. Фудзядян. Очерки жизни и быта. Очерк 3-й / Матиас. – Текст : непосредственный // Дальневосточное время. – Харбин, 1922. – 1 июня (№ 27). – С. 3.

241. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – Москва : Наука, 1991. – 319 с. – Текст : непосредственный.

242. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в Китае, 1917–1924 гг. / Г. В. Мелихов. – Москва : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 248 с. – Текст : непосредственный.

243. Мещеряков, А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – Москва : Наталис, 2008. – 556 с. – Текст : непосредственный.

244. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири, с прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / А. Мичи. – Санкт-Петербург : Изд. М.О. Вольфа, 1868. – 353 с. – Текст : непосредственный.

245. Моргун, З. Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) / З. Ф. Моргун. – Текст : непосредственный // Известия Восточного института. – Владивосток, 1996. – №3. – С. 90–108.

246. Нав. На грядках грядущего / Нав. – Текст : непосредственный // Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 30(17) мая (№ 335). – С. 3.

247. Народное творчество Южного Урала / Зап. И. С. Зайцев ; ред. и предисл. В. М. Сидельникова. – Челябинск, 1948. – Вып. 1. – 54 с. – Текст : непосредственный.

248. Насонов, Н. М. Китай / Н. М. Насонов. – Москва : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929. – 40 с. – Текст : непосредственный.
249. Несмелов, А. О себе и о Владивостоке / А. Несмелов. – Текст : непосредственный // Несмелов А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 : Рассказы и повести. Мемуары. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2006. – С. 642–659.
250. Николаев. Венедикт Март (К десятилетию литературной деятельности / Николаев. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920. – 25 марта (№ 204). – С. 4.
251. Ольденбург, С. Ф. Культура Индии / С. Ф. Ольденбург ; сост. И. Ю. Крачковский. – Москва : Наука, 1991. – 277 с. – Текст : непосредственный.
252. Орнберг, Э. Как гадают китайцы / Э. Орнберг. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1916. – 25 дек. (№ 3144). – С. 6.
253. Пан, Хван Дю. Этнография Кореи / Пан Хван Дю. – Пхеньян : Изд-во литературы на иностранных языках, 1990. – 121 с. – Текст : непосредственный.
254. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет / Ред. И. К. Луппол, М. М. Розенталь, С. М. Третьяков. – Москва : Худ. лит., 1934. – 720 с. – Текст : непосредственный.
255. Переписка Матвеева (Марта) В. Н. с сыном, родственниками. 1915, 1916, 1922, 1927–1929, 1931, 1933, 1934, 1936 // Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1226. – 64 л. – Текст : непосредственный.
256. Перцов, В. История и беллетристика / В. Перцов. – Текст : непосредственный // Новый ЛЕФ. – 1928. – № 8. – С. 17–24.
257. Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. ИONOва / Предисл. и ред. В.М. Сидельникова. – Сталино, 1960. – 345 с. – Текст : непосредственный.
258. Петрук, А. В. Китайский квартал как экономическое явление и часть культурной среды г. Владивостока / А. В. Петрук. – Текст : непосредственный // Известия Восточного института. – 2011. – № 2. – С. 113–124.
259. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 960 с. – Текст : непосредственный.

260. Попков, Ю. В. Коренные народы Севера в условиях глобализации / Ю. В. Попков. – Текст : непосредственный // Век глобализации. – 2014. – № 1(13). – С. 111–123.
261. Попов, А. Д. Краткий путеводитель по Японии / А. Д. Попов. – Владивосток : Изд. Н. П. Матвеева, 1912. – 87 с. – Текст : непосредственный.
262. Поэзия русского футуризма / Под ред. В. Н. Сажиного ; сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. – 750 с. – Текст : непосредственный.
263. Прасол, А. Ф. Япония. Лики времени / А. Ф. Прасол. – Москва : Наталис, 2008. – 360 с. – Текст : непосредственный.
264. Приамурье. – Хабаровск, 1919. – 17 окт. // Государственный архив Приморского края. – Текст : непосредственный.
265. Пронников, В. А. Японцы / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – Москва : ВиМ, 1996. – 400 с. – Текст : непосредственный.
266. Пропп, В. Морфология волшебной сказки / В. Пропп. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
267. Проскурина, Е. Н. Традиция древней китайской поэзии в стихотворном цикле Бориса Волкова «Дракон, пожирающий солнце» / Е. Н. Проскурина. – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2023. – № 1(52). – С. 79–95.
268. Проскурина, Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова / Е. Н. Проскурина. – Текст : непосредственный // Сюжетология и сюжетография. – 2021. – № 1. – С. 264–280.
269. Пузырев, В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.) (Идейно-тематические и стилевые особенности) : специальность 10.640 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Пузырев Владимир Григорьевич ; Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – Москва, 1972. – 340 с. – Текст : непосредственный.

270. Пузырев, В. Г. Футуристы на Дальнем Востоке / В. Г. Пузырев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Ульяновского педагогического института. Серия: Вопросы истории литературы. – Ульяновск, 1968. – Т. XXI. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 61–90.
271. Рабочая Москва. – 1927. – 22 марта. – С. 1. – Текст : непосредственный.
272. Рацул. Экспедиция вверх по р. Иман в 1906 г. / Рацул. – Текст : непосредственный // Великий Океан. – Владивосток, 1918. – № 11–12. – С. 69–97.
273. Рослый, К. Золото дорожное (к десятилетию литературной деятельности 27 марта 1920 г. Венедикта Марта посвящаю) / К. Рослый. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920. – 28 марта (№ 207). – С. 3.
274. Руки прочь от Китая. – Москва : Гос. изд-во, 1924. – 32 с. – Текст : непосредственный.
275. Русская поэзия Китая : антология / Сост. В. П. Крейд, О.М. Бакич. – Москва : Время, 2001. – 720 с. – Текст : непосредственный.
276. Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 364 с. – Текст : непосредственный.
277. Русский поэт, журналист ищет работы. – Текст : непосредственный // Свет. – Харбин, 1921. – № 685.
278. Садокова, А. Р. «Первая волна» японского реализма: новые темы в литературе / А. Р. Садокова. – Текст : непосредственный // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – № 4(70). – Ч. 2. – С. 36–39.
279. Сапанжа, О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х гг. / О. С. Сапанжа. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – № 4(37). – С. 22–27.
280. Сарбаш, Л. Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: проблематика и поэтика : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических

наук / Сарбаш Людмила Николаевна ; Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. – Москва, 2013. – 516 с. – Текст : непосредственный.

281. Сенина, Е. В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов / Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018а. – № 1. – С. 145–153.

282. Сенина, Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сенина Екатерина Владимировна ; Российский государственный университет дружбы народов. – Москва, 2018b. – 246 с. – Текст : непосредственный.

283. Сен-Катаяма. Япония / Сен-Катаяма. – Москва : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 22 с. – Текст : непосредственный.

284. Сибирские сказы, предания, легенды. Сборник А. Мисюрева / После сл. Н. А. Каргаполова. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. – 231 с. – Текст : непосредственный.

285. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Москва : Наука, 1987. – 448 с. – Текст : непосредственный.

286. Слободчиков, В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В. А. Слободчиков. – Москва : ЗАО «Центрполиграф», 2005. – 431 с. – Текст : непосредственный.

287. Словарь литературоведческих терминов / Авт.-сост. И. А. Книгин. – Саратов : Лицей, 2006. – 270 с. – Текст : непосредственный.

288. Смоляк, А. В. Нанайцы / А. В. Смоляк. – Текст : непосредственный // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. – Москва : Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 365–366.

289. Смоляк, А. В. Свадебная обрядность: Нанайцы. Ульчи. Нивхи. Похоронная обрядность: Нанайцы. Ульчи. Негидальцы. Орочи. Удэгейцы. Нивхи /

А. В. Смоляк. – Текст : непосредственный // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения / Отв. ред. И. С. Гурвич. – Москва : Наука, 1980. – С. 61–69.

290. Снесарев, А. Е. Этнографическая Индия / А. Е. Снесарев. – Москва : Наука, 1981. – 279 с. – Текст : непосредственный.

291. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с. – Текст : непосредственный.

292. Спешнев, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. – Санкт-Петербург : КАРО, 2012. – 336 с. – Текст : непосредственный.

293. Сто лет поэзии Приморья : антология / Сост. В. М. Тыцких, С. Ф. Крившенко, А. В. Колесов. – Владивосток : Уссури, 1998. – 296 с. – Текст : непосредственный.

294. Сулейменова, А. М. Деятельность литераторов Матвеевых как страница истории искусства стран АТР / А. М. Сулейменова. – Текст : непосредственный // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы / Гл. ред. Е. А. Стародумова. – Владивосток : ДВГУ, 2010. – № 1. – С. 7–11.

295. Сулейменова, А. М. Япония глазами российских поэтов / А. М. Сулейменова. – Текст : непосредственный // Япония и современный мир: литературные связи и типология / Сост. и отв. ред. Т. И. Бреславец. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. – С. 122–137.

296. Сулейменова, А. Япония глазами российских поэтов-иммигрантов – от увлечения японской сказкой к глубокому анализу / А. Сулейменова. – Текст : электронный // Улитка: интернет-журнал поэзии хайкай. – 2013. – № 2(9). – нояб. – С. 71–79. – URL: <https://www.calameo.com/read/00129475128177fbed53e> (дата обращения: 14.08.2023).

297. Сулейменова, А. М. Перекрестки судеб. Русские поэты в Японии и японские поэты в России / А. М. Сулейменова. – Текст : непосредственный //

Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. – 2007. – № 14. – С. 138–151.

298. Сухих, И. Н. Структура и смысл. Теория литературы для всех / И. Н. Сухих. – Москва : КоЛибри, 2023. – 640 с. – Текст : непосредственный.

299. Сычев, В. Л. Портрет и палиндром китайской поэтессы IV века Су Жолань в собрании Государственного музея Востока / В. Л. Сычев. – Текст : непосредственный // Вестник истории, литературы, искусства : альманах / Гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин; И. Х. Урилов. – Москва : Собрание, 2005. – Т. 1. – С. 423–433.

300. Тангаева, Н. И. М. Н. Макаров и становление литературного этнографизма в России 1800–1840-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» ; диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тангаева Наталья Ивановна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.

301. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 272 с. – Текст : непосредственный.

302. Тесли, М. «Свисают выблюдки-слова»: жизнь и смерть футуриста Венедикта Марта / М. Тесли. – Текст : электронный // Горький. – 2020. – 2 марта. – URL: <https://gorky.media/reviews/svisayut-vyblyudki-slova-zhizn-i-smert-futurista-venedikta-marta/> (дата обращения: 22.04.2022).

303. Титова, Л. В. Мне казалось, мы будем жить на свете вечно... (Из воспоминаний об Иване Елагине) / Л. В. Титова ; сост. Р. Заславский. – Киев : Созвучие, 1995. – 70 с. – Текст : непосредственный.

304. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 : П–Р / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 с. – Текст : непосредственный.

305. Трагедия Феникса и Колокольчика. Страничка фудзядянской экзотики. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921. – 1 дек. (№ 266). – С. 5.

306. Третьяков, С. Дэн Ши-хуа : био-интервью / С. М. Третьяков. – Москва : Молодая гвардия, 1930. – 392 с. – Текст : непосредственный.
307. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2008. – 336 с. – Текст : непосредственный.
308. Уголовное дело № 642 по обвинению Матвеева В. Н. (начато 11 июня 1937 г., окончено 11 августа 1937 г.) / Отв. ред. М. Тесли. – Санкт-Петербург : Тэслит, 2020. – 44 с. – Текст : непосредственный.
309. Устинов, А. «Поэт Сентябрь», или подступы к Венедикту Марту / А. Устинов. – Текст : непосредственный // Звезда. – 2020. – № 9. – С. 197–218.
310. Фадеев, А. А. Последний из удэге / А. А. Фадеев. – Москва : Сов. писатель, 1957. – 484 с. – Текст : непосредственный.
311. Фадеева, Е. В. Женщина в традиционной свадебной обрядности коренных народов Нижнего Амура / Е. В. Фадеева. – Текст : непосредственный // Siberian Studies. – 2015. – № 3. – С. 1–16.
312. Федоров, М. Япония и японцы. Страна, религиозный, государственный, общественный и домашний быт японцев : очерк / М. Федоров. – Санкт-Петербург : Изд. П. П. Сойкина, 1905. – 170 с. – Текст : непосредственный.
313. Федосеев, Г.А. Смерть меня подождет / Г. А. Федосеев. – Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. – 512 с. – Текст : непосредственный.
314. Федотов, О. И. Основы теории литературы : в 2 ч. / О. И. Федотов. – Москва : Владос, 2003. – Текст : непосредственный.
315. Фокеев, А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития : специальность 10.01.01 «Русская литература» ; диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фокеев Александр Леонидович ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2004а. – 516 с. – Текст : непосредственный.

316. Фокеев, А. Л. Этнографическое направление как типологическое явление русского литературного процесса / А. Л. Фокеев. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2004b. – № 9. – С. 162–163.
317. Фрейберг, Е. Н. Бойё / Е. Н. Фрейберг. – Ленинград : Детгиз, 1963. – 20 с. – Текст : непосредственный.
318. Фудзядян. Очерки жизни и быта. – Текст : непосредственный // Дальневосточное время. – Харбин, 1922. – 10 мая (№ 9). – С. 5.
319. Хисамутдинов, А. А. Жизнь за книгу / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Дальнаука, 2019. – 264 с. – Текст : непосредственный.
320. Хисамутдинов, А. А. О чем рассказали китайские львы: К истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А. А. Хисамутдинов ; под ред. Г. П. Турмова. – Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2009. – 160 с. – Текст : непосредственный.
321. Хисамутдинов, А. А. Общество русский ориенталистов (Харбин) / А. А. Хисамутдинов. – Текст : непосредственный // Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 99–111.
322. Хисамутдинов, А. А. Русские волны на Тихоокеане: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Рубеж, 2013. – 640 с. – Текст : непосредственный.
323. Хроника культуры (с анонсом выхода книги В. Марта «Пустынины песчинки», со вступительной статьей художника Левитана). – Текст : непосредственный // Вперед. – Харбин, 1921. – 5 февр. (№ 274). – С. 5.
324. Хроника культуры. Переселение поэтов. – Текст : непосредственный // Вперёд. – Харбин, 1920a. – 4 нояб. (№ 203). – С. 5.
325. Хроника культуры. Субботник новой поэзии. – Текст : непосредственный // Вперед. – Харбин, 1920b. – 18 нояб. (№ 214). – С. 3.

326. Цмыкал, О. Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен / О. Е. Цмыкал. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2021. – № 1. – С. 124–135.

327. Чудакова, М. О. Литература советского прошлого / М. О. Чудакова. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 469 с. – Текст : непосредственный.

328. Шадрина, А. М. Особенности исторического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (1917–1991 гг.) / А. М. Шадрина. – Текст : непосредственный // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : материалы междунаро. научно-практ. конф., посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. – Хабаровск : Дальневосточный юридический ин-т МВД Российской Федерации, 2018. – С. 180–182.

329. Швейгер-Лерхенфельд, А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара / А. Ф. Швейгер-Лерхенфельд ; пер. с нем. М. И. Мерцаловой. – Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Девриена, 1885. – 688 с. – Текст : непосредственный.

330. Шимкевич, П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П. П. Шимкевич; под ред. М.Я. Сибирцева. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. – 135 с. – Текст : непосредственный.

331. Шимкевич, П. П. Обычаи, поверья и предания гольдов / П. П. Шимкевич. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / Под ред. Н. А. Янчука. – 1897а. – № 3. – С. 135–147.

332. Шимкевич, П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия / П. П. Шимкевич. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / Под ред. Н. А. Янчука. – 1897б. – № 3. – С. 1–20.

333. Шкуркин, П. В. Хунхузы. Рассказы из китайского быта / П. В. Шкуркин. – Харбин : Типо-литограф. тов. «Озо», 1924. – 138 с. – Текст : непосредственный.
334. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края : в 3 т. / Л. И. Шренк. – Санкт-Петербург : Тип. Импер. Акад. наук, 1883–1903. – Текст : непосредственный.
335. Штейнберг, Е. Индия / Е. Штейнберг ; под ред. Т. Паскаля. – Москва : Новая Москва, 1925. – 108 с. – Текст : непосредственный.
336. Штейнер, Е. С. Приближение к Фудзияме / Е. С. Штейнер. – Москва : Слово, 2011. – 360 с. – Текст : непосредственный.
337. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны : статьи и материалы / Л. Я. Штернберг ; под ред. Я. П. Алькора. – Хабаровск : Дальгиз, 1933. – 740 с. – Текст : непосредственный.
338. Штернберг, Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Л. Я. Штернберг ; под ред. Я. П. Алькора. – Ленинград, 1936. – 572 с. – Текст : непосредственный.
339. Щербаков, М. Одиссеи без Итаки. Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / М. Щербаков. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2011. – 480 с. – Текст : непосредственный.
340. Эрикссон, Э. В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям / Э. В. Эрикссон. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 1(231). – С. 174–211.
341. Эртнер, Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века / Е. Н. Эртнер. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. – 211 с. – Текст : непосредственный.
342. Эткинд, Е. Проза о стихах / Е. Эткинд. – Санкт-Петербург : Знание, 2001. – 448 с. – Текст : непосредственный.
343. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Юань Кэ ; пер. с кит. Б. Л. Рифтина. – Москва : Наука, 1987. – 527 с. – Текст : непосредственный.

344. Яковлева, О. А. Роль Российского Дальнего Востока в евроазиатской политике во второй половине XIX – начале XX в. / О. А. Яковлев. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. – № 3. – С. 102–111.

345. Ян, Липин. Рецепция китайской культуры в русской литературе для детей (1920-е годы) : специальность 10.01.01 «Русская литература» ; диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ян Липин ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2020. – 224 с. – Текст : непосредственный.

346. Яроцкая, Ю. А. Творчество В. К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы : специальность 10.01.01 «Русская литература» ; диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Яроцкая Юлия Александровна ; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2005. – 187 с. – Текст : непосредственный.

347. Jacobs, D. N. Borodin – Stalin's man in China / D. N. Jacobs. – Massachusetts : Harvard University Press, 1981. – 381 p.

348. Pageaux, D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle / D.-H. Pageaux // Synthesis. – Bucarest, 1981. – № VIII. – P. 169–185.

349. Yokota-Murakami, T. The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East / T. Yokota-Murakami // Primerjalna knjizevnost – Ljuljana. – 2009. – Vol. 32. – P. 123–135.

350. 事死如生：殡葬伦理与中国文化 / 王计生主编. – 上海 : 百家出版社, 2002. – 343 页. [Смерть как жизнь: похоронная этика и китайская культура / Под ред. Ван Цзишэна. – Шанхай : Изд-во Байцзя, 2002. – 343 с. – Текст : непосредственный].

351. 刘自兵. 中国历史时期鸬鹚渔业史的几个问题 / 刘自兵 // 古今农业. – 2012. – № 4. – 页. 41–47 [Лю Цзыбинь. Некоторые вопросы промысла бакланов в истории Китая / Лю Цзыбинь. – Текст : непосредственный // Древнее и современное сельское хозяйство. – 2012. – № 4. – С. 41–47].

352. 吕娇指. 满-通古斯语族动物神话研究 / 吕娇指. – 吉林, 2015. – 50 页. [Лу Цзяо. Исследование мифологии животных у тунгусо-маньчжурских народов / Лу Цзяо. – Цзилинь, 2015. – 50 с. – Текст : непосредственный].

353. 张印栋. 中国俗语谚语大全 / 张印栋. – 中州 : 古籍出版社, 1999. – 1620 页. [Чжан Индун. Энциклопедия китайских пословиц и поговорок / Чжан Индун. – Чжунчжоу : Изд-во древних книг, 1999. – 1620 с. – Текст : непосредственный].

354. 新华字典. – 北京 : 商务印书馆, 2001. – 1390 页. [Словарь иероглифов Синьхуа. – Пекин : Коммерческая пресса, 2001. – 1390 с. – Текст : непосредственный].

355. 汉语字典新编 / 邓家智主编; 王朋副主编. – 长沙: 湖南出版社, 1993. – 524 页. [Новый китайский словарь / Под ред. Дэн Цзячжи, Ван Пэн. – Чанша : Изд-во Хунань, 1993. – 524 с. – Текст : электронный]. – URL: <https://mzidian.qianp.com/> (дата обращения: 07.04.2024).

356. 祁连休. 中国传说故事大词典 / 祁连休, 肖莉. – 北京 : 中国文联出版社, 1992. – 906 页. [Ци Ляньсю. Словарь китайских легенд и историй / Ци Ляньсю, Сяо Ли. – Пекин : Изд. дом Китайской федерации литературы и искусства, 1992. – 906 с. – Текст : непосредственный].

357. 袁珂. 华夏民族的传说与神话 / 袁珂. – 成都 : 四川人民出版社, 2019. – 992 页. [Юань Кэ. Легенды и мифы китайской нации / Юань Кэ. – Чэнду : Народное изд-во провинции Сычуань, 2019. – 992 с. – Текст : непосредственный].

358. Март, В. В чайном домике / В. Март. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917а. – 28(15) авг. (№ 3342). – С. 3.
359. Март, В. В японском мешке / В. Март. – Текст : непосредственный // Швейник. – 1927а. – № 3. – С. 36–39.
360. Март, В. Долг покойного / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920а. – 28 марта (№ 207). – С. 3.
361. Март, В. Дэрэ – водяная свадьба / В. Март ; илл. О. Верейского. – Текст : непосредственный // Вокруг света. – 1934а. – № 4.
362. Март, В. Дэрэ – водяная свадьба : рассказ / В. Март. – Киев : Коммуна писателей, 1932. – 39 с. – Текст : непосредственный
363. Март, В. Желтые рабыни / В. Март. – Текст : непосредственный // Копейка. – Харбин, 1923. – № 123, 124, 126, 159 и др.
364. Март, В. За что китайцы ценят тигра / В. Март. – Текст : непосредственный // Охотник. – 1927b. – № 4.
365. Март, В. Из книги «Русь – кровь моя» (черновые попытки поэмы «Пленная Русь» / В. Март. – Текст : непосредственный // Вперед. – Харбин, 1920b. – 12 дек. (№ 234). – С. 4.
366. Март, В. Из сборника «Лепестки сакуры» : стихи / В. Март ; публ. Н. П. Гребенюковой. – Текст : непосредственный // Записки Гродековского музея. Вып. 29. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2013. – С. 94–98.
367. Март, В. Изумрудные черви : поэма / В. Март ; илл. М. Аветова. – Владивосток, 1919а. – 7 с. – Текст : непосредственный.
368. Март, В. Искусство и жизнь / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919b. – 27 апр. (№ 45). – С. 6.
369. Март, В. Истории моей смерти. Мартелии / В. Март. – Владивосток : Хай-шин-вей, 1918а. – 7 с. – Текст : непосредственный.
370. Март, В. К открытию рабочего университета в г. Харбине / В. Март. – Текст : непосредственный // Вперед. – Харбин, 1920с. – 12 нояб. (№ 209). – С. 4.

371. Март, В. Как хлеб – Мария / В. Март. – Текст : непосредственный // Лель. – Владивосток, 1919с. – 23 нояб. (№ 2). – С. 1.
372. Март, В. Лапа Мин-дзы / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920d. – 4 февр. (№ 168). – С. 4.
373. Март, В. Лепестки Сакуры. Танки и хокку / В. Март. – Текст : непосредственный // Март В., Безе. Лепестки Сакуры. Письма Японской Мусмэ. – Владивосток : Свободная Россия, 1919d. – С. 26–34.
374. Март, В. Маленькая прядильщица / В. Март. – Текст : непосредственный // Юный пролетарий. – 1928. – № 3.
375. Март, В. Маньчжурская быль / В. Март. – Текст : непосредственный // Юный пролетарий. – 1929b. – № 22.
376. Март, В. Мизинцы / В. Март. – Текст : непосредственный // Русский голос. – Харбин, 1921b. – 2 июля. (№ 287). – С. 5.
377. Март, В. На Амурском заливе / В. Март. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917b. – 12 авг. (30 июля) (№ 3328). – С. 3.
378. Март, В. На живом теле Китая / В. Март. – Текст : непосредственный // Путь МОПРа. – 1926. – 1–15 дек. (№ 23). – С. 4.
379. Март, В. На праздничном досуге / В. Март. – Текст : непосредственный // Русский голос. – Харбин, 1921с. – 2 июля (№ 287). – С. 5.
380. Март, В. Песенцы / В. Март. – Владивосток : Хай-шин-вей, 1917d. – 24 с. – Текст : непосредственный.
381. Март, В. Песенцы / В. Март. – Текст : непосредственный // Далекая окраина. – Владивосток, 1917с. – 19 авг. (№ 3335). – С. 3.
382. Март, В. Песенцы. Китайские этюды. Стихи. – Харбин : Камень, 1922. – 14 с. – Текст : непосредственный.
383. Март, В. Почтовая марка / В. Март. – Текст : непосредственный // Ленинград. – 1924. – 12 марта (№ 5(21)). – С. 25–28.
384. Март, В. Поэт-партизан / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920е. – № 207. – 28 марта. – С. 3.

385. Март, В. Рассказы о Востоке : сборник / В. Март. – Текст : непосредственный // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – 93 л.
386. Март, В. Русь – кровь моя : рукописный сборник [Владивосток, 1918b. – 22 с.] / В. Март. – Текст : непосредственный // Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1224. – Л. 34–53.
387. Март, В. Синий благовест. Россия без «Ъ» / В. Март. – Харбин, 1921d. – 14 с. – Текст : непосредственный.
388. Март, В. Склепка Тянь-ши-нэ / В. Март. – Текст : непосредственный // Всемирная панорама. – 1916а. – 22 апр. (№ 366-17).
389. Март, В. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Великий град трепангов / В. Март ; сост. С. Шаргородский, А. Степанов. – Б.м. : Salamandra P.V.V., 2020a. – 350 с. – Текст : непосредственный.
390. Март, В. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 : Склепка Тянь-ши-нэ / В. Март ; сост. С. Шаргородский, А. Степанов. – Б.м. : Salamandra P.V.V., 2020b. – 228 с. – Текст : непосредственный.
391. Март, В. Стихи / В. Март ; отв. ред. М. Тесли. – Санкт-Петербург : Тэслит, 2020с. – 260 с. – Текст : непосредственный.
392. Март, В. Стихи / В. Март ; публ. Н. П. Гребенюковой // Рубеж. – Владивосток, 1998. – № 3(865). – С. 225–230.
393. Март, В. Танки. Поэтам / В. Март. – Текст : непосредственный // Лель. – Владивосток, 1919е. – 19 дек. (№ 6). – С. 3.
394. Март, В. Тигровьи чары / В. Март. – Владивосток : Эхо, 1920f. – 20 с. – Текст : непосредственный.
395. Март, В. Токийские наброски. И – он!.. (Под ритм дождя) / В. Март. – Текст : непосредственный // Великий Океан. – Владивосток, 1918с. – № 6. – С. 20–21.
396. Март, В. Три солнца. Истории моей смерти : поэма / В. Март. – Харбин : Садарико, 1921е. – 3 с. – Текст : непосредственный.

397. Март, В. Фудзядяна / В. Март. – Текст : непосредственный // Рудин : журнал. – 1916b. – № 8. – С. 5.
398. Март, В. Хитокои / В. Март. – Текст : непосредственный // Юный пролетарий. – 1929с. – № 11.
399. Март, В. Цикл «Желтые рабыни» / В. Март ; публ. А. А. Левченко, А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 339–351.
400. Март, В. Черный дом / В. Март. – Владивосток : Хай-шин-вей, 1918d. – 29 с. – Текст : непосредственный.
401. Март, В. Я хочу снега / В. Март. – Текст : непосредственный // Всемирная панорама. – 1916с. – 8 янв. (№ 351-2).
402. Март, В. Яд за яд / В. Март. – Текст : непосредственный // Вокруг света. – 1934b. – № 3.
403. Март, В. Белка в пустыне. Из цикла «Сказки для сердца» / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1920g. – 20 февр. (№ 180). – С. 2.
404. Март, В. Дракон комсомольца Ли-Хуна / В. Март. – Текст : непосредственный // Юный пролетарий. – 1929а. – № 8.
405. Март, В. Фаин / В. Март ; Г. Эльф. – Владивосток : Хай-шин-вей, 1919. – 36 с. – Текст : непосредственный.
406. Март, В. Шапка-невидимка / В. Март. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919f. – 20 апр. (№ 40). – С. 1.
407. Март-Матвеев, В. Н. Благословенный город / В. Н. Март-Матвеев. – Харбин, 1922а. – Текст : непосредственный.
408. Март-Матвеев, В. Н. Логово рыжих дьяволов: [О Шанхае] / В. Н. Март-Матвеев. – Москва : Гос. изд-во, 1928а. – 15 с. – Текст : непосредственный.
409. Март-Матвеев, В. Н. Луна : стихи / В. Н. Март-Матвеев. – Харбин : Кн-во В. А. Чиликина, 1922b. – 15 с. – Текст : непосредственный.

410. Март-Матвеев, В. Речные люди: повесть для детей из быта современного Китая / В. Март-Матвеев. – Москва : Молодая гвардия, 1930. – 51 с. – Текст : непосредственный.

411. Март-Матвеев, В. Н. На любовных перекрестках причуды. Новелла-миниатюра / В. Н. Март-Матвеев. – Харбин : Камень, 1922с. – 15 с. – Текст : непосредственный.

412. Март-Матвеев, В. Н. Строки / В. Н. Март-Матвеев. – Хабаровск : Зеленая кошка, 1919. – 15 с. – Текст : непосредственный.

413. Март-Матвеев, В. Н. Сборник рассказов (с рисунками) / В. Март-Матвеев. – Москва : Гос. изд-во, 1928b. – 32 с. – Текст : непосредственный.

414. Марьин, В. Порывы : стихотворения / В. Марьин. – Владивосток : Тип. Н. П. Матвеева, 1914. – 40 с. – Текст : непосредственный.

415. Матвеев, В. Современные японские поэты / В. Матвеев. – Текст : непосредственный // Природа и люди Дальнего Востока. – 1918е. – № 1. – С. 14; № 2. – С. 5–6, 12.

416. Никэд Мат (Костарев Н. К., Март В.). Желтый дьявол : в 3 т. Т. 1 : Гроза разразилась. 1918 год / Никэд Мат. – Б. м. : Salamandra P.V.V., 2018. – 270 с. – Текст : непосредственный.

417. Россов, А. Волшебный ус / А. Россов. – Текст : непосредственный // Воскресная Заря. – Харбин, 1921. – 14 авг. (№ 13). – С. 2.

418. Синяя Маска. Харбинские трущобы : цикл очерков (Гл. 3–5) / Синяя Маска. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921а. – 17 февр. (№ 33). – С. 3.

419. Синяя Маска. Харбинские трущобы : цикл очерков (Гл. 6–7) / Синяя Маска. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921b. – 18 февр. (№ 34). – С. 3.

420. Синяя Маска. Харбинские трущобы : цикл очерков (Гл. 8) / Синяя Маска. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921с. – 21 февр. (№ 36). – С. 6.

421. Синяя Маска. Харбинские трущобы : цикл очерков (Гл. 9) / Синяя Маска. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921d. – 24 февр. (№ 39). – С. 4.
422. Трам, В. Каппа душа и огурец / В. Трам. – Текст : непосредственный // Лель. – Владивосток, 1919a. – 29 нояб. (№ 3). – С. 4.
423. Трам, В. Лепестки Сакуры (Танка и Хокку) / В. Трам. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919b. – 20 апр. (№ 40). – С. 5.
424. Трам, В. Новое японское искусство / В. Трам. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919c. – 30 марта (№ 25). – С. 6.
425. Трам, В. Почтовая марка. Рассказ из современной японской жизни / В. Трам. – Текст : непосредственный // Эхо. – Владивосток, 1919d. – 20 апр. (№ 40). – С. 1–2.
426. Три души. Китайские сказания. – Текст : непосредственный // Заря. – Харбин, 1921. – 26 февр. (№ 41). – С. 4.